М. КАРАТАЕВ, К. АЛТАЙСКИЙ

ЖИДЕЛИ-БАЙСЫН — ЗЕМЛЯ СЧАСТЬЯ











М. КАРАТАЕВ
К. АЛТАЙСКИЙ

ЖИДЕЛИ-БАЙСЫН —
ЗЕМЛЯ СЧАСТЬЯ

Издательство «Жалын»
АЛМА-АТА · 1977

Каратаев М., Алтайский К.
К 21 Жидели-Байсын — земля счастья. Алма-Ата, «Жалын», 1977.
112с.

Эта книга о прошлом и настоящем казахского народа. Опираясь на легенды и факты, она рассказывает о том гигантском скачке, который совершил в своем развитии за годы Советской власти в прошлом кочевой и обездоленный народ. О том, как в тесной дружбе и с братской помощью русского народа и народов других союзных республик, а также при участии представителей свыше ста национальностей, населяющих территорию сегодняшнего Казахстана, он поднялся до высот мировой культуры и достиг передовых уровней индустриально-аграрного развития.

Путешествуя по республике, авторы повествуют о ее флоре и фауне, природных богатствах и духовном мире народа, испокон веков мечтавшего о Жидели-Байсын — обетованной земле, земле счастья, и нашедшего ее под знаменем ленинизма.

Образные сравнения, лаконичный и выразительный язык делают книгу интересной для широкого круга читателей и, особенно, доступной и полезной школьникам.

[9+58+32] (каз.)

ИБ № 344

К $\frac{70104-179}{408(07)-77}$ 309—77

Крепки и монолитны братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик. Его образование и успешное развитие являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинно интернационального характера, великим завоеванием социализма... Обеспечено фактическое равенство всех наций и народностей во всех сферах жизни общества, расцвела культура — национальная по форме и социалистическая по содержанию, утвердилось подлинное братство людей труда, независимо от их национальности, братство, спаянное общностью коренных интересов, целей и марксистско-ленинской идеологии. Последовательная реализация ленинских принципов национальной политики ведет к дальнейшему всестороннему сближению всех народов нашей многонациональной социалистической Родины.

(Из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»)

ПОЕЗДКА В УЗУН-АГАЧ



Необозрима, неоглядна страна Казахия! Ее просторы начинают с отрогов небесных гор — Тянь-Шаня и кончаются побережьем Каспийского моря. Чтобы обойти пешком ее границы, а их протяжение шестнадцать тысяч километров, даже неутомимому ходоку потребовалось бы более года.

Старики-аксакалы говорят: чтобы увидеть весь наш Казахстан, надо подняться на вершину горы высотой в двести километров. Но таких гор нет на свете. Зато есть в Казахстане гора Хан-Тенгри, покоренная отважными альпинистами. Ее словно высеченный из алмаза конус возвышается на 6 995 метров. А неподалеку — пик Победы еще выше на 444 метра.

Если знойным августом подняться на вершины Заилийского Алатау, попадешь в царство нетающего льда. Здесь снег слепит девственной белизной, сверкает множеством мельчайших алмазов. Без темных, защитных очков можно и ослепнуть. Под слоем снега — ледники, медленно, но неуклонно сползающие вниз. Из них берут начало горные ручьи, превращающиеся потом в реки.

Чуть ниже вечных снегов и льда — сизо-серые мрачные голые скалы, осыпи и морены — обломки и осколки горных пород. Еще ниже — альпийские луга со свежезелеными душистыми травами, с яркими цветами, среди которых анемоны, ирисы, ромашки, фиалки, чебрецы, гусиный лук. Тут встречаются мелкие кустарники, журчат хрустальные, холодные ручьи.

Это — джайляу, летние пастбища.

Их сменяет прохладная полоса хвойных лесов, где преобладает тяньшанская ель, конусообразное дерево, темно-зеленого, почти черного цвета, достигающее высоты пятидесяти метров. У подножия их — мхи, папоротники, земляника.

Затем идут лиственные леса и рощи; дикие яблони, урюк, орешник, кизил, карагач, вьющийся хмель, ползучая ежевика.

Если совсем спустишься вниз, окажешься в золотом климате знойного лета, здесь в садах ждет сбора черно-красная вишня, покрываются карминным тоном яблоки — апорт, наливаются сладким соком груши, ярко алеют помидоры. Выходит, за один день можно побывать в гостях у зимы, весны и лета.

А просторы — они необъятны. Даже весна приходит в нашу республику не сразу, и движется с юга на север два месяца. Когда на юге все зелено, цветет и благоухает, на севере еще держатся льды и гуляют метели. Казахстанская степь столь же велика, как африканские саванны и американские прерии. А наши пустыни в значительной степени напоминают Сахару и Гоби.

Вот как велик пространствами Казахстан!

Его природные богатства неисчислимы. Почти все элементы периодической таблицы Менделеева можно найти в недрах республики, а на ее полях зримо увидеть самые различные злаки: от ржи и пшеницы до проса и риса. Разбросанные на огромной территории Казахстана многочисленные заводы, рудники и фабрики выпускают тысячи видов различной продукции, а новостройки стали неотъемлемой частью его пейзажей.

Вот как прекрасен делами нынешний Казахстан.

Многие годы созерцая наяву титанический труд советских людей по превращению бывшей отсталой и заброшенной провинции царской России в цветущий Советский Казахстан, мы, казах и русский, сдружившиеся по совместной работе и творчеству сорок лет тому назад однажды и на всю жизнь, решили хотя бы в общих чертах рассказать юному читателю о родном крае, для которого нередко сегодняшняя явь нашей страны представляется порой чем-то самим собой разумеющимся. Может быть, это в каком-то отношении и неплохо, если учесть, что наше юное поколение живет не только днем сегодняшним, но и завтрашним светлым будущим. Однако давно известно, что ценность созидательного труда лучше всего познается в сравнении.

За годы дружбы мы объездили весь Казахстан вдоль и поперек. Впрочем, слово «объездили» неточно передает характер наших совместных путешествий. Приходилось летать над казахской землей на самолетах и вертолетах, мчаться по рельсам на поездах, ездить на автомашинах, гарцевать на конях, трястись на ишаках, ходить пешком.

Да и путешествия наши не ограничивались сегодняшними днями, мы оглядывались в прошлое и заглядывали в будущее, словом, путешествовали не только в пространстве, но и во времени.

Свое повествование нам хотелось бы начать с поездки в Узун-

Агач, в гости к старейшине казахских акынов Джамбулу сыну Джабая.

Это было летом 1937 года, после первой Декады казахской литературы и искусства в Москве, где акын Джамбул через «Правду» и другие газеты, через свои выступления перед тысячными аудиториями, через радиопередачи прославился на весь Советский Союз и первым из казахских акынов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. По требованию тысяч и тысяч читателей мы вдвоем готовили для печати первую его книгу песен и поэм, и нам было очень важно и даже необходимо увидеть Джамбула на его родине, в домашней обстановке, в кругу семьи, родичей и одноаульцев-колхозников. Для нас Джамбул представлял и особый интерес как талантливейший поэт, живущий на перевале двух веков — девятнадцатого и двадцатого: являющийся как бы связующим звеном устной и письменной литературы казахского народа.

Казахи(как и целый ряд народов — киргизы, каракалпаки, туркмены, эвенки, якуты и другие) до Октябрьской революции не имели своей письменности и были почти на 95% неграмотными. У казахов, например, на каждые двести человек насчитывалось от силы девять грамотеев. Основой культуры казахов была песня. Она сопровождала степняка от колыбели до гроба. Песни охватывали все стороны жизни. Были песни колыбельные, обрядовые, военно-походные, свадебные, похоронные, исторические, лирические.

Из песен, как дубы из желудей, вырастал в устах акынов героический эпос, поэмы, легенды, былины, в которых выражены память народа, его мудрость, мечтания, нравственные понятия, представления о красоте и благородстве, заветные думы и чаяния.

В герое поэмы «Кобланды-батыр» народ выразил лучшие черты — отвагу, широту души, любовь и преданность народу, самопожертвование. Поэма прославляет победные походы Кобланды против заклятых врагов народа — ханов Казана и Алшагира.

Поэма «Ер-Таргын» построена как противопоставление бесстрашия, душевного благородства, правдолюбия Ер-Таргына бездушию, трусости, лживости и алчности ханов. Ер-Таргын и его подруга красавица Ак-Жунус борются в поэме против чужеземных захватчиков, выступают против войн и междоусобиц.

В героическом эпосе «Алпамыс» песенно излагается поход батыра Алпамыса против корыстного и кровожадного Тайшахана, о семилетнем пребывании батыра в плену и возвращении его на родину. Пленительны, волнующи, хотя и трагичны лирические народные поэмы. Одна из них похожа на шекспировскую трагедию «Ромео и Джульетта» своей трогательностью и воспеванием чистой несокрушимой любви. Это поэма «Козы-Корпеш — Баян-Слу». Трагична, но трагична оптимистически, поэма «Кыз-Жибек».

Мы знаем, что Джамбул, обладавший феноменальной памятью, помнил все лучшие песни и поэмы казахов. Его песенное мастерство продолжало лучшие фольклорные традиции народа.

Неграмотный акын обладал незаурядной песенной культурой. В газете «Известия» его вполне заслуженно назвали великаном народной поэзии.

Нам хотелось узнать мнение Джамбула о народной легенде про Асан Қайгы.

«Асан Қайгы,— писал в свое время казахский ученый Чокан Валиханов,— был философом казахского Ногайлинского улуса при хане Жанибеке». То есть прототипом героя легенды было реальное, историческое лицо.

Народ опоэтизировал его, наделил такими чертами, как беспримерное мужество, острота мысли, самопожертвование, непримиримость к рабству, любовь к народу. Судя по легенде, акын — народный заступник и бесстрашный человек — Асан Қайгы оседлал белую, быстроногую, как ветер, верблюдицу и скитался по свету в поисках счастливой земли для своего обездоленного народа. В сердце легендарного Асан Қайгы народ вложил свою заветную мечту о свободе, обетованной земле и счастье.

Мы ехали к Джамбулу на машине. Степь дышала запахами полыни, шалфея, ромашки, дикого лука — жуа.

Разговаривая о Джамбуле, вспоминали мудрые слова Мухтара Ауэзова об акыне, как о мастере слова.

«Джамбул — многогранный художник слова. Мы напрасно обедняем его, записывая и переводя только его песни и поэмы. Он — разносторонен. У него есть сказки, эпиграммы, памфлеты, изречения, пословицы. Все это надо бережно записывать и переводить, и тогда Джамбул предстанет перед нами как златоуст и языкотворец».

Из Джамбуловых сказок нам известна была лишь одна —«Сказка о лентяе», переведенная на русский язык Леонидом Макеевым:

«...У меня такое хозяйство, что все оно сможет уместиться и на ладони. Если поделить обязанности по хозяйству между моими сыновьями, каждому из них достанется самая небольшая доля работы. Но всякий раз, когда я говорю сыновьям: «Вы сегодня должны сделать то-то»,— они отвечают: «День еще весь впереди» или: «Это и завтра сделаем». Такие ответы моих сыновей напоминают мне сказочного лентяя.

...Жил такой человек на свете. Отец его имел несметное богатство, да и сам он владел целым аулом и ни в чем не нуждался: хотел ехать — конь готов, хотел есть и пить — бесбармак и кумыс к его услугам. За всю жизнь он соломинки не переломил своими

руками. Если он лежал на левом боку, ему лень было перевернуться на правый. Таков был этот сказочный лентяй.

Аул его был расположен в большом урочище. Осока и камыш вокруг его юрты никогда не выкашивались.

Однажды жители аула всполошились, увидев охваченную пламенем степь. Огонь быстро приближался к урочищу. Жители бросились к своим жилищам спасать имущество и скот. А байский сын, владелец большого аула, лежал в своей белой юрте и даже не сдвинулся с места — ему лень было подняться.

— Встань, мырза, весь народ кочует. На урочище идет большой пожар,— обращаются к нему.

— Ну что ж, пусть кочуют,— отвечает он.

— Мырза, ты останешься один на месте стоянки!— предупредили его.

— Ну и что из того, что я останусь один,— ответил он и продолжал лежать не двигаясь.

Кто-то второпях, усталый и встревоженный, еще раз напомнил ему о пожаре:

— Зимовка в огне, нужно уходить отсюда.

Он ответил:

— Пусть горит, что из этого?

Перекочевав на новые места, жители аула были удивлены поступком своего господина и решили, что он является праотцом всех лентяев.

— Когда пожар застанет его в постели, может быть, тогда от страха он станет проворнее.

В огне пылали зимовки, арбы, загоны для скота. Но владелец большого аула продолжал лежать в юрте.

Когда пожар стих, несколько джигитов поехали на место старой стоянки. Среди обгорелых остатков белой кошмы в куче пепла нашли они своего господина. Он был похож на опаленного барана. Один из джигитов, спешившись, подошел к нему и спросил:

— Господин мой, твоя леность привела тебя к смерти. Покаялся ли ты?

— Ну и что из того, что я умру?— пробормотал он слабым голосом и скончался».

Вот и Узун-Агач, где живет акын Джамбул, автор песен о Ленине, поэм «Моя родина», «Колыбельная песня», «Кляча и конь», «Песня о весне народов».

Небольшой домик. Около него сад, где яблони, груши, черешни, смородина посажены акыном. Но в домике акына нет. Он — рядом, в юрте. Летом в юрте ему вольнее дышется, лучше поется. Он рад гостям. Без слов он делает движение рукой, и домашние понимают: нужен чай, баурсаки, сыр. На Джамбуле серый, как у любого кол-

хозника, халат, на голове тюбетейка, на ногах мягкие без каблуков сапоги. Посреди юрты — низкий стол. Юрта застлана не ковром, а кошмой. Начался разговор.

Джамбул спросил:

— Знают ли русские братья наши, казахские песни и кюи? Они громко хлопали в ладоши в Москве, слушая музыку «Кыз-Жибек» и «Ер-Таргына». Может быть, это только их любезность!

— Нет, Жаке, это было их непритворное восхищение казахской музыкой, да и сюжетами поэм, их образами, словесным мастерством.

Довольный Джамбул кивал головой.

Он посмотрел на висевшую на стене почерневшую от ветров, дождей и времени свою двухструнную домбру и сказал:

— Старею я. Времени мне не хватит, а то бы я сложил и спел отдельную песню для каждой страны — для Индии, для Афганистана, для Испании...

Две женщины постелили на низенький стол дастархан и стали ставить деревянные блюда с казы, баурсаками, вяленой дыней...

В юрту вошел сын Джамбула и почтительно поклонился нам.

— Алгадай,— сказал Джамбул,— приведи к юрте коня. Гости еще не видели его.

Алгадай тотчас покинул юрту.

Джамбул был в приподнятом настроении. Его слова походили на нерифмованную песню, а может быть, это был словесный черновик будущей песни:

— Я молодым иду по родной земле. Там, где умирали мечты и песни скитальцев Қоркыта и Асан Қайгы, отдают народу свои дары моя Эмба и Қараганда, Балхаш и Алтай, Арал и Қаспий. В иссохших долинах, где росла одна горькая полынь, как волны Балхаша шумит колхозная пшеница, раскрывает золотые коробки хлопок и зреет рис.

В юрту вскоре вернулся Алгадай:

— Ата, аргамак у юрты.

Джамбул, которому шел девяносто второй год, поднялся легко, как юноша, и жестом пригласил нас следовать за собой.

Мы вышли и, пораженные, остановились. Перед нами стоял во всей своей красе, силе и грации великолепный конь золотисто-гнедой масти, с выструненными тонкими ногами. Его держал под уздцы незнакомый нам юноша. Алгадай перехватил у него уздечку. Мы слышали в Алма-Ате, что правительство Қазахстана подарило акыну-орденоносцу одного из лучших коней из табунов совхоза «Дегерес». Джамбул переводил глаза с коня на нас и снова на коня. Он заметил наше восхищение и не скрывал своей радости.

— Я, конечно, стар,— сказал он,— но я, сколько хватит сил, сам

буду чистить и холить коня, я не дам ветрам пушить его шерсть, не дам знойному солнцу выжигать его золотой цвет, пот тяжелой работы не будет томить коня — ибо это подарок моего народа.

Акын любовно потрепал коня по холке и махнул рукой. Алгадай увел коня.

В юрту тем временем внесли исходящий пáром самовар. Мы сели за дастархан. За чаем Джамбул услышал нашу просьбу сказать свое мнение о легенде про Асан Қайгы.

Он погладил свою ковыльную бороду и сказал:

— Завтра-послезавтра я буду в Алма-Ате. Там мы увидимся и я вам отвечу, как надо. А сегодня я спою вам маленькую песню.

Мы заметили, что домбра лежала у подушки, на которой сидел Джамбул,— значит, он ее приготовил, зная, что будет петь. Тут мы впервые стали свидетелями, как рождается песня Джамбула. Он сделался вдруг беспокойным, как бы отстранился от собеседников и стал прислушиваться к себе, и рука его сама потянулась к домбре. Еще не играя, он начал тихонько, чуть приметно раскачиваться, настраиваясь на зарождавшуюся мелодию. Потом его пальцы легко тронули тугие струны древнего инструмента, возникла мелодия, но еще неясная, едва уловимая. Он нагнулся к домбре, вслушался в ее еле внятный голос, и вдруг в глазах его вспыхнули неяркие, но все же приметные огоньки и он в одно мгновение преобразился. Перед нами сидел уже не согбенный, сутулый отягощенный годами старец, а гордый, вдохновенный певец с просветленным лицом, уверенный в себе, сильный и щедрый душой. Мелодия полилась негромко, но плавно, ритмично, предваряя ритм рождающейся песни-импровизации. Он начал петь, сливая голос со звучанием струн, громко, торжествено:

Солнце лучами брызнет —
Маками степь полыхнет.
«Солнце — основа жизни!» —
Так говорит народ.
Дружба народов в Отчизне
Жарче, чем зори, цветет.
«Дружба — основа жизни!»—
Так говорит народ.
Силой прогнали мы слизней
В ржавые топи болот.
«Сила — основа жизни!»—
Так говорит народ.
Взвились на крыльях ввысь мы,
В небе ведя полет.
«Смелость — основа жизни!»—
Так говорит народ.
Ленин принес нам солнце
Дружбу, кипение сил,
Он научил нас бороться

Против всесветных громил.
Выросли на планете
Ленинцы-большевики.
Ленина любят дети,
Юноши и старики.
Счастливы в нашей Отчизне
Город, кишлак и аул.
«Ленин — основа жизни!»—
Так говорит Джамбул.

Мы уехали из Узун-Агача в сумерки. В небе зажигались звезды. Всю обратную дорогу мы говорили о Джамбуле, дивясь его песенной силе.

Через день Джамбул приехал в Алма-Ату. В квартире тогдашнего председателя Комитета по делам искусств Габбаса Тогжанова из большой комнаты убрали мебель. Постелили большой ковер. На дастархане появились фрукты, баурсаки, сладости, чай. Хозяйничала народная артистка СССР Куляш Байсеитова. Ее Джамбул очень любил и неизменно называл дочкой. Гости говорили вполголоса. Все, естественно, ждали выступления Джамбула. Ведь все и собрались-то ради этого. Джамбул молчал. Справа и слева от него сидели два казахских поэта с блокнотами и отточенными карандашами. Домбра лежала на ковре рядом с акыном. Особенно нетерпеливо ждали выступления мы,— ведь он обещал нам ответить на наш вопрос о легенде про Асан Кайгы.

Наконец к Джамбулу подошла Куляш Байсеитова и тонкой рукой коснулась джамбулова плеча. «Что тебе, дочка?»— ласково спросил он. «Ата, гости ждут вашей песни!»— улыбнулась она. Джамбул взял домбру, прикрыв глаза, стал медленно раскачиваться, тронул струны, едва внятно выводя мелодию.

Мы ждали обещанного акыном — вот-вот он запоет о легендарных казахских скитальцах, искавших для казахского обездоленного народа счастливую землю, — о Коркыте, создателе смычкового народного инструмента — кобыза, родоначальнике песни и музыки, искателе счастья, или об Асан Кайгы, изъездившем на белой верблюдице огромные пространства в поисках счастливой земли для казахов. Мы почти не сомневались, что Джамбул запоет об одном из этих двух легендарных героев.

И вдруг Джамбул вдохновенно, самозабвенно запел,— полились рифмованные чеканные, совершенно отшлифованные строки:

Вольно, просто, вдохновенно,
Как арык играет пеной,
Я, Джамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.
Я не сам ее слагаю,
Где я взял ее, не знаю.

Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.
В криках дикого оленя,
В соловьином нежном пенье,
В гордом клекоте орлином
Я узнал об Утегене.

Все, кто был в это время в комнате, слушали новую, только что рождающуюся поэму Джамбула. Многие из присутствующих знали, что Утеген — лицо реальное, историческое, это один из казахских батыров, прославившийся в народе в эпоху борьбы с джунгарскими и кокандскими завоевателями.

Но чем дальше Джамбул рисовал образ батыра — Утегена, тем больше тот сливался с образами Қоркыта и Асан Қайгы, не теряя при этом своей индивидуальности, своеобразия, биографических подробностей. Қоркыт и Асан Қайгы, эти скитальцы и народные печальники, искали счастья для бедствующего казахского народа в одиночку на свой риск и страх, и в их исканиях больше мечты, чем геройских деяний.

А джамбуловский Утеген-батыр с самого начала поисков счастливой земли для казахов идет во главе отряда храбрейших воинов-казахов, да и родословная его обозначена точно: он родился в Жетису — Семиречье, в роду Дулата, в семье Срымбета, даже дата его подвигов указана — восемнадцатое столетие.

Возглавив пятьдесят отважных, беззаветно преданных народу воинов, Утеген-батыр осмысленно и целеустремленно ищет землю, где казахский народ будет свободен, забудет о нужде, найдет долгожданное счастье.

На пути к этой обетованной земле Утеген-батыр совершает подвиги в духе той фантастики и сказочности, которая присуща народным легендам древности. Он, минуя многие страны и побеждая различных чудовищ, упорно идет и идет и, наконец, находит землю счастья Жидели-Байсын. Для живописания ее Джамбул не пожалел самых ярких красок своей поэтической палитры. Это земля изобилия, неисчерпаемых природных богатств и красоты.

Утеген! Вот, мечтаний венец!
Ты нашел край чудес наконец!
Посмотри, как лазурь высока,
Как привольно плывут облака!
Посмотри на разливы зари,
На степные цветы посмотри!
Посмотри, как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды,
Они слаще, чем липовый мед,
Они, падая, просятся в рот.
Без поливки и без кетменя
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.
Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри.
Здесь и зайцы крупнее козлов,
Куропатки размером с орлов.
Посмотри на джейраньи стада,
Их никто не сочтет никогда.
Козы ростом крупнее коней.
И их мясо ягненка нежней.
В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей.
А в степях среди трав и цветов
Много пестрых фазанов и дроф.

Чем дольше мы слушали поэму, при нас создаваемую Джамбулом, тем яснее понимали, что он не только большой поэт, но и мудрец. И поэма-легенда его глубоко символична, и смысл ее не только современен, но и прямо-таки злободневен, и умный теперешний слушатель и будущий читатель поэмы без особого труда разгадают ее символику.

Казахский угнетенный и обездоленный народ назван своим именем. Символика начинается с Утеген-батыра и его отряда. В них нетрудно усмотреть те живые, революционные антиханские и антицарские силы, которые с оружием в руках бились за народное счастье и в пору восстания Исатая Тайманова, и позднее в восстании 1916 года. Все фантастические чудища, безводные пустыни, непроходимые леса — все это сложнейшие условия — ханские междоусобицы, набеги воинственных соседних поработителей, тенета ислама, опутывающие темный народ, словом — все то, что мешало живым силам народа идти прямой дорогой к свободе и счастью.

А Жидели-Байсын? Стоит вслушаться или вчитаться в то, как ее изображает Джамбул, сразу становится ясно, что это не что иное как земля казахов, Казахстан. Все в нем есть и прекрасная природа, и богатства недр, и плодородная земля. Нет только свободы, народовластия, раскованного, свободного труда. Вот эту свободную от царя, ханов, баев Жидели-Байсын и ищет Утеген-батыр.

И вот она перед ним. Что же этим хотел сказать Джамбул? По-видимому, он довел свое легендарное повествование до Февральской революции.

Царь свергнут. Живи, будь счастлив родной казахский народ! Но жизнь показала, что это — иллюзия. Да, Жидели-Байсын (то есть, попросту говоря, прекрасный в своей природе, в заложенных в нем возможностях творческого развития Казахстан) — вот она перед тобой. А счастья все нет. Остались у власти богачи, осталось кулачество и байство, остались проклятые алашординцы.

И Джамбул нашел символический образ, очень емкий, убеди-

тельный и драматический, чтобы показать, что Жидели-Байсын вроде бы найдена, но она не гарантирует счастья казахскому народу. Эта мысль выражена в поисках травы. Найдя обетованную страну, Утеген-батыр ищет в ней траву, пригодную для корма коней:

Он искал сорок дней и ночей
Трав, пригодных для корма коней.
Степь от края до края прошел,
Только трав этих он не нашел.
Что за ценность в стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?
Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.
И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен,
Как в песках раскаленных седок,
Конь которого рухнул, издох.
Обступила его темнота.
Умирала в батыре мечта.
И пошел Утеген в темноту,
Хоронить золотую мечту.

Так, вероятно, закончил бы свою замечательную поэму «Утеген-батыр» Джамбул в весенние и летние месяцы 1917 года, после Февральской революции.

И он был бы абсолютно прав. Белого царя нет, но байство и алашординцы душат народ, лишают всякой надежды на счастье.

Созданный поэтической фантазией народный заступник Утеген-батыр в народном сознании и памяти встал бы в один ряд с легендарными Коркытом и Асан Кайгы.

Но Джамбул вдохновенно импровизировал свою поэму «Утеген-батыр» летом 1937 года. И поэтому голос его вдруг окреп, глаза молодо сверкнули и, ударив по домбровым струнам, он допел конец поэмы совсем неожиданными строфами, патетическим тоном:

Утеген, Утеген! Где же ты?
Отзовись из немой темноты!
Я, Джамбул, из степей Жетису,
Тебе новые вести несу.

И дальше он во весь голос воспел подлинную Жидели-Байсын, землю счастья,— возрожденный Октябрем Казахстан:

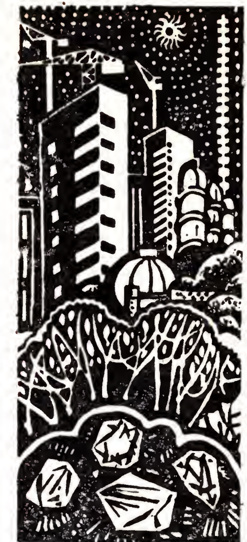
Посмотри —
Озарен, осиян,
Встал одетый в лучи Казахстан.
От Тянь-Шаня его простор
До уральских яшмовых гор.
У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.
У казахов цветет свой флаг,

Как горячий, пурпурный мак.
У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.
У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.
У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.
Урожай у казахов богат.
Молодые заводы дымят.
И своя в водоемах вода.
И свои по степям города.
Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна.
Каратау дает свинец,
Кокчетау гонит овец,
Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай,
Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент,
Золотые как в сказке хлеба
Для народа растит Актюба.
Скачет так, что трясется земля,
По степям, где лишь ветер гулял,
Меж озер и меж каменных глыб
Вороной с дымной гривой Турксиб.
Дни и ночи грузят поезда
Черным золотом Караганда.
В Эмбе гордые вышки стоят
И кипит нефтяной водопад.
В Кармакчинской степи зреет рис.
К Алатау сады поднялись.
А в садах слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.
А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты
С белой шерстью нежней облаков.
Табуны вороных скакунов,
Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов
Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.
Все, что щедро цветет и поет,
Это ж наше — твое и мое.
Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!

Поэма «Утеген-батыр» была записана двумя казахскими поэтами слово в слово и переведена на русский язык, потом на языки почти всех народов, населяющих Советский Союз, затем на языки 26 стран всех континентов.

А мы, друзья — казах и русский, поехали путешествовать по Казахстану, который с легкой руки Джамбула стали называть Жидели-Байсын, земля счастья.

ЧУДЕСА ВОКРУГ



Кого ни повстречаешь, совершая путешествие!

Встретили мы на алмаатинском аэродроме одного человека, и он, слыша наш разговор о чудесах в Казахстане, заметил:

— Вот вы толкуете о казахских чудесах, а я восьмой раз приезжаю в Казахстан и, представьте, никаких чудес здесь не обнаружил.

Мы посмотрели на него с сожалением.

Захотелось удивить этого равнодушного человека каким-нибудь чудом казахской земли.

Мы спросили:

— Вы видели когда-нибудь озеро Иссык?

— Нет,— ответил он.— Слышал, что есть такое горное озеро, но видеть не довелось.

— А мы бывали там много раз, и каждый раз оно нас очаровывало все больше и больше.

Это было, действительно чудо. Представьте огромную, в несколько километров, каменную чашу, вознесенную в горы на тысячу восемьсот метров над уровнем моря. Эта колоссальная каменная чаша наполнена сине-бирюзовой ледниковой водой. Иногда озеро меняло цвет и издали казалось изумрудным. Вокруг — нагромождение скал, черно-зеленые тяньшанские ели, дикие яблоки и урюк, ползучие кустарники. Бирюзовое и изумрудное озеро было известно всему миру. Сотни раз его фотографировали, рисовали, снимали на кинопленку.

В глубокой древности озеро Иссык образовалось в результате могучего селя.

Наш собеседник не знал, что такое сель. Пришлось ему объяснить:

— Сель — это гигантский поток грязи и камней, обрушивающийся с высоких горных кряжей и обладающий страшной разрушительной силой. Высоко в горах, от бурного таяния снега и льда, а иногда от ливней образуется паводок. Вода мчится вниз, смывая почву, захватывая камни, обломки скал, вырывая с корнями столетние деревья.

— Но почему вы говорите об озере, употребляя глаголы прошедшего времени — «было», «стало», «очаровывало?»

— А потому,— ответили мы,— что этого волшебного озера больше нет: 7 июля 1963 года огромный сель уничтожил его. Озеро Иссык голубело в горах восемь тысяч лет. И было уничтожено селем за восемь часов.

Собеседник покачал головой:

— Действительно, чудо. Только восхищаться тут нечем. Люди оказались бессильны сохранить прекрасное озеро.

Пришлось продолжить разговор:

— О чуде вы сейчас услышите.

От погибшего озера (оно, конечно, будет вновь сотворено, но уже не селем, а человеком!) всего шестьдесят километров до Алма-Аты. Но со стороны другого ущелья, которое выходит прямо на город, столице Казахстана постоянно угрожала опасность. Город пострадал от селей в 1921 и 1956 годах.

Нужно было создать щит от селей, грозивших каждое лето. Выход был в том, чтобы перекрыть ущелье, где течет речка Малая Алматинка, высокой плотиной. Подсчитали: нужны крупные капиталовложения, а главное, эта работа требовала не менее десяти лет. И решили: произвести уникальный в истории человечества мирный взрыв с таким расчетом, чтобы перегородить ущелье горными породами.

На помощь ученым Алма-Аты пришли ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Ташкента.

Для речки в породе продолбили новое русло — тоннель.

В горах, в урочище Медео, началась ударная работа. Сто тридцать взрывников заложили в горные кряжи более пяти тысяч тонн взрывчатки.

21 октября 1966 года в 11 часов по местному времени по радио зазвучала музыка Чайковского — условный сигнал для производства взрыва. Земля дрогнула. Поднялось гигантское облако. В считанные секунды около двух миллионов тонн горных пород рухнуло в ущелье. Рукотворная плотина высотою в шестьдесят, а шириною у основания в четыреста метров перегородила ущелье и речка заструилась по новому руслу.

Из Алма-Аты в Москву, в Академию наук СССР полетела телеграмма: «В 8 часов московского времени произведен уникальный

взрыв, образовавший набросную плотину высотой в 60—65 метров. Все расчеты по взрыву благоприятно превзойдены. Ни одно сооружение города и урочища Медео не пострадало.

Не было ни одного неприятного случая. Если даже не продолжать строительных работ, плотина защитила город минимум на 50 лет...

Через полгода, 14 апреля 1967 года в Алма-Ате снова прозвучала по радио музыка Чайковского — сигнал для нового мощного взрыва.

Заложено было около четырех тысяч тонн взрывчатки. В двухсекундный момент прокатилось три громоподобных взрыва, и гребень плотины поднялся еще на тридцать метров. Теперь Алма-Ата защищена от селей плотиной в девяносто метров высоты.

Уместно напомнить, что мирными взрывами в Казахстане сооружено около трехсот искусственных водохранилищ. Такие чудеса казахстанцы сотворили впервые за свою полутысячелетнюю историю.

Мы стоим и устоков нового чуда, о чем говорилось на XXV съезде КПСС и что становится из загляда в будущее былью,— явь ведь начинается уже там, где мечта облекается в цифры, в инженерно-технические проекты, в чертежи.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» сказано: «Провести научные исследования и осуществить на этой основе проектные проработки, связанные с проблемой переброски части стока северных и сибирских рек в Среднюю Азию, Казахстан и в бассейн реки Волги».

Это уже — директива, решение, закон. И это ближе всего касается Казахстана, где недаром бытует народная поговорка «Где вода — там жизнь». Более сорока научно-исследовательских институтов и проектных организаций плодотворно работают над этой грандиозной проблемой. Было много вариантов трассы будущего канала. Остановились на двух: Северном и Тургайском. Из них нужно принять один. По Тургайскому варианту сибирская вода устремится из Иртыша к Центральному Казахстану и почти по прямой придет к Аральскому морю. Северный, или Широтный, вариант предполагает трассу канала через Уральский хребет, к Волге... Обе трассы ведут к одной точке — Тегизскому водохранилищу, что в нескольких километрах от Аральского моря. Возможно, в будущем осуществят оба варианта, хотя преимуществ больше у Тургайского. Во-первых, трасса намного короче и проще в исполнении. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, сибирскую воду получат промышленные города Зауралья и зёмли Казахстана, богатые полезными ископаемыми.

При любом варианте Казахстан может уверенно ждать Большую Воду; ну разве это не чудо, что Трансазиатский канал уже на первом этапе строительства будет давать каждую секунду тысячу кубических метров воды, а это значит, на советской земле появится новая река, равная Сырдарье или Дону, а на втором этапе канал будет равноценен Амударье или Днепру.

У нас нет ни малейшего сомнения, что в намеченные сроки появится новая рукотворная река, равная Сырдарье или Днепру.

Мы уже были свидетелями чуда, и у нас на глазах была создана подобная река, равная воспетому Пушкиным и Лермонтовым Тереку, длина которой 459 километров. Эту новорожденную реку зовут каналом Иртыш-Караганда, и он не остановит своего течения у Караганды, а будет протянут дальше — до Джезказгана. «Голубая трасса»— так назван документальный фильм об этом канале.

Казахстан огромен по своей территории, по занимаемой им площади в Советском Союзе он на втором месте за Российской Федерацией, и превосходит Украину почти в пять раз.

Казахстан поражает разнообразием своей природы — горы, предгорья, отроги, альпийские луга, леса, лесостепи, степи, полупустыни, пустыни, моря, реки, озера, много озер.

Богатства его недр неисчерпаемо велики. Говоря о них, вряд ли можно обойтись без народных легенд.

Одна из них повествует о Ер-Тостике, подземном и подводном страннике, который под землей и водой открыл несметные сокровища и в доказательство этого принес на землю казахов золотой котел.

Другую легенду мы слышали от старого пастуха.

— Глазастый джигит,— говорил он,— нашел в степи золотой самородок величиной с конскую голову. Встретили его разбойники, погнались за ним, чтоб отнять золото. Джигит положил самородок в сундук, запер его, зарыл, а ключ бросил вверх, в небо. Кто найдет ключ, откроет сундук с золотом и принесет народу счастье.

От одного горного инженера слышали мы и такую легенду.

Появляется ночью у озера сайгак, утверждает легенда, да не простой, золотой, во тьме светится. Ночь пасется, пьет воду из озера, а как начинает светать — глядь, нет его, будто сквозь землю провалился. Охотники на конях пробовали его догнать — не удавалось. Стреляли в него — пуля не берет. Спросили люди столетнего акына: «Где скрывается золотой сайгак днем?» Ответил акын: «Перед ним разверзается степь, и он уходит в подземелье. Это и не сайгак вовсе, а подземный клад».

Великий казахский геолог Каныш Сатпаев очень чутко прислушивался к народным сказаниям, твердо веря, что народ очень приметлив и мудр. С давних времен народ понял, что под ногами у

него, под землей — сокровища и надо их только поискать поусерднее. Достойно удивления, что некоторым геологическим открытиям предшествовали подсказы простых, не умудренных наукой, людей. Вот как открыт был каменный уголь.

Лет сто назад была лютая зима, жирный сурок зарылся в землю, впал в спячку. Охотник-зверобой Аппак Байжанов взял железную лопату и стал откапывать сурка.

Добыв сурка, охотник развел костер из сухого караганника. Случайно в огонь попали черные камни, отрытые вместе со зверьком из норы. И вдруг они загорелись жарким пламенем.

Соседи сначала не поверили охотнику, но он привел их к сурочьей норе, разжег костер и все подтвердилось.

Молва дошла до русского купца Ушакова. Он и его компаньоны Рязанов и Зотов купили землю с каменным углем у бая Игилика Утепова за десять коней и двести пятьдесят рублей. Из-за растущего вокруг караганника землю назвали Карагандой. Вскоре русские купцы продали Караганду французам, а те перепродали ее англичанам.

И никто, в сущности, не знал, что таят в себе недра Караганды. Англичане добывали уголь всего из двух шахт. Рождение Карагандинского бассейна произошло после революции, в годы первой пятилетки.

В. В. Куйбышев, познакомившись с данными геологической разведки о громадных запасах угля, писал: «Караганда призвана сыграть всесоюзную роль и вместе с прилегающими к ней рудоносными районами Северно-Восточного Казахстана стать громадным прогрессивным фактором развития всего народного хозяйства СССР».

Караганда стала третьей всесоюзной кочегаркой (после Донбасса и Кузбасса) и сыграла в грозные дни Великой Отечественной войны исключительно большую роль, а по уровню механизации заняла первое место среди угольных бассейнов СССР.

Проходческий комбайн «Караганда-7/15», сконструирован в Караганде и прозван «подземной ракетой». Теперь просто не верится, что когда-то карагандинские шахтеры работали вручную, обушками! Модель комбайна «Караганда» с успехом экспонировалась на международных выставках.

Знатный угольщик — комбайнер Башир Нурмагамбетов, помнится, с гордостью говорил нам о своей Караганде: «По механизации она первая не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Скоро во всех шахтах навалка, проходка, транспортировка будут переданы машинам. У шахтеров появятся обязанности инженера».

А вот история открытия другого угольного месторождения — Экибастуза.

По народному преданию, пастух-казах Косум Пишенбаев в дореволюционные времена нашел у Соленого озера выступающие на поверхность пласты каменного угля и положил для ориентира на местности два куска соли. Экибастуз — по-русски значит «две головы соли».

До революции тут орудовали русские купцы Попов и Деров и английский капиталист Лесли Уркварт; труд в шахтах был каторжный, недра были неразведаны. При Советской власти в Экибастузе геологами выявлены высокого качества бурые угли, исчисляемые двенадцатью миллиардами тонн.

Гигантская Ермаковская ГРЭС работает на экибастузском, самом дешевом в мире, угле. Она передает электроэнергию на промышленные предприятия Целиноградской области и Алтайского края, а в недалеком будущем ее электрический ток потечет по первой в Казахстане высоковольтной линии, в центральные области Советского Союза за 2 400 километров. Эта электрическая река явится составной частью гигантского пояса — единой энергетической системы Советского Союза. На XXV съезде КПСС делегат Казахстана Д. А. Кунаев под аплодисменты всего съезда сказал:

«В дополнение к третьей всесоюзной кочегарке — Караганде выросла добыча угля в гигантских карьерах Экибастуза. Сегодня Казахстан с уверенностью докладывает съезду: есть в Советской стране новая, четвертая всесоюзная угольная кочегарка!»

Железо! О нем мечтали казахи, ибо им приходилось пользоваться лишь привозным железом. А оно лежало чуть ли не на поверхности степной земли.

Летчик Михаил Сургутанов, обслуживающий геологов, летел над степью. Летел низко, чуть ли не на бреющем. И вдруг удивился! Диск (картушка), выполняющий на авиационном компасе роль магнитной стрелки, заходил ходуном. Что за оказия? Как над курской землей, где, как известно, расположена магнитная аномалия.

Летчик повернул самолет, пролетел над тем же местом и снова картушка заплясала. Сургутанов рассказал об этом геологам. Они исследовали урочище Сарбай, указанное летчиком, и открыли неисчислимые запасы железной руды.

В степи вырос город рудокопов — Рудный и встал огромный Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат, дающий в год пятнадцать миллионов тонн железной руды самого высокого качества. На очереди — другие месторождения железа и тоже богатейшие — Атасуйское, Лисаковское. На глазах у всех, набирая темпы, растет новый город и новый горнообогатительный комбинат — Качары.

Ныне на полный цикл работает Казахстанская Магнитка — металлургический комбинат-гигант, дающий чугун, сталь, прокат.

А давно ли показывал нам наш друг первый сталевар республики Алтынбек Дарибаев чугунную плитку. На ней — барельеф первой домны, казахский орнамент и надпись: «Казахская ССР». Карагандинский металлургический чугун. Июль, 1960».

Всего шестнадцать лет прошло с того счастливого дня, когда сталевар Алтынбек Дарибаев, доменщик Мурат Мухамеджанов и его друг, тоже доменщик, Махамбет Тикеев увидел рождение чугуна. «Вот он, первый чугун! Он в моих руках!»— кричал Махамбет и плакал от радости.

Теперь Казахстан не ввозит черный металл и железные изделия, а вывозит их с каждым годом все больше и больше.

Среди всех республик Советского Союза по меди, свинцу, цинку и многим другим металлам Казахстану принадлежит первое место. А казахстанская медь — самая дешевая.

Рудный Алтай — это подлинный заповедник цветной металлургии. Там разведаны цинк, медь, золото, серебро, ртуть, кобальт.

В тридцатых годах прошлого века на Алтае добывал серебро промышленник Риддер. Он продал рудники англичанину Уркварту. Тот с подручным немцем Лессингом завел рабовладельческие порядки. Платили гроши, работать заставляли по шестнадцать часов в сутки. В советское время в заброшенной шахте Вознесенского рудника откопали скелет рабочего, прикованного к столбу. Там же нашли станок для пыток и пучки розог.

Уже после революции, в 1920 году Уркварт писал Ленину: «Не дадите ли мне возможность поковыряться в Киргизской степи около Балхаша и дальше? Раньше чем через пятьдесят, а может, через сто лет этими местами вы все равно не займетесь. А я поищу и, может быть, что-нибудь найду».

Плохо знал арифметику Уркварт. В концессии ему было отказано. Английскому корреспонденту В. И. Ленин сказал: «Мотивировка нашего отклонения договора с Урквартом выразила непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общенародное настроение».

У Балхаша наши геологи нашли богатейшие залежи меди. Вырос Балхашский комбинат и дает медь. А вместе с ним работает и гигант Джезказган, главный производитель меди в стране.

На юге Казахстана монолитно стоит горный хребет Джунгарского Алатау. В небо уходит Ак-Тюбе — Белая гора. Тянется там меж гор громадное изумрудное от леса ущелье Текели. Славилось это ущелье только горными козлами — теке, кабанами, барсами, медведями. Но пришли сюда геологи и открыли несметные залегания свинцовых и цинковых руд. Вырос крупный свинцово-цинковый — на 30 километров в длину — комбинат. Вырос город Текели.

Знакомясь с Казахстаном, С. М. Киров с присущей ему эмо-

циональностью говорил: «Посмотрите, чертовски красивы и богаты эти казахстанские степи! Сколько простора, земли сколько!.. Богатый, изумительный край!.. Долго спала казахская степь, но большевики разбудили вековую тишь, степь стала жить новой жизнью. Сколько здесь богатств! Все это мы поставим на службу народу, превратим Казахстан в культурный, цветущий край!»

Предвиденья Кирова сбылись. Все, что веками лежало в недрах, ныне извлекается и ставится на службу человеку: горючие сланцы и бокситы — сырье для алюминиевой промышленности, хромитовые руды и сульфаты, золото и серебро, калийные соли и бром, самоосадочные соли и серный колчедан — богатейшие сырьевые ресурсы для стекольной, фаянсовой и лакокрасочной промышленности. На геологической карте республики значатся месторождения редких и рассеянных металлов — кадмия, селена, галлия, германия, индия, теллура, висмута и многих, многих других.

Казахстан разведал в своих недрах неисчерпаемые запасы сырья для строительных материалов — известняки, мергели, мел, гипс, огнеупорные, тугоплавкие, фарфоровые глины, кварцевые пески, минеральные краски, мрамор, кровельные сланцы,— словом, все необходимое для большого строительства.

Насколько уникальны богатства недр Казахстана, свидетельствует такой факт. Когда-то мировую славу приобрел камень-самоцвет малахит. У нас его добывали только на Урале, из Медной горы, где герой «Малахитовой шкатулки» Бажова мастер Данила увидел волшебный «каменный цветок»— малахит. В руднике Гумешки из Медной горы весь малахит был выбран уже к 1789 году. Памятью об этом осталась полуторатонная малахитовая глыба, стоящая ныне у входа в геологический музей Горного института Ленинграда, да еще несколько сот изделий из зеленого малахита в Малахитовом зале Эрмитажа.

И вдруг, ко всеобщему изумлению, в 1975 году Талды-Курганская поисковая геологическая экспедиция под руководством Г. Д. Аверова обнаружила в окрестностях Баян-Аула казахстанский малахит, ни в чем не уступающий уральскому. Взята первая пробная партия — триста килограммов зеленого диво-камня. Эта же экспедиция открыла месторождения казахстанских камней-самоцветов — хризопразов, жадеитов, геметитов, нефритов и агатов. В книге Алексея Брагина «Казахстанские самоцветы» подробно рассказано об этих богатствах республики.

Считалось, что в Советском Союзе алмазы можно найти только на Северном Урале да в Якутии. Но вот казашка-геолог Малфида Абдукадирова выдвинула смелую гипотезу, что в Казахстане, наряду с хромом, вольфрамом, ванадием, есть и драгоценные камни

и искать их надо в древних отложениях Северного Казахстана. В настоящее время в этом направлении идут исследования.

История старых и новых городов и рабочих поселков в Казахстане как правило связана с открытием месторождений полезных ископаемых. В связи с этим вспоминаются споры о названии нового казахстанского, только что появившегося на географической карте, города. Предложений было много: «Южногорск», «Молодежный», «Фосфоритск», «Каратау», «Счастливый». Выбрали все-таки «Каратау». Почему? Неугомонные, неутомимые геологи в упорном поиске обнаружили на Каратау миллиарды тонн фосфоритных руд, камня плодородия. Так и назвали новый город — Каратау, что значит «Черные горы».

Но не только камнем плодородия славятся горы Каратау. Предания донесли до наших дней такие отголоски старины: когда здешнему охотнику требовались заряды для его кремневого ружья, он шел к скале, отбивал кусок и плавил его на костре, получая отличный свинец для катания дроби.

В 1926 году в Ачисае и Каратау геологическая партия открыла богатейшие залежи свинцовых руд. В 1930 году по решению Советского правительства начали строиться Ачисайский рудник и Чимкентский свинцовый завод, который в 1934 году дал первую плавку. В диком ущелье вырос новый горняцкий город Кентау, а старый Чимкент неузнаваемо изменился, став благоустроенным социалистическим городом.

Стал городом и малюсенький когда-то поселок Джетыгара. А он чем славен?

В восемнадцатом веке уральский заводчик-воротила Демидов привез в Петербург императрице Екатерине II подарок — невиданной красы ковер. Императрица восхитилась. А Демидов у нее на глазах бросил ковер в пылающий камин. Императрица —«ах! ах!», а Демидов спокойно усмехался. Через некоторое время он вынул невридимым ковер из огня. Ковер оказался несгораемым — он был соткан из горного льна — асбеста.

Джетыгара — центр добычи асбеста, без которого не обходится современная промышленность. В городе Джетыгара — многоэтажные дома, парк, два больших водохранилища.

Вызывают удивление и восхищение и другие новые, недавно появившиеся города: Текели, Чу, Октябрьск, Темиртау, Шевченко.

Город Шевченко — это, конечно, чудо. Он — центр полуострова сокровищ Мангышлака. Город построен из светлого кремово-желтого ракушечника.

Мангышлак долгие годы считался едва ли не самым мрачным и пустынным местом на земном шаре. Сосланный царем в эти края великий украинский поэт Тарас Шевченко записал в своем дневни-

ке: «Смотришь, да такая тоска тебя возьмет, просто хоть давись, так и удавиться нечем». «За многие годы скитаний,— много позже писал русский прозаик Константин Паустовский о Мангышлаке,— не видел я берегов, столь мрачных и как бы угрожающих мореплавателям».

Но об этой мрачной пустыне ходили слухи, будто в ней таятся сокровища — то ли золотые самородки, то ли россыпи золотого песка. Посылали сюда разведчиков-рудознатцев русский царь Иван Грозный, позже — русский император Петр Великий, но все напрасно.

Через сто двадцать лет после петровской экспедиции Мангышлак посетил русский ученый П. Карелин, записавший в своем путевом дневнике: «С удивлением заметил я, что со всякими ударами весел, почти касавшихся дна, всплывали большие круги жирного зеленоватого вещества. При ближайшем рассмотрении оказалось, что эта была чистейшая белая нефть». Это было открытие, но оно так и осталось в записях карелинского дневника.

Только при Советской власти начались геологические изыскания на полуострове, который даже бывалые геологи назвали «лунной землей». Все тут было серым — пески, камни, верблюжьи колючки. Многие годы шли упорные поиски нефти. По всем приметам нефть там должна была быть, но пустыня не открывала свои подземные богатства. Поиски шли в условиях неимоверной, как в Африке, жары, безводья, песчаных смерчей. По словам геолога треста В. П. Токарева и его ближайших соратников, открытие мангышлакской нефти на удивление произошло буднично просто: «Вели разведку, бурили. Обнаружили нефть». Но за этими скупыми словами скрыт почти десятилетний, нечеловечески тяжелый труд, тяготы, горечь сомнений, упорство, подвиг первопроходцев. Летом 1961 года буровой мастер Николай Петров передал по полевому телефону в штаб: «Из скважины номер шесть, в районе Джетыбая, ударила первая нефть».

— Качество? Какое качество?— забеспокоились в штабе.

— Отличное! Выше ожиданий...

Сегодня геологами точно установлено, что Мангышлак по запасам одно из крупнейших в Советском Союзе месторождений этого ценнейшего сырья. К этому времени уже был промышленно освоен эмбенский нефтеносный район. Мангышлак очень скоро догнал и обогнал его по общей добыче жидкого топлива. Такие темпы заставляют совершенствовать и развивать транспорт. До этого на полуострове не было порта. Морские суда пришвартовывались к барже «Норма». И вот построен порт Актау — с бетонными причалами, стальными опорами, подъемными кранами. В 1966 году сюда пришел первый танкер «Джебраил». Он же стал пятисотым по счету

судном, увозившим мангышлакскую нефть. А тысячным осенью 1968 года зарегистрирован танкер «Джорат».

В кратчайшие сроки разработан проект величайшего в СССР нефтепровода Мангышлак — Поволжье — Украина. Эта гигантская трасса пересечет реки Урал, Волгу, Дон, Северный Донец.

А какие люди на Мангышлаке! Вот, к примеру, буровой мастер Рафаил Муртазин. В самых трудных условиях он держал в республике первенство по скоростному бурению. На его счету первая разведанная и первая промысловая скважины на мангышлакском промысле Узень. Без отрыва от производства он начал учиться заочно. Будущего инженера спросили:

— Куда пойдешь, когда получишь диплом?

Он пожал плечами:

— Как куда? Конечно, останусь на Мангышлаке.

Город Шевченко — областной центр вновь созданной Мангышлакской области растет и хорошеет не по годам, а по месяцам. Здесь поставлены мощные опреснители: пей воду досыта, купайся, поливай тополя, яблони и цветы.

На Мангышлаке, близ поселка Ералиева, разведаны минеральные воды, не уступающие кисловодскому нарзану, и целебные грязи, схожие в евпаторийскими. Курорт!

Именно в Шевченко, на месте бывшей пустыни, Институт ботаники Академии наук Казахстана на сорока двух гектарах заложил ботанический сад, где испытано более двух тысяч сельскохозяйственных и декоративных растений. Триста экзотических растений обрели здесь родственную среду, пустили корни, привились. Зеленеют карагачи, серебрятся лохи, цветут белые и шаровидные акации.

А какие в городе Шевченко канны, георгины, розы, ромашки! Для растений здесь нашлось удобрение — водоросли, выбрасываемые на берег Каспием. В Шевченковском ботаническом саду — дендрарий, розарий, оранжереи, теплицы. И — вот удивительно!— уже теперь из Шевченко отправляются саженцы в Гурьев, Красноводск и другие города.

По вчерашней пустыне пролегли железнодорожные трассы: Макат — Мангышлак, Бейнеу — Кунград. В десятой пятилетке завершится строительство линии Макат — Александров Гай и путь из Средней Азии в центр страны станет наполовину короче!

Мы вели речь о недрах Казахстана, о том, что нынешний Казахстан, разрабатывая богатства недр, добывает уголь, нефть, газ, производит многие виды металлов, удобрений, химической продукции, строит новые заводы, города, транспортные магистрали, каналы, искусственные моря. Но Казахстан в это же время и на этой же земле растит пшеницу, рис, сахарную свеклу, виноград, фрукты,

пасет отары овец и табуны лошадей и не только добывает металлы, но и обрабатывает их, дает стране шампанские и десертные вина высших марок, каракуль, рыбу, словом, производит так много видов продукции, что одно перечисление их заняло бы много-много страниц...

В десятки зарубежных стран вывозит Казахстан свою первосортную продукцию. В десятой пятилетке, которую называют пятилеткой эффективности и качества, производство товарной продукции в республике возрастет количественно и улучшится качественно.

Казахи и живущие в дружбе и братстве с ними представители более ста народов и народностей смотрят в будущее уверенно, оптимистично и смело. Казахстанцы идут путем, указанным им Лениным и его партией, и нет в мире силы, которая смогла бы свернуть их с этого пути.



ФЛОРА И ФАУНА



Путешествуя по Казахстану, нельзя не сказать о его флоре и фауне, а они здесь богатейшие. Перечислить все растения республики, всех ее насекомых, пресмыкающихся, рыб, птиц, зверей нет возможности. Поэтому мы остановимся только на самом характерном. Начнем с растений.

В глубокой древности вся территория республики была частью огромнейшего океана, от него остались многие казахстанские озера и самое большое из них — Балхаш, обрамленный зарослями камыша. С самолета Балхаш кажется драгоценным куском бирюзы в изумрудной оправе. Приозерный камыш здесь достигает исполинского роста, по высоте не уступает деревьям — в его джунглях могут прятаться такие большие животные, как двугорбые верблюды. Камыш идет на корм скоту и на производство строительного материала — камышита.

Характерна для Казахстана тяньшанская ель; везде ель чаще всего зеленая, а здесь — темно-зеленой окраски и издали кажется черной. В высоту она достигает пятидесяти метров.

На земле казахов растут и северные русские березки и такие южные растения, как виноград, тутовое дерево — шелковица, грецкий орех. Характерен для Казахстана саксаул. Это дерево песчаных пустынь. Корни его уходят в почву на добрых двадцать метров, там они находят влагу. Ствол дерева в узлах и утолщениях. Сучья уродливы и напоминают кости допотопных животных. Вместо листьев — сероватые, игловидные чешуйки. В саксауловых лесах нет тени. Древесина саксаула тверда, как камень. Ее не берет ни пила, ни топор. Саксаул, идущий на топливо, приходится дробить кувалдой. Тяжел саксаул настолько, что тонет в воде, но зато и тепла в печке дает почти столько же, сколько каменный уголь.

Особенность Казахстана — черное дерево — карагач. Его можно встретить чуть ли не в каждом городе наряду с тополями, дубами, лохом, яблонями. Особенно много карагачей в областном городе Джамбуле; город этот вырос на месте древнего, разрушенного Чингис-ханом, Тараза. Карагач — красивое, ветвистое дерево с богатой кроной, обладающей удивительным свойством забирать из воздуха пыль. Дерево-пылесос! В Джамбуле провели научный эксперимент и подсчитали, что за лето аллеи карагачей в городе успевают поглотить до двух тысяч тонн пыли.

В городе Джамбуле очень любят зелень. Там давно уже существует плодовый питомник, где выращиваются сотни тысяч саженцев яблонь, груш, винограда. В Джамбулской области по совету агрономов в песках безводных Мойынкумов сеют дикорастущие травы — изень и терескен. Для каракульских овец эти травы — лучший корм. Там на песках создаются богатые пастбища. Привычное представление о пустынях, что они мертвы и бесплодны, не отвечает действительности. Пустыни Казахстана имеют свою растительность, тысячелетия приспособлявшуюся к жаркому климату и к жесткому водному режиму. Эту растительность можно условно разбить на три группы.

К одной из них надо отнести растения — эфемеры, живущие всего один год. Это — песчаная осока, пырей и некоторые злаки. Весной, когда тающий снег и дожди увлажняют пески, пустыня на короткий срок покрывается ковром зеленых и цветущих одногодичных растений. Они торопятся, растут, цветут, приносят семена, словно чувствуют, что под лучами жаркого летнего солнца завянут, засохнут и лишь их семена, попав в песок, дождутся следующей весны.

Растения другой группы — луковичные лилии, ирисы, пестрые маки и тюльпаны являются многолетними. Они ослепительно ярко цветут и плодоносят весной после дождей; летом их побеги отмирают, а в земле сохраняются луковицы, корневища и клубни, чтобы возродиться будущей весной.

Растения третьей группы, каждое на свой лад, приспособились к условиям пустыни и относятся тоже к виду многолетних.

Удивительна эта борьба за существование и способность к приспособлению!

Гребенщик сумел за длинные времена эволюции, подобно саксаулу, обзавестись малюсенькими игловидными листьями, сводящими до минимума испарения влаги. Солянка покрывает себя соленой коркой и тем самым сохраняет влагу, цветет не весной, а осенью, одевая пески зеленью и цветами. Полынь спасается от знойных лучей тем, что выделяет из себя ароматное испарение

эфирных масел. Селин имеет корни, защищенные чехлом из мелкого песка, склеенного соком самого растения.

В пустынях Казахстана ботаники нашли в диком виде растение анабазис, из которого вырабатывается анабазин-сульфат — яд для борьбы с вредителями сельского хозяйства, каучуконосную хандрилу, необходимую для выделки кож, и другие ценные растения. На юге Казахстана произрастает цитварная полынь — дермене. Из нее фармацевты вырабатывают сантонин и другие лекарства. Нигде в мире, кроме Казахстана, она не растет. Аксакалы говорят, что полынь дермене преданности родной земле научилась у казахов.

В ботаническом саду Академии наук Казахстана зеленеют растения почти всех климатических поясов — от арктических тундр до субтропиков. Прижились в Казахстане и рис, хлопчатник, виноградная лоза, табак. Казахская земля — чудесница. Растет, например, на ней невысокая травка куек-сары. С виду она невзрачна, а от нее овцы наливаются жиром. Пастухи знают также питательные качества дикого горного лука — жуа и трав — тенге-жапрак.

Далеко за рубежи Советского Союза шагнула слава пурпурно-красных яблок — алмаатинского апорта.

В оранжереях Алма-Аты ежегодно выращивается великое множество цветов. На Волгу, в город Ульяновск — родной город В. И. Ленина, в парк Дружбы народов из Алма-Аты отправлены десятилетние горные красавицы — тяньшанские ели и тысяча семьсот луковиц тюльпанов. Не отстает от Алма-Аты и Караганда, где цветоводство поставлено на широкую ногу.

Надо отдать должное казахстанским виноградарям и виноделам; их совместные усилия дали великолепные результаты — выведенные ими новые марки вин — казахстанского шампанского, «Целинного», «Фиолетового муската» получили признание и высокую оценку на международных смотрах и выставках.

Казахстан богат фруктами — яблоками, грушами, сливами, урюком; ягодами — черешней, вишней, малиной, смородиной, крыжовником, земляникой, клубникой; всеми видами овощей; бахчевыми культурами — дынями, арбузами, тыквами.

Говоря о флоре Казахстана, нельзя обойти молчанием всенародный подвиг — поднятие целины на казахской земле, когда была коренным образом изменена тысячелетиями сложившаяся флора на огромном пространстве. Казахстанцы с братской помощью всей страны (как это было и со строительством Турксиба и других многочисленных строек) за кратчайший срок подняли и освоили двадцать пять миллионов гектаров непаханной земли.

В суровые февральские дни 1954 года, когда во главе Коммунистической партии Казахстана стоял Леонид Ильич Брежнев,

начался целинный подвиг казахстанцев, в рядах которых были представители сто одной национальности. Трактористы проложили первые борозды. В первобытной дикой степи выросли совхозы, поселки — основа будущих городов, школы, клубы, больницы, тракторные парки, электростанции. Это была революция в сельском хозяйстве. Там, где веками шелестели ковыль, курай, полынь, зазвенел пшеничный колос.

Пшеница бой вела здесь с ковылем,
Как Свет со Тьмой,
Как Жизнь с самою Смертью.
Ковыль тут ханствовал тысячелетья,
Пока над ним не разразился гром.
Эпоху ковыля пшеничный век
Сменил. Играют дальние зарницы.
И шелестит колосьями пшеница:
«Почет тебе и слава, человек!
Хвала тебе, усатый коммунист,
Тебе, еще безусый комсомолец,
Тебе, с ученым званьем, доброволец...
Ваш путь был прям, хотя и каменист».

Ковыльную, полынную, с переплетенными в земле корнями, целину сохой, которую тянула гнедуха, поднять было нельзя. Сюда пришли мощные тракторы, комбайны, многотонные самосвалы.

Со всех концов Советского Союза мчались на поездах, на машинах русские, башкиры, армяне, украинцы, латыши. На вагонах по-фронтовому кричали глазастые буквы: «Даешь целину!» И тут же писалось задорное, предупреждающее: «Не пищать!» Звучала новая, сразу полюбившаяся песня:

Вьется дорога длинная.
Здравствуй, земля целинная!

Уже в 1956 году Казахстан сдал в закрома государства свой первый миллиард пудов зерна.

Труженики целины боролись за урожаи, как солдаты на переднем крае. Кто они, эти труженики? Крестьяне? Нет! Они говорят о себе так:

Не зря в трудах отрезок жизни прожит.
Мы к урожаям проложили гать.
В степи растим пшеницу мы. Но кто же
Крестьянами решится нас назвать?
Соху с серпом мы видели в музее,
Лишь краем уха слышали про цеп.
Машинами и пашем мы, и сеем,
И жнем, и обмолачиваем хлеб.
Мы — сеятели, но с рабочим стажем.
Деревня, город... Где меж ними грань?
Зерно у нас продукция, как, скажем,
Чугун, цистерна нефти или ткань.



Алма-Ата. Памятник В. И. Ленину.

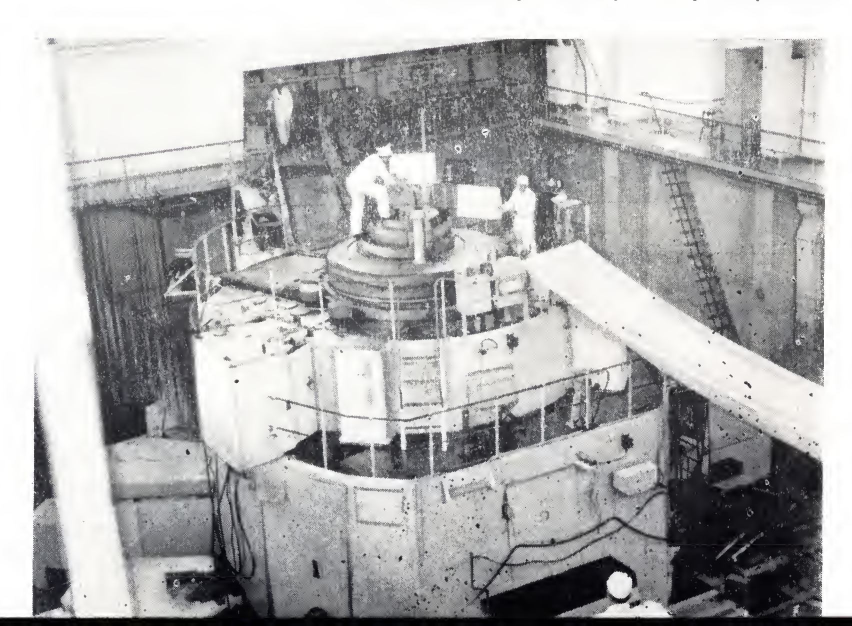


Алма-Ата. Дом правительства.



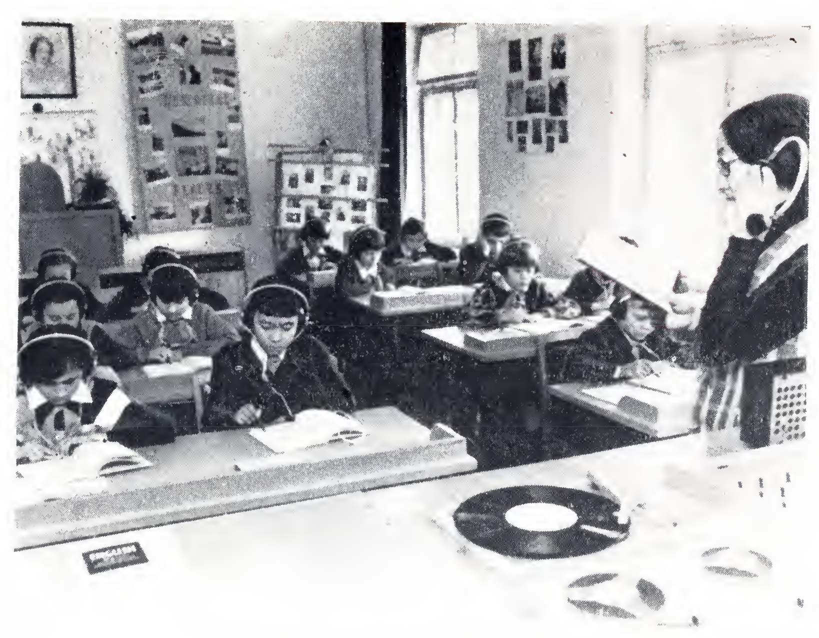
Здание Академии наук Казахской ССР.

Атомный реактор Института ядерной физики.





Памятник Абаю в Алма-Ате.



Лингофонный кабинет средней школы села Узун-Агач.

Космонавты Е. Хрунов и А. Елисеев среди пионеров.





Классик казахской литературы, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, писатель Мухтар Омарханович Ауэзов.

Выступает лауреат Государственной премии СССР, народная артистка Советского Союза Бибигуль Тулегенова.





Молодожены у Вечного огня в городе Актюбинске.

Лекция в Алма-Атинском мединституте.

Мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави в Южном Казахстане.

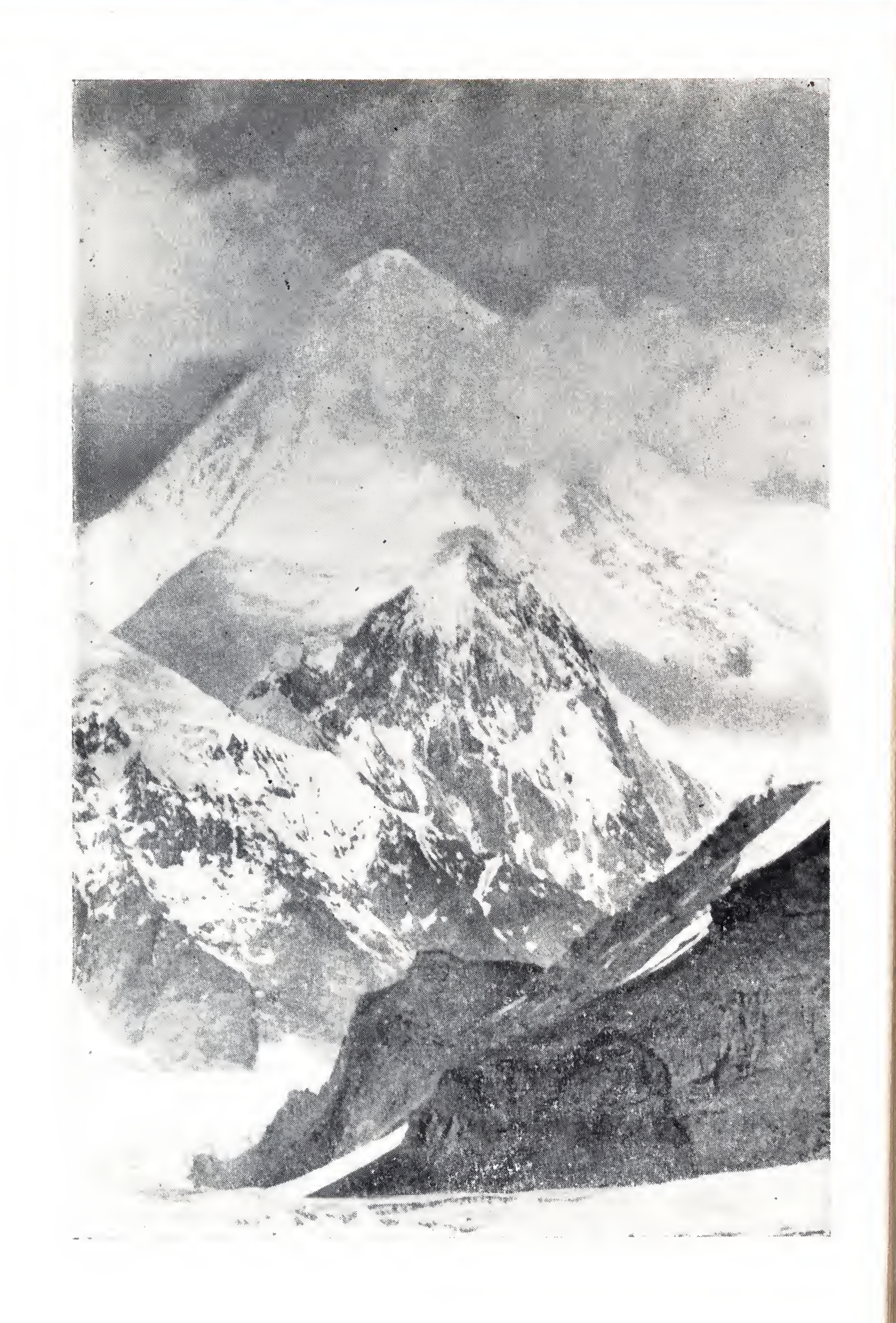


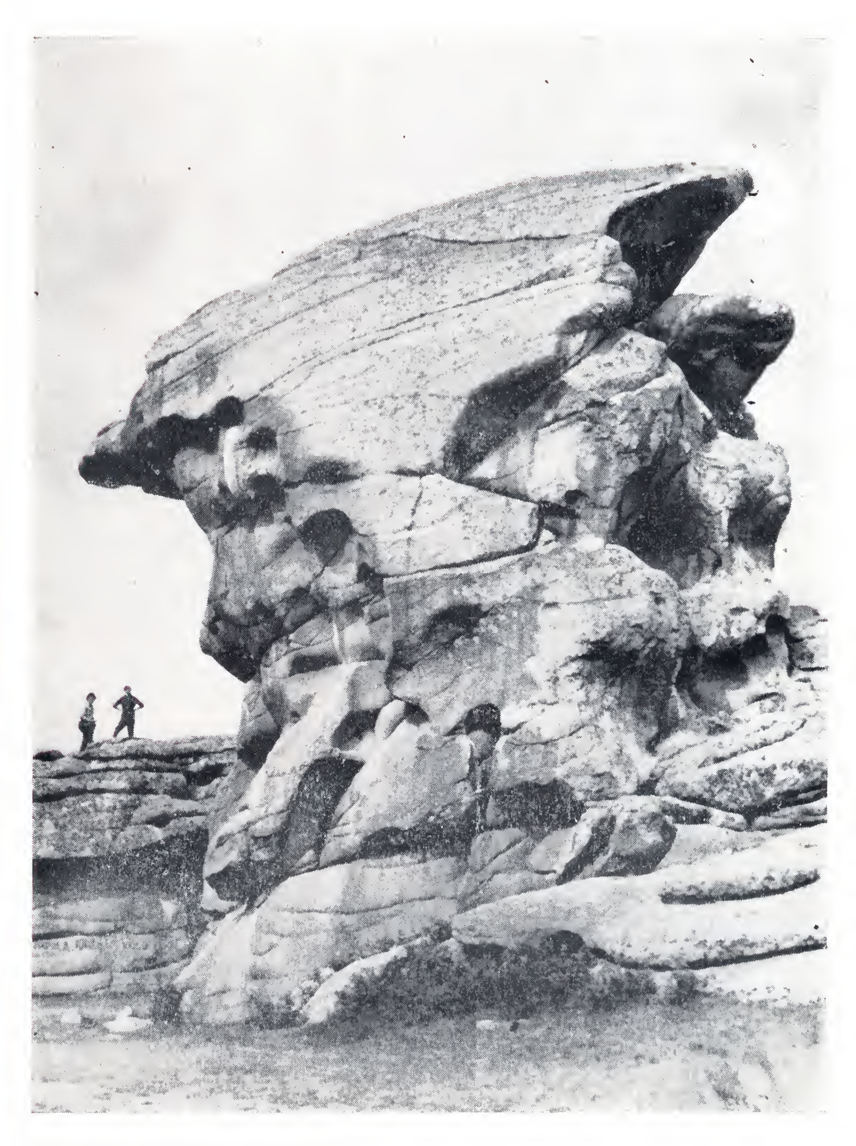
Эдельвейсы.

Пик Хан-Тенгри (6995 м).

Высокогорный комплекс «Медео».







Баян-Аул. Камень «Старуха».



Парусные яхты на Капчагайском море.



Олень в пригороде Алма-Аты.



Республиканская государственная библиотека им. А. С. Пушкина.

Танец «Майра» в исполнении Государственного ансамбля песни и танца Казахской ССР.





Археологи Кемаль Акишев и Карл Байпаков.



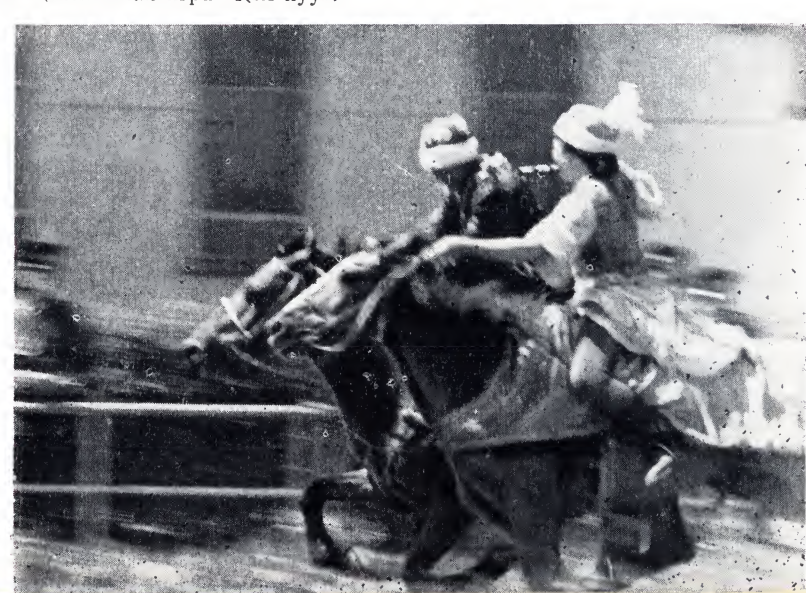
Художник-керамист Валентина Садовская.





Охотник с беркутом.

Национальная игра «Қыз-куу».



Сельскохозяйственная экономика Казахстана резко изменилась в сторону укрепления и расширения. Дважды в девятой пятилетке — в 1972 и в 1973 годах Казахстан засыпал в закрома страны по миллиарду пудов зерна.

Были трудности? Были. Были неполадки? Были. Были ошибки? Были. Например, на пятый год целинного подвига грянула беда. Поднялись черные бури, поползли барханы, ветры стали сдувать с полей плодородную почву. Земля без многолетних трав и без паров стала истощаться.

Но были героизм, энтузиазм, большевистская воля. Слово «целинник» звучало как «фронтовик».

На помощь пришла наука. Агрономы и почвоведы учли и свой, и зарубежный опыт и дали бой ветровой эрозии. Совхоз «Илийский» по рекомендации ученых первым ввел полосное земледелие: одна полоса — пшеница, другая — черные пары, третья — травы. За ним вступили в бой с эрозией и другие совхозы. Дав место парам и траве, целинники сократили посевную площадь, но ни на пуд не снизили урожайности.

Десятую пятилетку целинники встретили новым трудовым подъемом. В решающий момент жатвы большого урожая в Казахстан приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев и выступил на совещании партийно-хозяйственного актива в Алма-Ате, вдохнув в казахстанских коммунистов волю к победе на хлебном фронте. Казахстанцы дали слово не уронить чести республики и сдержали его. В 1976 году Казахстан сдал на элеваторы Родины один миллиард сто девяносто пять миллионов пудов высококачественного зерна. Это было рекордом для Казахстана. Выступая на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 года, Л. И. Брежнев сказал:

«Более одного миллиарда ста пятидесяти миллионов пудов зерна продал государству Казахстан. Завоеван новый рубеж, которым могут гордиться трудящиеся республики. Уверен, что у казахстанцев не закружится голова от похвал и аплодисментов. Республика располагает огромными резервами для дальнейшего роста.

В числе награжденных за этот целинный подвиг был и первый секретарь ЦК коммунистической партии Казахстана тов. Д. А. Кунаев. В ответном слове по случаю вручения ему второй золотой медали «Серп и Молот», волнуясь, он сказал: «Эту высокую оценку я отношу к трудящимся многонационального Советского Казахстана, которые, выполняя волю нашей Коммунистической партии, делают все от них зависящее для успешного выполнения решений исторического XXV съезда КПСС».

Поднятие целины, коренное изменение флоры на громадных

просторах земли вошли в историю земледелия как героическая эпоха. С признательностью и восхищением повторяет вся страна имена героев целины — М. Довжика, Ж. Демеева, Н. Малгаждарова, К. Рамазанова, С. Тынышбаева, А. Хусаинова, Д. Пицина, М. Самарцева, Ф. Моргуна. Коллективным ответом на это прозвучали слова одного из этих героев: «Мы подняли целину, а целина подняла нас».

В большинстве своем кочевники-скотоводы, казахи, учились у русских и земледелию, и оседлой жизни. В свое время кое-кто рассуждал примерно так: «Ну, казах — это природный наездник, природный пастух-скотовод, хорошего земледельца из него никогда не получится».

Жизнь опровергла подобные рассуждения.

...Просо, как известно, один из древнейших злаков на земле. Археологи нашли отпечатки его зерен при раскопках стоянок каменного века. В Средней Азии, на Кавказе, в странах Восточной Европы просо занимает среди злаков видное место. А лучшим просоводом в мире признан казах из Актюбинской области, сын пастуха-кочевника Чиганак Берсиев. Земледелец с юных лет, ученик Мичурина, Берсиев увлекся селекцией и вывел свой, берсиевский сорт проса, приспособленный к местным почвам и климату. В годы Великой Отечественной войны он снимал с гектара по двести центнеров проса. Снял и двести один центнер — мировой, никем не превзойденный рекорд. О Берсиеве написана книга, ему в Актюбинске воздвигнут памятник.

...Есть на свете страны, где рис — основная пища. И рисоводство в этих странах поставлено хорошо и опыт огромен. Занялся разведением риса и казах. Старик. Ему было восемьдесят пять лет. Имя его Ибрай Жахаев. И стал собирать Жахаев неслыханные урожаи. Сначала ему не верили. Приезжали агрономы, проверяли. Все правильно. Во время Великой Отечественной войны весь свет облетела весть: снял Жахаев с одного гектара сто восемьдесят два центнера риса. Мировой рекорд!

Наш знакомец Кожебаев рассказал нам:

— Есть у меня старый приятель табунщик Гусман. Работал на небольшом конезаводе. Сеяли там понемногу пшеницу и собирали с грехом пополам по четыре центнера с гектара. Приехал я туда и глазам своим не поверил. Куда ни посмотрю — пшеница, да какая! Высокая, густая, колосистая. Оказывается, конезавод преобразовали в зерносовхоз. Под пшеницей — тридцать тысяч гектаров. У Гусмана три сына: Серик, Ораз и Орын. Они не табунщики. Нет! Пересели с коней на тракторы и комбайны. Вышли мы с Гусманом в поле. А там обеденный перерыв, и повстречали одного из сыновей Гусмана. Отец его спрашивает:

— Как, сынок, работается?

— Обязался убрать четыреста гектаров и намолотить с них шесть с половиной тысяч центнеров зерна.

Я спрашиваю Гусмана:

— А какой у вас план по совхозу?

— Сто семьдесят тысяч центнеров зерна.

— А сколько дадите?

— По вчерашним показателям видно, что два плана, то есть триста сорок тысяч центнеров даем. Значит, дадим больше двух планов.

Вот вам и вчерашние пастухи и табунщики! Такие, конечно, и флору на своей земле переиначить могут!

...А теперь перейдем к фауне.

Из полезных насекомых в Казахстане надо отметить горную пчелу. На горных летних пастбищах пасеки дают многие пуды душистого меда.

Из вредных насекомых и пауков встречаются и ядовитые — фаланги, скорпионы, тарантулы и каракурты. Опаснее других черный паучок — каракурт. Из двух ужаленных им верблюдов один, обычно, погибает.

Когда-то в Казахстане было очень много саранчи. Она обитала в непроходимых тростниках. Саранча — плодовита и прожорлива. Летала саранча тучами, закрывая солнце; истребляла поля, огороды, бахчи, сады. В советское время саранча уничтожена. Гнезда ее были обработаны ядами с самолетов. И сегодня она сведена на нет.

Казахстан богат рыбою. В Каспии отлавливаются сельдь, бычки, севрюга, осетр, белуга. Там разведена черноморская кефаль. В Аральском море (оно когда-то составляло одно целое с Каспием) рыбы те же, что и в Каспийском, за исключением чисто морских — сельди и бычков, так как вода в Арале сильно опреснена. Зато Аральское море славится пресноводными рыбами — шипом, усачом, жерехом, лещом, шемаей. Водится в Арале и редчайшая, бесчешуйная рыба, обладающая высокими вкусовыми качествами,— сакфирингус. Кроме Арала, она обитает только в американской реке Миссисипи.

В Балхаше, Зайсане, в других озерах, а также в реках Казахстана обитают золотые сазаны, окуни, лещи и подлещики, хариусы. Люди научились переселять рыб. В казахстанские внутренние воды из Каспия завезены севрюга, из Балтики — салака, из дальневосточных водоемов — белый амур и толстолобик.

В Казахстане несколько рыбоконсервных комбинатов — лучший из них — Гурьевский. Там рыбу консервируют, коптят, солят. Ежегодно Гурьевский комбинат дает стране черную икру, балыки, де-

сятки миллионов банок разнообразных рыбных консервов. Не пропадают и отходы: они идут на удобрение полей.

Говоря о рыбе, нельзя не вспомнить один эпизод, случившийся пятьдесят пять лет тому назад — в нем нашла отражение ленинская дружба народов. Шел засушливый 1921 год. На голодные муки и гибель было обречено население тридцати четырех губерний России. Со стен и заборов кричали плакаты: «Спаси голодающих!»

В. И. Ленин, хранивший, как реликвию, золотую медаль, полученную им в Симбирской гимназии, где он был первым учеником, передал эту медаль в фонд помощи голодающим.

В одно пасмурное утро по песчаному берегу Арала ехали гонцы на лошадях и верблюдах и кричали: «Письмо из Москвы! От самого Ленина!» Рыбаки Арала прочли:

К товарищам рабочим, ловцам Аральского моря.

Дорогие товарищи!

До вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде — о небывалом голоде, постигшем все Поволжье и часть Приуралья. Начиная от Астраханской губернии и кончая Татарской республикой и Пермской губернией, всюду засуха выжгла почти окончательно и хлеб и траву. Миллионы людей — трудовых крестьян и рабочих, миллионы скота готовы погибнуть и гибнут уже.

Русских и мусульман, оседлых и кочевых — всех одинаково ждет лютая смерть, если не придут на помощь свои товарищи — рабочие, трудовые крестьяне, пастухи и рыбаки из более благополучных местностей...

Вся надежда казанских, уфимских, самарских и астраханских голодающих — на великую пролетарскую солидарность (согласие) таких же, как они сами, трудовых людей с мозолистыми руками, собственным горбом добывающих свое пропитание, ни из кого не сосущих крови...

Жертвуйте, дорогие товарищи, аральские ловцы и рабочие, щедрой рукой! Вы сделаете не только дело человеческой совести, но вы укрепите дело рабочей революции. Ибо вы всему миру покажете, а прежде всего всем трудящимся, что несокрушима мощь рабочего Советского государства, построенного на широчайшей помощи друг другу пролетариев самых отдаленных друг от друга мест.

Пусть весь рабочий класс, как один человек, встанет, чтобы залечить тяжелую рану Поволжья, а плодородное Поволжье в будущие годы отплатит нам со своей стороны своим хлебом. Таким путем мы только и сохраним Советскую власть и защитим завоеванную свободу против всех злодейских покушений капиталистов всего мира.

Председатель Совета Народных Комиссаров **В. Ульянов (Ленин)**

Аральские рыбаки в ту пору ходили в море на крохотных суденышках без моторов, на латаных парусах, добывали рыбу сетями, связанными из верблюжьей шерсти и степной травы. А главное, они зависели от купцов, которые выменивали рыбу на хлеб, чай, махорку. Купцы дружили с баями.

Рыбаки поняли: если купцы и баи узнают о письме Ленина, они прижмут их, рыбаков. В Бугунском сельсовете секретарил в ту пору рыбак — коммунист Григорий Дубовик. Он сказал:

— Русский торгаш и казахский бай — одного поля ягоды. Русский рабочий и казахский рыбак — братья. Ленин зовет нас выручить братьев. Выручим!

Рыбаки Кусумов, Прекишев, Бекшеев, Байтаханов, Кенжегулов — много рыбаков, всех не назовешь, сказали:

— Ленину поможем! А кто за помощь запросит плату, тот последний человек, и род его опозорен!

Бушевал ветер. Высокие валы били в берега. Арал кипел. Но ничто не остановило рыбаков. Они вышли в море. Купцы, узнав об этом, потирали руки: свежая рыба в мертвый сезон сулила большие барыши. Вот и первый улов — блеснула серебряной чешуей рыба. Торгаши тут как тут. Но на свой запрос они услышали:

— Непродажная рыба.

Барышники чуть не вдвое цену взвинтили, соблазняли мукой, ситцем, а им в ответ:

— Рыба для Ленина.

Верблюжий караван повез рыбу на станцию Камышлы-Баш. Председатель Аральского Совета Медетбаев, проверив, что рыба погружена в вагоны, попросил телеграфиста:

— Пиши скорей депешу!

В Москву полетела телеграмма:

«Товарищу Ульянову-Ленину от аральских ловцов. 25 декабря 1921 года. Ловцами Аральского бассейна погружено 14 вагонов рыбы-сырца. Особенно приняли горячее участие Бугунские ловцы».

В. И. Ленин ответил рыбакам не словами, а делом. Узнав, что в ремонтных мастерских у аральских рыбаков нет токарного и фрезерного станков, Ленин сделал распоряжение об отгрузке таких станков аральцам. Сегодня бывшие кустарные, малюсенькие ремонтные мастерские превратились в крупный судостроительный завод в Аральске. Но перед ним, как памятник, стоит на пьедестале старый, долго и много поработавший станок. Тот самый, ленинский. Все это стало легендой и вошло в новый казахский эпос.

...Продолжим беседу о фауне.

Из пресмыкающихся в Казахстане наибольший интерес пред-

ставляет варан. Это большая песчаная ящерица, длина ее доходит до полутора метров. Как сухопутный крокодил! Вараны обитают в пустынях. Много в Казахстане и змей разных видов. Водятся черепахи.

А вот птичье царство Казахстана многообразно, разноперо, разнохарактерно. Многим известна по фотографиям и по кинофильмам птица гриф. Оказывается, она водится и в Казахстане. У грифов черное оперение, голая, бесперая шея. Это птицы-могильщики, они питаются падалью. По-соседству с грифами можно встретить и крупных орлов-ягнятников, название которых говорит само за себя. Они способны похитить ягненка, козленка, сайгаченка.

Многие думают, что фламинго водится только в жаркой Африке. Но эти горбоносые, цаплеобразные голенастые красавицы-птицы гнездятся у казахстанских водоемов. С виду они пепельно-серые, а в полете, когда раскрывают крылья, фламинго делаются нежно-розовыми, словно облитыми зарей.

А озерные уроды, прожорливые, с клювами, снабженными внизу растяжными мешками, пеликаны! Их в Казахстане не перечесть! Интересна их коллективная, организованная охота. Образовав цепь, они гонят рыбу к берегу и на мелководье вылавливают ее клювами-сачками.

В бескрайних казахстанских степях, где много озер, гнездятся не только стрепеты, жаворонки, птицы-табунщики, кулики, гуси, утки, журавли, выпи, камышовки, белые цапли, но и дрофы, которых в народе зовут дуадаками. Дрофа по величине меньше страуса, но все же довольно крупная птица, недаром ее называют «европейским страусом». Она тяжела на подъем: прежде чем взлететь, ей требуется сделать разбег.

Еще недавно на юге Казахстана было множество длинно-хвостых фазанов с ярким, тропическим опереньем. Охотники сильно сократили фазанье стадо. Ныне охота на фазанов запрещена законом, и фазаны быстро размножаются. Вероятно, эту красивую птицу, за вкусное мясо прозванную «королевской дичью», можно превратить в домашнюю. Не исключено, что со временем, кроме куриных ферм, появятся в Казахстане и фазаньи.

Мы не можем не привести тут рассказа нашего общего друга, старого большевика Ивана Васильевича Деева:

— В декабре двадцатого года из Байконура, где я работал, пришлось мне поехать в командировку в Москву. В вагоне было много разговоров о Ленине. Старичок один сказал: «Которые Ленину подарки приносят — ну там масло топленое или мед, так, представьте себе, не принимает...» Вместе со мной слушали старичка три казаха с туго набитыми мешками. Один из них с осуждением

возразил старику: «Зачем про Ленина неверно толкуешь? Как он не возьмет подарка, если народ от чистого сердца дарит?» Спросил я казаха: «А что тебя, друг, так расстроили стариковы слова?» Казах простодушно объяснил: «Из Чиилийской волости мы, из Перовского уезда. Охотники. Настреляли фазанов, заморозили их. Везем Ленину, в подарок. Зачем он говорит, что Ленин не возьмет?» В Москве, в приемной Ленина я снова столкнулся с казахами-охотниками. При мне один из них с красно-золотым фазаном в руке, вошел в кабинет Ленина, а когда вернулся из кабинета, лицо его сияло. «Взял!— радостно сообщил он мне.— Мы ему три мешка фазанов привезли, а он себе только одного фазана оставил, а остальных, сам слышал, велел отправить в больницу и в детский дом. Вот ведь как здорово!» «Что же ты сказал Ленину?»— спросил я. «Я сказал так: Владимир Ильич! Мы охотники. Зверя добываем. Птицу. Нас за людей не считали, особенно баи. От тебя первого услышали человеческое слово. Ты нас товарищами своими назвал. На прямую дорогу вывел. Великое спасибо тебе, Владимир Ильич. Не побрезгуй нашими чиилийскими фазанами. Мы их настреляли тебе, как сыновья отцу. Вот так сказал. Плохо, может быть?» Я успокоил охотника: «Отлично сказал. Лучше, пожалуй, и не скажешь».

...Среди водоплавающей птицы, обитающей в Казахстане, едва ли не самой прекрасной является лебедь. Лебедей очень любит казахский народ. Неспроста Джамбул в своих песнях и поэмах часто обращался к образу белоснежных лебедей.

Охотник, натуралист и писатель Максим Зверев рассказывал нам о лебедях. Эти белоперые, гордые, но пугливые птицы весной и летом обитают обычно на Дальнем Севере, на побережье Ледовитого океана. Звереву посчастливилось наблюдать массовое гнездовье лебедей в Казахстане на тургайских озерах. Всего удивительнее, что гнездовье было массовым и, видимо, лебеди прилетали туда не один и не два года подряд. Километрах в сорока от Джезказгана есть озеро, где гнездятся лебеди. Джезказганцы зовут его лебединым и взяли над ним шефство.

Очень интересен рассказ Зверева о казахстанских соловьях. Плывя по реке Или, он встретил на речных островках целое соловьиное царство. Острова — настоящие джунгли: тальник, джида, шиповник, барбарис, черемуха — и все это переплетено, опутано ломоносом, хмелем, вьюнком. Соловьи облюбовали эти зеленые острова. Кажется, что сюда слетелись как на свой фестиваль соловьи со всего Казахстана. На закате и на рассвете на островах целая птичья капелла. Поют, заливаются, льют трель, щелкают сотни соловьев, один соловьиный остров соревнуется с другим. Воздух дрожит от трелей, свиста, дробей всех двенадцати колен соловьиных рулад. Только хищницы-совы, появляясь время от времени,

заставляют замолкать то один, то другой остров. А улетают совы — пение продолжается.

Кроме сов, филинов, сычей, в Казахстане много хищных птиц и среди них почетное место занимает беркут, вошедший в казахскую поэзию как образ силы, несокрушимости, зоркости, бесстрашия.

С давних времен в Казахстане была распространена охота с беркутом. Казахи добывали беркутят-птенцов из гнезд, выращивали, дрессировали их. Вот картина охоты с беркутом: едет охотник на коне, а на руке у него серо-бурый беркут, на голове ловчей птицы колпачок, надвинутый на глаза. Охотник зорко высматривает дичь, а найдя, снимает с беркута колпачок и пускает ловчую птицу. Сильный беркут взмывает вверх и оттуда, с высоты камнем падает на добычу.

В охоте на пернатую дичь — тетеревов, стрепетов, перепелок — казахи пользовались ловчими птицами помельче чем беркут — кречетами, балобанами, соколами, ястребами.

В Казахстане водятся такие птицы, о каких не часто услышишь: улары, лиловые дрозды, райские мухоловки, гималайские синицы. Несколько лет тому назад альпинисты в Заилийском Алатау поднялись на скалу Безымянную и сняли с нее гнездо редчайшей птицы — красного вьюрка, живущего на высокогорье. Гнездо сдано в музей. Орнитологи утверждают, что это единственное гнездо вьюрка во всех музеях мира. Самого же красного вьюрка не видел в Казахстане никто — вот какая это редчайшая птица.

Улар, горная куропатка,— не столь уж редкая в Казахстане птица, но и ее редко кто видел на воле, в естественной для нее обстановке: живет она высоко в горах и очень осторожна и пуглива.

Есть в Казахстане птичка, которую народ зовет кара-торгай — черный жаворонок. Казахи ее очень любят за то, что она никогда не расстается с родной землей и не улетает даже в самые холодные зимы.

...Беседу о зверях и зверушках Казахстана нам хочется начать издалека.

В музейных залах республиканской Академии наук стоят скелеты и лежат отдельные кости давным-давно вымерших доисторических животных, обитавших на территории нынешнего Казахстана. Они поражают воображение своими размерами и необычностью форм. Тут и ящеры, и гигантские носороги... Совсем недавно два экскаваторщика, работавшие в песчаном карьере урочища Орта-Дересин, на северном берегу озера Балхаш, на шестиметровой глубине обнаружили необычайную находку: судя по форме, это были зубы, но размер их удивлял. Ширина зуба двенадцать, а длина

шестнадцать сантиметров. Каково же само животное, если у него такие огромные зубы? Но это были несомненно зубы: хорошо сохранились и резцы, и корни. Находку обследовали ученые института зоологии республиканской Академии наук. Зоологи установили, что это зубы доисторического слона, обитавшего на территории нынешнего Центрального Казахстана шестьдесят-восемьдесят миллионов лет тому назад. Как слон попал на Балхаш, остается пока неразгаданным.

Есть в музее Академии наук и кости и достоверное изображение мамонта, жившего в ледниковую эпоху. Когда смотришь на изображение покрытого бурой шерстью, вооруженного круто выгнутыми трехметровыми бивнями гиганта-мамонта, трудно поверить, что в Казахстане прекрасно сохранились и живут, плодясь и размножаясь, современники мамонтов степные антилопы — сайгаки. Они, а это точно доказано наукой, в том же виде, какими мы их знаем теперь, паслись в соседстве с мамонтами. Сайгак — редчайшее дикое животное планеты, сохранившееся почти исключительно в Казахстане. Встречаются они еще только в Киргизии и Калмыкии. К сохранению сайгаков приняты государственные меры. Один из островов Аральского моря — Барсакельмес объявлен заповедником, где в естественных условиях живут сайгаки и рядом с ними редчайшие животные — куланы, дикие ослы. Сайгак — горбонос, винторог, цвет шерсти пепельно-желтый, неутомим в беге, может развивать скорость до шестидесяти километров в час; держится стадами, в которых непременно есть рогаль-вожак. Охота на сайгака — строго нормирована. Сайгак упоминается часто в казахской поэзии — старой и новой, а также в фольклоре; то же можно сказать о кулане.

...Пятнадцатилетний сын жестокого Джучи-хана, говорит легенда, на белом иноходце со свитой поехал охотиться. Вечером к Балхашу на водопой пришли куланы. Сын хана, оставив джигитов, помчался к куланам. Вожак табуна, жеребец, заржал и расставил куланов так, чтобы юноша попал в западню. Когда джигиты прискакали, все было кончено: после куланов осталась взрытая копытами земля и втоптанный в нее юный охотник. Как сказать об этом хану? «Кто придет ко мне с недоброй вестью о сыне,— не раз говорил Джучи-хан,— тому я залью рот и уши расплавленным свинцом». Все знали, что сын хана погиб под копытами куланов, но никто не решался сообщить хану эту горестную весть.

Тогда вошел в ханский шатер старый домбрист и ударил по струнам инструмента. Домбра без слов, языком мелодии, передала хану картину смерти любимого сына.

— Кому же я залью рот свинцом?— вскричал от горя и ярости хан, не услышавший от домбриста ни единого слова.

— Если поступишь по справедливости,— сказал домбрист,— то казнишь свинцом домбру, а если по упрямству, то меня.

Джучи-хан приказал пробить в середине домбры дырку и налить туда расплавленного свинца. С тех пор, говорит легенда, начали делать на верхней крышке домбры отверстие, а люди стали понимать язык домбры.

...А вот о великолепном прибалхашском тигре до сих пор идут в Казахстане споры. Для всех несомненно, что тигры здесь водились. Но есть ли они сейчас, хотя бы в самом малом количестве? Одни говорят: последнего казахстанского тигра поймали живьем и продали Гагенбеку.

— Кто такой Гагенбек?— спрашивают спорщики.

— Это немец, который скупал у охотников живых зверей и продавал их в зоопарки и зверинцы с большим барышом для себя.

Другая сторона на это возражает:

— Может быть, этому скупщику зверей и был продан наш тигр, но он был не последним. На земле казахов есть такие непроходимые дебри, такие тростники, что тигры там наверняка сохранились.

Кто же прав? Тигры в Казахстане водились и их было не мало, но за последнюю четверть века ни один охотник, ни один егерь заповедников, ни один натуралист, зоолог не встречал тигриного следа.

Поэт Сергей Марков, начавший свою поэтическую деятельность под казахстанским небом, написал прекрасное стихотворение о семиреченском тигре, попавшем в клетку скупщика зверей Гагенбека, но поэт не утверждает, что это был последний казахстанский тигр.

Вот эти стихи, названные автором «Семиреченский тигр»:

Он, как заря каракольская, рыж.
В нем каждая жила туга.
Во сне он грызет золоченый камыш
И нюхает след врага.
Долиной Эмель, озером Туз
Идет он, как прежде ходил,
Сквозь лес — окунуть обкусанный ус
В холодный балхашский ил.
Но вот проснулся, рыча и дрожа,
Он прутья трясет, как кусты,
Смеются веселые сторожа,
Открыв зубатые рты.
Светлы их глаза. А лица темны,
И крепки их кулаки.
Пожаловал им хозяин тюрьмы
Цветные воротники.
Они отвечают за жизнь и побег,
За шкуру царя озер;

Им платит деньги сам Гагенбек —
Владыка морей и гор.
Он рад, что добыча его не проста,
И гладит ладонью ладонь:
Два метра от уха и до хвоста.
Бока — полосатый огонь!
И пленник сгибает железный тростник,
Ревет и скалит клыки.
Но старший сторож прям и велик.
Он знает свои замки.
Лишь тигры и львы ему по плечу.
И спит утомленный зверь,
И видит закат над ущельями Чу...
И наглухо заперта дверь.

Зато с достоверностью можно утверждать, что в горах Казахстана сохранились мало в чем уступающие тиграм, не полосатые, а пятнистые — с черными звездами по белой шерсти — снежные барсы. Они охотятся в горах за редкими животными — дикими баранами — архарами.

Из хищников в Казахстане водятся медведи, волки, рыси, лисы, корсаки, дикие кошки, горностаи. Из парнокопытных обитают на казахстанской земле маралы, пятнистые олени, джейраны, косули, горные козлы — теке, козероги, тугайные олени. В камышах водятся кабаны. Много в Казахстане грызунов — зайцев, белок, сурков, сусликов, тушканчиков.

Правительство Казахстана давным-давно позаботилось о сохранении диких животных, создав замечательные заповедники.

В горах Заилийского Алатау Алма-Атинский заповедник раскинулся на площади около миллиона гектаров. Он не только бережно охраняет казахстанскую флору и фауну, но и преумножает их. В заповедник завезены баргузинские соболи, с Дальнего Востока — пятнистые олени. Сорок лет тому назад в Казахстан из США на самолетах была завезена мускусная крыса — ондатра. У нее очень красивый, густой мех: сверху — темно-бурый, снизу — серый. Этого зверька разводят ради пушнины. Ондатре пришлись по нраву казахстанские озера и болота, она быстро акклиматизировалась и расплодилась.





ПЯТЬСОТ И ПЯТЬДЕСЯТ

Путешествуя по Казахстану, мы, казах и русский, летим на многоместном самолете «Ил-18» на большой высоте. Внизу не видно ни степей, ни рек, ни озер. Только белые, как вата, облака — всхолмленные, волнистые, плотные. Наш попутчик — казахский археолог Хасан Алпысбаев. Он еще молод, но уже широко известен своим научным открытием, сделанным им при раскопках на древних склонах горного района Каратау, Черных гор. Ему посчастливилось обнаружить пещеры с явными следами обитания там первобытных людей на ранней заре палеолита, древнекаменного века. Это четвертое место на планете, где доисторические люди оставили неоспоримые доказательства своего пребывания. Раскопки на взгорьях Каратау, на пустынном полуострове Мангышлак, на берегах верхнего Иртыша обнажили остроконечные сверла, скребки, каменные ножи, сделанные руками далеких предков и многие тысячелетия скрывавшиеся в земле. Первобытные люди много раньше, чем это доселе считалось наукой, занимались не только собирательством дикорастущих плодов, ягод, кореньев, личинок насекомых, меда диких пчел, но, вооружившись каменными ножами, копьями с каменными наконечниками, охотились на мелких и крупных животных.

Природные условия — почвы, растительный и животный мир, близкие к нынешним, сложились на земле казахов примерно пятнадцать тысяч лет тому назад. На территории теперешнего Казахстана открыто немало стоянок древних людей. Уже сто пятьдесят веков назад наши далекие предки, жившие в пещерах, охотились организованно, устраивали засады на звериных тропах и на пастбищах, у водопоев и добывали для своего питания рогатых быков и гривастых пасущихся табунами лошадей и куланов. Много позднее первобытные охотники научились приручать, одомашнивать ди-

ких животных, сделав шаг от охоты к скотоводству. Конечно, процесс превращения охотника в скотовода длился не годы, а века.

Раскопки показали, что первым был приручен волк, превратившийся в друга и помощника человека — собаку; много позднее был одомашнен кабан, предок теперешних свиней, затем были приручены бык, лошадь и позднее всех вольнолюбивый и неистовый верблюд.

А сколько на земле казахов наскальных рисунков — драгоценных, наглядных памятников глубокой древности! Наиболее богаты наскальной живописью Чу-Илийские горы.

Доисторические художники с большим мастерством изобразили на стенах пещер, на скалах, на каменных плитах диких и прирученных животных, людей, характерные сцены охоты, быта, ритуальных плясок.

Разговор с археологом Алпысбаевым привел нас к истокам истории.

«Саки»— так собирательно именовались кочевые, скотоводческие племена, населявшие нынешние казахские степи примерно две с половиной тысячи лет назад. Античные историки утверждают, что жильем сакам служили переносные кибитки из шкур. Одевались они в халаты и штаны с кожаными поясами, на головах носили остроконечные войлочные шапки, обувались в сапоги из кожи без каблуков. Прямо удивительно, как все это напоминает одеяние дореволюционных кочевых казахов!

Саки, по свидетельству историков древности, были миролюбивыми племенами, они кочевали, идя вслед за своими стадами и табунами, вели торг, вернее мену, со скифами и индийцами. Но когда, случалось, на них нападали воинственные чужеземцы, они храбро защищались, отстаивая пастбища и водопои, скот и жилье.

Древнегреческий историк Геродот описывает событие из тех далеких времен. Царь персов Кир, ведя кровавые захватнические походы, вступил на землю саков, но встретил решительное сопротивление вооруженных копьями саков и был бесславно разбит ими. Царица саков-массагетов Томирис приказала обезглавить плененного царя и, швырнув отрубленную голову Кира в кожаное наполненное кровью ведро, гневно воскликнула: «Ты жаждал крови, пей же ее!»

История свидетельствует, что земля нынешнего Казахстана за века густо полита кровью. Здесь возникали и пропадали государства, появлялись и бесследно исчезали племена, воздвигались и рушились города.

Когда-то, в давние времена, предки казахов создали большую древнюю цивилизацию, имели оросительные каналы, сады и поля, славящиеся архитектурой и культурой города — Исфиджаб, Тараз,

Отрар, торговые и ремесленные городские поселения — Сыгнак, Кумкент, Сузак, огромные караван-сараи и феодальные крепости Таз-Акыр, Баба-Ата, Ак-Сульбе. Особенно славился Отрар, чьим многотомным книгохранилищем восхищался великий ученый Востока Мухамед аль-Фараби, кого в мире называли Аристотелем Востока. До нас дошли свидетельства, что эти, ныне южные казахские земли «были так густо заселены, что кошка могла пробежать от Туркестана до Хивы, прыгая с одной крыши на другую».

Прекрасный город Отрар стоял на «шелковом пути», связывавшем Азию с Европой. Русский писатель Гоголь когда-то очень верно сказал, что «Азия — это народовержущий вулкан». С нагорных областей Азии спускались в прилегающие равнины орды, племена и народности, двигавшиеся на запад.

Долину реки Или и озера Алакуль исстари звали «историческими воротами». Через них прошли в I веке до нашей эры гунны, в V веке нашей эры — монголы, в VII веке — уйгуры, в VIII и IX веках — тюрки, в X веке — половцы.

К III веку до нашей эры в казахских степях сложились племена усуней, канглы, аланов.

В начале трагедийного XIII столетия нагрянули на землю казахов конные орды свирепого, бесчеловечного завоевателя Чингисхана. Великолепный Отрар принял первый, страшный удар диких орд. Отрар стоял насмерть. Предки казахов — племена найманов и кипчаков — бились с Чингисханом, но были сломлены. Отрар пал, объятый пламенем. Пеплом и песком были засыпаны его развалины, сады, книгохранилища, оросительные каналы. Население было частью истреблено, частью угнано в рабство.

Спустя два века Отрар сделал попытку восстановить свое прежнее величие, но был снова разграблен и сожжен новым завоевателем, «железным хромцом»— Тамерланом или Тимуром.

Казахский ученый Чокан Валиханов установил, что жестокий Тамерлан испустил дух на земле казахов, там, где стоял Отрар.

Такова предистория казахского народа. Как сложилась казахская народность, ставшая потом народом, ученые до сих пор не пришли еще к единому и окончательному выводу. Большинство ученых склоняются к тому, что основой казахской нации были племена: усуни, канглы, кипчаки, аргыны, найманы, дулаты и некоторые другие.

У этих племен были общая расовая принадлежность, тюркский язык, патриархально-феодальные общественные отношения, основой жизни было кочевое скотоводство. Слияние этих племен в казахскую народность завершилось в средние века. Большие и ма-

лые роды возглавлялись родоначальниками. Союз нескольких родов составлял ханство.

Феодальные правители враждовали и не смогли создать централизованного государства. Их теснили и разоряли чужеземные захватчики. Казахи сохранили в народной памяти горестные воспоминания: более ста лет владычествовали над ними гунны; более двухсот пятидесяти лет они терпели монголо-татарское иго; годами великого бедствия назвали они джунгарское нашествие.

К XVIII веку казахи делились на три жуза или орды: Старший жуз, Средний и Младший. Междоусобные распри ослабляли их, и этим пользовались враги: феодальный Китай, среднеазиатские государства — Хива, Коканд, Бухара, за спиной которых стояла колонизаторская Англия.

Самые мудрые и дальнозоркие из казахов видели светлое будущее раздробленной казахии в добровольном присоединении ее к России.

Казахский поэт и философ Абай Кунанбаев, переводивший на родной язык Пушкина, Лермонтова и Крылова, убежденно и мудро говорил: «Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза. Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты изучил его, жизнь твоя станет легче. Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни».

Первый казахский ученый, фольклорист, путешественник, публицист, друг Ф. М. Достоевского Чокан Валиханов после своей встречи с русским революционным демократом Н. Г. Чернышевским решительно и безоговорочно написал: «Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем, без русских — мы только Азия, причем другими мы без нее не сможем быть. Чернышевский — это наш друг».

Первый казахский просветитель, педагог и создатель первых казахских школ Ибрай Алтынсарин писал: «Молодые поколения киргиз* будут смотреть на язык и грамоту русских, как на единственный язык культуры и знания, пристрастятся к нему и будут развиваться».

В передовых слоях России это находило понимание и сочувствие.

Декабрист Пестель писал о казахах: «Да сделаются они нашими братьями и перестанут коснеть в жалком своем положении».

Логика самой истории подсказала целесообразность присоединения Казахии к России. В XVIII веке к России присоединились Младший и Средний жузы; позднее, в XIX веке — Старший жуз. Это добровольное присоединение Казахстана к России было явле-

* Киргизами до революции неправильно называли казахов.

нием длительным и во многом противоречивым, хотя исторически оно было безусловно прогрессивным. Ведь в XVIII и XIX веках в Российской империи было, в сущности, две России: одна — это царь, помещики, фабриканты, реакционное чиновничество, черносотенное духовенство, другая — это Пушкин, Белинский, Герцен, позднее революционные демократы — Некрасов, Чернышевский, Добролюбов. Царская Россия смотрела на казахские земли как на колонию и была не прочь поживиться за счет «инородцев». Прогрессивная Россия видела в казахах (за исключением байства) таких же угнетенных людей, как русские крепостные крестьяне или рабочие. Казахская беднота оказалась под двойным гнетом: ее угнетали и грабили и русские колонизаторы и «свои» баи, бии, муллы.

Теперь только в музеях можно увидеть предметы старого, дореволюционного быта казахов: юрту из продымленного войлока, кожаные ведра, нитки из сухожилий, допотопную обувь, бурдюки для кумыса. Кочевники-казахи целиком зависели от скота, и когда случались сильные бураны и джут, степь покрывалась трупами животных, из юрт неслись стоны.

Бедственное положение кедеев — казахской бедноты толкало ее на активную борьбу за лучшую долю. Это вылилось в ряд восстаний.

В историю Казахстана навсегда вошли антиколониальные и антифеодальные восстания казахов под предводительством Срыма Датова, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

В 1773 году начался так называемый «Пугачевский бунт»— донской казак Емельян Пугачев встал во главе крестьянского восстания против царя и дворян-помещиков. Уже во время первого штурма Оренбурга Пугачева поддержали отряды бедняков-казахов численностью до двух тысяч человек. Во время восстания к Пугачеву присоединилась часть казахов Среднего жуза, вышедшая из повиновения хана Нуралы. Казахи Младшего жуза также оказывали боевую помощь Пугачеву. В 1774 году пугачевцы-казахи совершили двести походов на царские укрепления. Восстание Пугачев поднял в районе Яицкого городка (ныне город Уральск), а схвачен был предателями и выдан царским властям в западно-казахстанских степях.

Массовым было вооруженное восстание казахской бедноты против царя и алашординской байско-националистической верхушки в 1916 году — это восстание выдвинуло народного батыра Амангельды Иманова.

После присоединения к России в Казахии появились новые черты жизни — частичная оседлость, земледельческие навыки, ремесла. К концу XIX века здесь существовало около двух тысяч мел-

ких и мельчайших предприятий, на которых работало около десяти тысяч человек — первое ядро казахского рабочего класса. Казахи-рабочие перенимали революционный опыт русских рабочих.

Царизм был общим врагом всех народов, входивших в состав царской России. Русские ссыльные социал-демократы впервые принесли в Казахстан идеи Маркса и Ленина. Под руководством русских революционеров были организованы социал-демократические группы в Петропавловске, Семипалатинске, Павлодаре, Кустанае, Верном и других казахстанских городах. Это были зародыши будущей Коммунистической партии Казахстана.

Восстание трудящихся казахов против самодержавного строя в 1916 году слилось со всеобщим революционным движением народов России. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года, покончившая с самодержавием, не принесла угнетенным народам желанной свободы. Временное правительство состояло, как говорил Ленин, из представителей «буржуазии и обуржуазившихся помещиков»; оно продолжало колонизаторскую политику. Буржуазные националисты предали интересы трудового казахского народа и, при поддержке царского генерала Дутова, создали националистически-буржуазное контрреволюционное правительство Алаш-Орды, не обещавшее казахскому народу ни мира, ни земли, ни свободы.

Но грянул залп «Авроры», штурмом был взят Зимний дворец. Свершилась Октябрьская социалистическая революция.

Историческим документом для всех народов страны и особенно для тех из них, что населяли окраины, явилось написанное Лениным и опубликованное 22 ноября 1917 года Обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».

«Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными,— прочли казахи в этом обращении.— Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всею мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство».

Созданию автономной Казахской республики мешали белогвардейщина, интервенты и алашординские предатели казахского народа. На земле казахов загремела гражданская война. Белогвардейцы и интервенты захватили Петропавловск, Семипалатинск, Кустанай, Оренбург, отрезав советские районы Казахстана от центральных районов России.

По указанию Ленина царицынский фронт послал в Казахстан в помощь трудящимся воинские части. В самый трудный период

борьбы в июле 1919 года из Царицына по директиве Ленина в Казахстан был послан большой транспорт оружия, боеприпасов и снаряжения. Этот транспорт был доставлен окольным путем через Каспийское море и пустыню. Вел его казах-большевик Алибий Джангильдин, мандат которого был подписан Лениным.

По инициативе Ленина на борьбу с белоказачеством в Казахстан была двинута боевая дивизия, возглавляемая легендарным начдивом В. И. Чапаевым и комиссаром Д. А. Фурмановым. В Чапаевской дивизии среди наиболее отличившихся в боях частей была казахская национальная бригада. В историю гражданской войны навсегда вписаны героические страницы обороны Уральска, которую шестьдесят один день держала против колчаковцев и алашордынцев горстка русских и казахских рабочих и красноармейцев.

В дни осады Уральска Ленин телеграфировал Фрунзе: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет, героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска — просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель, геройское дело защиты Уральска увенчается успехом».

Чапаевцы выполнили ленинский наказ и 11 июля 1919 года освободили Уральск от осады.

Полтора года (с августа 1918 по октябрь 1919 года) партизаны Семиречья и Тарбагатая давали отпор белогвардейским бандам, на знамени которых было начертано: «С нами бог и атаман Анненков»; партизаны не дали черному атаману Анненкову соединиться с войсками сибирской контрреволюции. Эта героическая борьба вошла в историю гражданской войны под названием Черкасской обороны. Большинство партизан влились потом в Красную Армию.

«Реввоенсовет Туркестанского фронта,— писал М. В. Фрунзе,— с чувством глубокого удовлетворения констатирует факт, что мусульманская беднота, зарождающийся пролетариат Туркестана, правильно учтя свое положение в деле мировой войны с капиталом, сознательно и с чувством важности момента тысячами вошла в братские ряды Красной Армии».

В истории гражданской войны записаны также боевые действия алтайских партизан, которых трудовой народ назвал «Горными орлами». Многим известна скульптура Лаврова —«Партизан Алтая», запечатлевшая образ одного из казахстанских «Горных орлов».

Выполняя директиву Ленина, многонациональная Красная Армия, в рядах которой было много казахов, к концу марта 1920 года полностью освободила Казахстан от интервентов и белогвардейцев и вышвырнула вон алашординцев.

26 августа 1920 года, когда еще гремела гражданская война,

Ленин подписал Декрет «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Республики».

4 октября 1920 года в Оренбурге открылся первый съезд Советов Казахской Автономной Социалистической Республики под председательством казаха-большевика Алибия Тогжановича Джангильдина. Почетным председателем съезда казахи избрали В. И. Ленина. Принятая съездом «Декларация прав трудящихся» провозгласила Казахстан республикой Советов. На этом съезде было избрано народное правительство Казахстана: Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров. Казахстан вошел в Российскую Федерацию.

Сбылись вековые мечты и чаяния многострадального казахского народа. Трудовой казахский народ обрел наконец свое свободное, автономное государство.

5 декабря 1936 года на Чрезвычайном VIII съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик, когда была принята Конституция СССР, Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика была провозглашена Казахской Советской Социалистической Республикой.

Чрезвычайный X съезд Советов Казахстана, принявший свою конституцию, обратился с приветственным письмом к правительству СССР.

«В день утверждения конституции Казахской республики,— писали счастливые казахи,— мы от имени казахского народа говорим: «Честь и слава великому русскому пролетариату!» Примите от ваших казахских братьев и сестер чувства огромной благодарности и любви! Знайте, что превращение Казахстана в союзную республику еще более укрепит узы неразрывной братской дружбы казахского народа с русским народом, как со всеми народами многонациональной советской земли!»

Эти, идущие от горячего сердца и чистой души, слова нашли свое историческое подтверждение и были скреплены кровью, пролитой в грозные годы Великой Отечественной войны.

Весь Казахстан, как один человек, встал на защиту родного Советского Союза, на который вероломно напали фашисты. Лучшие люди Казахстана пошли на фронт, а оставшиеся в тылу работали по-фронтовому: девять десятых свинца, который обрушился на головы фашистов, давал фронту Казахстан. На фронте, под Москвой, неувядаемой славой покрыла себя Панфиловская дивизия, сформированная в Казахстане; это они, двадцать восемь панфиловцев, стояли под Москвой насмерть и не пропустили к Москве рвавшиеся туда фашистские танки.

Многие и многие казахстанцы показали на фронте свою доблесть, патриотизм и геройство. В Великую Отечественную войну

четыреста сорок казахстанцев самых различных национальностей получили «Золотые Звезды» Героя Советского Союза и более пятидесяти шести тысяч были награждены орденами и медалями.

В боях за Ленинград казах-коммунист Султан Баймагамбетов повторил подвиг Матросова — закрыл своим телом амбразуру фашистского дота. Под Сталинградом пал смертью храбрых минометчик Карсыбай Спатаев, бросившись с последней миной под вражеский танк. В единоборстве с двадцатью восемью вражескими танками он не пропустил врага. Летчик-казах Нуркен Абдиров повторил подвиг Гастелло — обрушил свой горящий самолет на колонну вражеских танков. Погибла, не выпуская из рук пулемета, дочь казахского народа Маншук Маметова. Казах-снайпер Абдибеков уничтожил четыреста фашистов. Его винтовка хранится в Центральном музее Казахстана. Во Франции, в рядах маки сражался казах Джуманиязов, а в Бельгии партизанили казахи Жамбеков и Абдуллин. В Польше казах-боец Сатимбек Тулешев за ратные подвиги получил орден — Серебряный Крест. Орудие, которым командовал казах Даулетбеков, уничтожило 29 танков, 13 пушек, 150 автоматчиков. Звание Героя Советского Союза присвоено Даулетбекову посмертно.

О гвардии полковнике Бауырджане Момыш-улы написаны большие талантливые книги: это он герой книг Александра Бека — «Волоколамское шоссе» и «Резерв генерала Панфилова» и книги Тахави Ахтанова «Грозные дни». К этому надо добавить, что военный герой Момыш-улы является писателем, автором книг «История одной ночи», «За нами Москва», «Генерал Панфилов», кстати сказать, написанных на русском языке.

Генерал-майор, Герой Советского Союза Петр Вершигора, автор книги «Люди с чистой совестью», сказал о книгах Момыш-улы: «Нам известны военные подвиги Бауырджана Момыш-улы. Став писателем, он совершил второй подвиг. Оба подвига, на мой взгляд, равноценны».

А Джамбул! Он воевал с фашистами песнями. Его замечательная песня «Ленинградцы, дети мои!» облетела все фронты, потом весь мир.

Весь Казахстан — от мала до велика — помогал ковать победу над Гитлером и его бронированной ордой, угрожавшей всему миру.

Советский Казахстан до войны строил новые города, создавал промышленность, ликвидировал неграмотность, сеял пшеницу, пас отары, а после войны поднимал целину, воздвигал Казахстанскую Магнитку, ставил мировые рекорды по добыче угля, меди и свинца, создавал культуру, науку, сооружал Байконурский космодром...

Когда сегодняшний многонациональный Советский Казахстан отмечал свое пятидесятилетие, оглянувшись назад и сравнив то,

что было когда-то, и то, что стало теперь, казахи сказали себе и всему миру:

— То, что казахский народ сотворил за пятьсот лет своего исторического существования,— меньше, бледнее, беднее и примитивнее того, что этот же народ с братской помощью других народов, вставших на ленинский путь, создал за пятьдесят лет.

Пятьсот лет (половина тысячелетия!) казахский народ каторжно работал на ханов, султанов и баев, не зная ни сытости, ни грамоты, ни счастья и только мечтал о свободе, о человеческой жизни.

Пятьдесят лет (всего полстолетья!) раскованный, свободный, творчески одухотворенный народ работал на себя и своих детей и внуков и создал могучую, индустриально-колхозную державу, удивлявшую и удивляющую ближние и дальние народы.

В бою и труде казахский народ обрел свою Жидели-Байсын, землю счастья, потому что понял и доверился идеям Ленина, встал на ленинский путь, послал лучших своих сынов и дочерей в могучую партию Ленина. Он строил свою Жидели-Байсын не в одиночку, а в дружбе и братстве и взаимопомощи с другими народами.

В этом наглядный урок истории.





МЕДНЫЙ КОЛОКОЛ ИБРАЯ

Есть были, похожие на сказки. Перенесемся на сто двадцать лет назад. Ковыльные и полынные степи. Кочевники-казахи водят по степям стада, табуны и отары. Почти весь скот принадлежит богатеям-баям, а пастухи и табунщики — их батраки, проще сказать, рабы.

На каждые две сотни казахов два-три грамотных, но эти грамотеи не пастухи, а баи, бии, муллы, толмачи-переводчики. О грамотности простой казахский народ, «черная кость», не мог и мечтать.

Трудно поверить, но это историческая правда; в Российской империи, в состав которой входил Казахстан, на обучение одного казаха государство отпускало четырнадцать копеек в год, и журнал «Вестник просвещения» не в шутку, а всерьез писал, что «для ликвидации неграмотности населения киргизских степей понадобится четыре тысячи шестьсот лет».

В 1914 году во всем необъятном Казахстане, главным образом в городах и больших станицах, училось сто пять тысяч человек, из которых только восемь процентов составляли казахи, исключительно дети баев, биев, мулл.

В городе Верном (на месте которого выросла столица Казахстана Алма-Ата) была единственная гимназия, где за партами сидело триста шестьдесят учеников. Из каких же семей были эти редчайшие в Казахстане гимназисты? По сохранившимся документам это точно известно: двести двадцать учеников — это дети дворян и чиновников; тридцать — дети казачьих атаманов и кулаков-прасолов, двадцать пять — дети попов; тринадцать — дети купцов; десять — дети баев.

Были местности в Казахстане, где поголовно неграмотное население не знало даже слова «школа». Так было и в Тургае, на

родине великого казахского просветителя Ибрая Алтынсарина. Ему выпала в истории высокая честь — стать первым казахом-педагогом. Он разделял мнение поэта и философа Абая Кунанбаева, что «наука, знание, достаток, искусство — все это у русских». Он был согласен с первым ученым из казахов Чоканом Валихановым, писавшим: «...Мы без России пропадем, без русских — это без просвещения, в деспотии и темноте...»

Тургайский уроженец Ибрай Алтынсарин, изучил русский язык и педагогические воззрения и практику русского педагога Ушинского. В Тургае не только не было ни одной школы, но властями ни одной копейки не отпускалось на просвещение.

Молодой, полный силы и любви к родному народу, увлеченный педагогикой Ибрай Алтынсарин стал ходить из аула в аул, из юрты в юрту, разъясняя населению необходимость грамоты и собирая средства на постройку первой школы. Казахская беднота жертвовала медные гроши, а баи и муллы и медяков не давали. Алтынсарин при содействии своих русских друзей с трудом добился разрешения властей на постройку и открытие казахской школы, но, конечно, ни копейки не получил на это важнейшее дело. На пожертвования бедняков и свои собственные средства он построил школу,— не кирпичную, не деревянную, а глинобитную, с маленькими (стекло дорого!) окошечками. На школьные принадлежности, на учебные пособия денег не хватило. Но и это не смутило энтузиаста-просветителя. Бумагу он заменил берестой. Вместо тетрадей первое время обходились черной классной доской и куском мела. А буквари заменил сам, Алтынсарин, став живым, разговорным букварем.

Над дверью этой единственной в Тургае школы он повесил медный, позеленевший от сырости и древности колокол.

8 января 1864 года можно с полным основанием считать первым днем просвещения в Казахстане. В этот незабываемый день зазвонил вещий колокол Ибрая, как бы выговаривая на медном наречии стихотворные строчки учителя:

Если будете учиться, дети,
Свет, как в светильниках зажжется!

Открытие школы превратилось в народный праздник. Пришло много людей из соседних аулов. За парты сели четырнадцать учеников и ни одной девочки-ученицы.

Бесправие женщин-казашек в ту пору было столь велико, что никто не решился послать девочку-казашку в школу.

Медный колокол Ибрая Алтынсарина стал звонить, созывая на ученье каждый день. Народ считает, что колокол Ибрая, разбудивший степняков от вековой спячки и неграмотности, звонит и до сих пор.

В 1876 году Алтынсарин напечатал свои знаменитые «Киргизскую хрестоматию» и «Руководство по обучению киргизов русскому языку». Он перевел на казахский язык рассказы Льва Толстого, басни Крылова, произведения своего наставника Ушинского и сам написал стихи, рассказы и сказки. До Алтынсарина казахские книги печатались арабским шрифтом. Он впервые применил русский алфавит.

1870 год был ознаменован тем, что усилиями и энергией Ибрая Алтынсарина в Казахстане были открыты специальные школы для девочек-казашек, а также ремесленные и сельскохозяйственные училища. Так были заложены основы просвещения в Казахстане.

У Ибрая Алтынсарина, конечно, нашлись последователи и соратники. Наиболее заметным из них стал Спандиар Кубеев. Вначале он учился у муллы, но потом попал в первую алтынсаринскую школу, после русско-казахской школы окончил педагогический класс и пошел по стопам Алтынсарина.

Кубеев в Казани выпустил казахскую книгу — антологию для чтения, где наряду с произведениями Пушкина, Абая, Крылова, Алтынсарина, были и стихи Кубеева. В 1913 году он выпустил в свет первый в истории казахской литературы роман «Калым». В этой книге повествуется о том, как казашка Гайша, отвергнув старый уклад с его продажей девушек за калым, сама выбрала себе спутника жизни.

Как педагог, Кубеев воспитал более четырех тысяч казахов и казашек, сражался с винтовкой в руках за Советский строй и награжден орденом Ленина.

Огромное значение для просвещения Казахстана имел изданный в 1919 году ленинский декрет «О ликвидации безграмотности населения РСФСР». На помощь Казахстану пришли Москва, Ленинград и другие русские города. Там издавались буквари на казахском языке, готовились преподавательские кадры казахов, оттуда поступали учебные и наглядные пособия для школ.

В Казахстане стали создаваться комиссии по ликвидации безграмотности, сеть школ, красные юрты, избы-читальни, клубы, библиотеки, дома культуры. В 1930 году, когда по Советскому Союзу было введено всеобщее, обязательное начальное образование, в Казахстане за школьные парты сели пятьсот сорок тысяч учеников, что в пять раз превышало число учащихся последних лет дореволюционного Казахстана.

В 1956 году в республике учился каждый пятый человек, а количество начальных, семилетних и средних школ превышало девять тысяч с полумиллионным контингентом учащихся.

При Советской власти был открыт (первый в истории казахского народа!) Институт народного образования. Первый набор

студентов в этот институт составил всего девять человек. А в 1971 году в сорока двух вузах и ста семидесяти девяти техникумах республики обучалось четыреста тысяч студентов. До революции только двадцать два казаха с большими трудностями смогли получить высшее образование. К 1971 году Казахстан насчитывал семьсот тысяч казахов, получивших вузовские дипломы. Особенно глубокие изменения внесла в дело народного просвещения в Казахстане девятая пятилетка. К XXV съезду КПСС сплошь грамотная Казахская республика пришла с достижениями, каких она не имела ни в одну из предыдущих пятилеток.

За одну девятую пятилетку количество общеобразовательных и средних школ выросло на 699, причем в 216 школах из этого количества преподавание ведется на казахском языке. Более чем вдвое увеличилось число школ для молодежи, занятой на производстве и в сельском хозяйстве. Любой юноша и любая девушка, при желании, имеют полную возможность продолжать свое образование, без отрыва от производства.

Исключительно больших успехов добилась республика на фронте профессионально-технического образования — этой гигантской кузни, где куются кадры вооруженного культурой рабочего класса.

За одно только пятилетие в народное хозяйство Казахстана влилось около шестисот тысяч выпускников профессионально-технических школ, причем более сорока тысяч из них вместе с профессией получили среднее образование. Невольно вспоминаются те первые группы и группочки казахского рабочего класса, которые зарождались во второй половине XIX века в заросшей карагайником степи, в каменноугольной Караганде, так живописно нарисованной Габитом Мусреповым в его замечательном романе «Пробужденный край». По законам горьковского человековедения Мусрепов показал нам неграмотных, байских батраков: Буланбая и Суграли, казахов среднего достатка, но темных, не понимающих в начале зова эпохи, Байжана, не умеющего ни читать, ни писать, но мастера-умельца и строителя легких казахских юрт Сандыбая.

Все они, замордованные нуждою кедеи, не без помощи русских братьев-рабочих из рабов становятся рабочими, в них пробуждаются первые проблески сознания борцов за свои права, за рабочую правду. Ни о каких школах (кроме школы нужды) тогда не было, да и не могло быть и речи.

А ныне на фабрику, на завод, на механизированную шахту приходит воспитанник профессионально-технической школы, квалифицированный рабочий, имеющий среднее образование, и пожелай он — пожалуйста, поступай на вечернее отделение заочного технического института, становись инженером, кандидатом технических наук.

Ремесленное, профессионально-техническое училище — это одно из завоеваний Советского Союза, а значит, и его составной части — Казахстана.

В поэме Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись человеку» поэт закономерно находит свое родство с первым космонавтом планеты — Земля Юрием Гагариным:

«Радио пишет его портрет:
«Широкоплечий»,
Щупаю плечи.
«Молод, курнос...
двадцать семь лет».
Ровесник!
Но разве от этого легче?
«Учился в ремесленном на «отлично»
Я ведь тоже был в форме «РУ»!
«Жил на Речной».
А я на Арычной...»

Разве это не удивительно? И первый космонавт Юрий Гагарин, и один из лучших поэтов Казахстана Олжас Сулейменов — оба учились в ремесленном, то есть в профессионально-техническом училище, а таких в Казахстане за одну девятую пятилетку надежно подготовлено более полмиллиона человек! За это же счастливое в области просвещения пятилетие в сорока девяти высших учебных, в двухстах десяти средних учебных заведениях обучалось четыреста сорок девять тысяч человек. Целая армия!

Многие ли культурные западные страны могут сравниться в этой области с Казахстаном? Но Казахстан не успокоился на достигнутом. В ту же девятую пятилетку открылись второй в республике университет в Караганде, три педагогических института — в Джезказгане, Аркалыке и Талды-Кургане. Энергетический институт и институт железнодорожного транспорта в Алма-Ате; Высшее летное училище в Актюбинске, а число средних специальных заведений увеличилось на восемнадцать единиц.

Естественно, что все виды учебных заведений Казахстана обслуживают десятки тысяч преподавателей, из которых добрая половина женщины, и партия год за годом укрепляет и идейно-политическое воспитание преподавательских кадров, их ленински-партийную закалку.

Годы девятой пятилетки навсегда войдут в историю казахского народа как исторические вехи завершения перехода ко всеобщему среднему образованию всей молодежи Казахстана. Вот почему аксакалы не устают повторять:

— Слушайте медный колокол Ибрая Алтынсарина. Это Советская власть дала ему, одиноко звучавшему в степи, мощь многоголосого набата.

КАНЫШ, ВНУК САТПАЯ

Здесь мы поведем рассказ о Каныше, сыне Имантая, внуке Сатпая,— об академике Каныше Имантаевиче Сатпаеве, и не только о нем, а и о науке Казахстана, потому что Сатпаев неотделим от науки, он ею жил и дышал и занимает достойное место рядом с великим казахским ученым Чоканом Валихановым.

Мы знали Сатпаева. Нам посчастливилось общаться с этим мудрым, скромным, бесконечно трудолюбивым, глубоко ученым человеком.

Сатпаев родился 12 апреля 1899 года на исконно казахской земле, в ауле № 4 Баянаульского района Павлодарской области. На его родине в Баянауле сверкают под солнечными лучами утесы, голубеют озера, зеленеют сосны, а за ними стелется степь.

Маленький Каныш любил и горы, и степь,— всюду ему попадались разноцветные камушки, он собирал их в кожаный мешочек, а потом дома перекладывал в сундучок, перебирая их — розовые, белые, желтые, крапчато-голубые. Он расспрашивал о них домашних, соседей, степных пастухов. Никто ничего не мог ему сказать — они и сами не знали о камушках ничего. Однажды Каныш встретил в степи русского геолога, знавшего казахский язык. Они разговорились, мальчик спросил:

— Не знаете ли, где поблизости русская школа?

— А зачем тебе именно русская школа, малыш?

— Хочу учиться, чтоб прочесть книгу о камнях.

Русский геолог заехал в юрту Имантая, отца Каныша, и уговорил его отдать мальчика в школу. В Акмолинске Каныш стал первым учеником и читал больше всех других школьников. Потом Каныш учился в Павлодаре, в двухклассном училище, затем в Семипалатинске в учительской семинарии. В Семипалатинске, где

когда-то учился и писал стихи великий Абай, Қаныш Сатпаев сдружился с будущим писателем Мухтаром Ауэзовым и поэтом Султанмахмудом Торайгыровым, по просьбе которого не только читал, но и перевел на казахский язык некоторые произведения Карла Маркса.

В Семипалатинске Сатпаев стал преподавателем двухгодичных педагогических курсов, а все свободное время читал, особенно книги о камнях, о минералах.

Потом Сатпаева назначили учителем аульной школы. Чрезмерный труд подорвал здоровье молодого Сатпаева, и он заболел чахоткой. Пришлось вернуться в отцовскую юрту и лечиться целебным кумысом.

В России произошли большие перемены: рухнуло самодержавие, утвердилась Советская власть, которую всем сердцем приветствовал молодой Сатпаев. В 1920 году его назначили председателем участкового народного суда. По аулам пошла молва о справедливом, неподкупном судье. Но чахотка снова заставила его лечиться кумысом. Там, на кумысолечении Сатпаев встретился и сблизился с приехавшим лечиться русским профессором-геологом Михаилом Антоновичем Усовым. Это окончательно решило судьбу Сатпаева. Усов предложил ему переехать в Томск и поступить в Сибирский технологический институт. Там студент геологоразведочного отделения горного факультета Сатпаев под отеческим руководством Усова стал по-настоящему изучать геологию. Он был прилежнейшим студентом. Рассказывают, что после лекций Усова он с сожалением говорил однокурсникам: «Почему лекции оканчиваются так быстро? Наверное, преждевременно звонки подают». На студенческую практику Усов послал Сатпаева на геологическую стоянку русского профессора Михаила Петровича Русакова, куда Сатпаев поехал на коне, преодолев четыреста километров.

Русаков полюбил талантливого, неутомимого, инициативного практиканта. В то время как другие студенты отдыхали, Сатпаев по своему почину обследовал ближайшие древние выработки, расспрашивал местных жителей о старинных названиях гор, сопок, холмов, оврагов, считая, что народная память хранит признаки месторождения полезных ископаемых, закрепленных в названиях. Он сдружился с пастухами и записывал народные предания и песни.

После талантливо написанного и защищенного им дипломного проекта о медном месторождении Сатпаеву был вручен диплом и профессор Усов, поздравляя его, сказал: «Горжусь тем, что мой курс прошел первый из казахов, получивший звание горного инженера».

В 1926 году молодой инженер Сатпаев стал руководителем геологической группы, кандидатом в члены правления треста Атбасар-

цветмет СССР, а в 1929 году начальником и главным геологом первенца казахской индустрии Карсакпайского комбината. Там он произнес свою памятную речь, в которой выявил себя ученым в масштабе государственного деятеля.

«Если бы я думал,— горячо говорил он,— что наша задача сводится к пуску малюсенького медеплавильного заводика, карлика-заводика, лилипутного заводика с детской узкоколейкой, с игрушечной электростанцией, с трехсаженным прудиком, если бы я думал, что только за этим послали нас сюда, я сегодня же задал бы отсюда стрекача. Либо я уеду, либо мы будем работать, поставим перед собой большие цели. До нас тут хозяйничали англичане. Русские и казахи были для них не более, чем туземцы, люди низшей расы, колониальные племена. Я просмотрел материалы геологических изысканий. Это была не научная разведка недр, а пенкосниматель-ство и рекламный трюк для биржевых спекуляций. Буровой разведкой англичанами пройдено всего восемь километров, а «видимые» запасы руды подсчитаны только на площади семи километров. Это мало для такого рудоносного района. Англичане искали только медь, а район, по всем приметам, богат железом, марганцем, строительными материалами. Я глубоко убежден, что Джезказган и его окрестности — это уникальное скопление полезных ископаемых, геологическое Эльдорадо.

Можете назвать меня мечтателем, фанатиком — это ваше дело, но главным участком нашей работы является широкая, научно-поставленная комплексная разведка недр. Для Карсакпайского завода, в тех габаритах, как он запланирован, хватит уже разведанных руд. Мы должы смотреть дальше. Наш Казахстан огромен. Карсакпайский завод — это первый шаг малыша, а нам потребна твердая, широкая поступь великана. Не устану повторять, что нужно срочное, детальное изучение этого рудоносного края. Стоит мне только закрыть глаза, и я вижу Большой Джезказган, оборудованный по последнему слову техники: рудники, медеплавильный гигант, медную и железную руду, утопающий в зелени город. Это не бесплодная мечта, товарищи, а совершенно реальная перспектива. Мой Казахстан, моя степь тоскуют по большой, достойной их просторов индустрии. Мы, казахи, слышавшие с детства только ржанье коней да блеянье овец, лелеем мечты услышать гудок в степи. Мы с вами в районе, над которым возвышается Улутау. Когда над Улутау впервые пронесется гудок заводской сирены, он, несомненно, найдет свой мощный отклик в самых далеких уголках Казахстана».

Так начался по инициативе Сатпаева и горстки энтузиастов героический поход, отразивший дух эпохи, борьбу за Большой Джезказган.

Этот поход длился полтора десятилетия. Борьба была много-

трудной, подвижнической, порой драматичной, вызывающей удивление и восхищение. Это был в полном смысле слова подвиг — научный, гражданский, индустриальный.

Теперь трудно даже поверить, что в те годы на красно-коричневой джезказганской почве работал один-единственный буровой станок, да и то только летом, руководство разведкой находилось за тридевять земель, в Ленинграде, и на это огромное дело были отпущены буквально гроши.

Сатпаеву, где вольно, где невольно, мешали невежды — недальновидные дельцы-практики, не знающие геологии, завистники, тупые бюрократы и злые враги — вредители. О нем в канцеляриях и ему в лицо кричали:

— Дон-Кихот!

— Беспочвенный мечтатель!

— Прожектёр!

— Фантазер!

Нужна была безграничная любовь к Казахстану, глубокая убежденность ученого, упорство большевика и энтузиазм волевого человека, чтобы не отступить. И все это у Сатпаева было. В этой пятнадцатилетней эпопее бывало и так, что в разгар сезона утвержденные ранее планы вдруг отменялись, субсидирование работ прекращалось, поступал приказ приостановить работы. Так, например, в 1933 году Главцветмет отпустил только 0,1 процента сметной суммы. И тогда люди, сплоченные Сатпаевым, зараженные его идеей, говорили:

— Чего кручинишься, Имантаевич? Не уйдем. Не за длинным рублем сюда приехали.

Сокращенные по штату геологи, буровые мастера, бурильщики оставались младшими рабочими.

Не хватало средств поставить дорогостоящие деревянные теплушки, и Сатпаев ставил родные с детства казахские юрты. Зимние работы не прекращались. Благодаря железной энергии Сатпаева стали круглосуточно работать и зимой и летом уже не один, а два, потом десять, затем пятнадцать, двадцать семь бурильных станков... Сатпаев ввел прогрессивные методы бурения и производительность удвоилась, и двадцать семь станков стали работать, как пятьдесят четыре. Пробы проверялись и исследовались не за тысячи километров, а там же, на месте, в созданной Сатпаевым палаточной лаборатории. Не было автомашин, Сатпаев перевозил грузы на верблюдах.

К 1933 году Сатпаев был уже командиром семисот геологов-разведчиков. А в 1935 году случилось то, чему сейчас и поверить невозможно.

При очевиднейших успехах разведки джезказганской меди, горе-руководители Главцветмета сообщили, что средства на дальнейшие работы отпускаться не будут. Все! Крах! Конец! Но не таков был Сатпаев — прямой наследник в науке великого Чокана Валиханова. Сатпаев поехал в Москву, добился созыва научной сессии Академии наук СССР, посвященной проблемам Большого Джезказгана и Большого Алтая, сделал там блестящий доклад, получил поддержку ведущих ученых страны, добился приема у наркома тяжелой промышленности страны Серго Орджоникидзе и положил ему на стол кусок уникальной джезказганской медной руды с богатейшим содержанием металла. Серго Орджоникидзе поддержал Сатпаева, который все время выступал как публицист в местной и столичной печати, горячим словом борясь за Большой Джезказган, где он исследовал, в сущности, все виды полезных ископаемых. За научный труд «Рудные меднорождения Джезказганского района Казахской ССР» Сатпаев был удостоен Государственной премии.

В результате титанической работы Сатпаева вырос Большой Джезказган, огромный комбинат его имени, протянулась к нему железная дорога, и сейчас тянется туда канал Иртыш-Караганда. Стали явью все предвидения великого ученого. Сатпаев создал свою геологическую «сатпаевскую» школу, и в становлении науки в Казахстане геология вышла на первое место.

Сатпаева, как когда-то Чокана Валиханова, хватало на все — кроме любимой геологии, он занимался историей, фольклористикой, музыкой, театром, публицистикой. Он был энциклопедистом в лучшем значении этого слова. «Еще в начале 30-х годов,— говорил Сатпаев,— когда начинался мой путь геолога-исследователя, наука в Казахстане находилась в зачаточном состоянии». Исторической заслугой Сатпаева явилось собирание им научных сил Казахстана.

В 1938 году в Казахстане был создан филиал Академии наук СССР. С 1942 года Сатпаев стал его председателем.

В архиве и музее сохранилась фотокопия написанного Сатпаевым документа, адресованного Советскому правительству о необходимости создания Академии наук Казахстана. И такая Академия была создана в 1946 году. Ее первым президентом был избран Каныш Имантаевич Сатпаев. В то время она объединяла пятнадцать научно-исследовательских институтов.

В Великую Отечественную войну все научные силы Казахстана были мобилизованы на борьбу с фашистами. С гордостью за Казахстан говорил Сатпаев в те грозные дни: «Девять десятых свинца, который ежедневно обрушивается смертоносным ливнем на головы фашистов, производится у нас. Фронт только что получил танки со сверхпрочной броней. И в этом немалая наша доля».

Как известно, без марганца сверхпрочную сталь сварить нельзя.

Марганец Никополя и Чиатур в военное время был отрезан врагом. Вот тут-то и пригодились разведанные Сатпаевым марганцевые руды в районе реки Джезды. Не верблюжьи караваны, а вереницы грузовиков повезли сатпаевский марганец на Урал.

В 1942 году Сатпаеву без защиты диссертации была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. Он был избран действительным членом Академии наук СССР и депутатом Верховного Совета СССР. За составление прогнозных геологических карт и атласов Сатпаеву была присуждена Ленинская премия. В разное время он был награжден четырьмя орденами Ленина.

Недавно мы были на индустриальном памятнике Сатпаеву — Джезказганском медном руднике. Невольно вспомнилось, как сорок лет назад мы спускались в карагандинскую шахту. В ту пору уголь там вырубался вручную — кайлом. Да и вывозили его его вручную.

То, что мы увидели на Джезказганском руднике, даже отдаленно не напоминало былую картину. Выйдя из лифта под землей, почти на 200-метровой глубине, мы замерли от изумления. С непривычки показалось, что мы перенеслись в какое-то подземное, но доброе, светлое царство, во дворец Хозяйки Медной горы из сказов Бажова или на станцию Московского метрополитена. Гигантские подземные камеры-залы были залиты светом неоновых ламп, искрились каменными изломами. На стенах, в пунктах управления — телефоны, телевизоры, светящиеся рубиновыми глазками пульты. И машины, машины, мощные, ловкие: целые электрические поезда, электровозы, буровые, навалочные и десятки других сложных, умных механизмов, заменяющих физический труд тысяч рабочих. Мы потерялись в мире горной техники. А сопровождающие нас — инженер Джалел Қалмагамбетов (внук акына Тайжана), заместитель главного инженера Мироненко, председатель шахткома Крючков были здесь, как у себя дома. Они знали всех и всё. И рассказывали они нам о том, как совершенствуется технология, как внедряется прогрессивная техника, чтобы удвоить, утроить добычу руды. И в этом они были продолжателями инженерной стратегии Сатпаева. Но не только они с гордостью считают себя сатпаевцами лучшие из лучших производственники рудника — А. Хасанов, Ф. Лукинский, Қ. Қитаев, В. Раковский, М. Бупежанов, Д. Ешпанов, Г. Омаров, Р. Расковский и много других. Их здесь любовно называют маяками производства.

О том, как научно-техническая революция внедряется в производственную сферу Джезказгана, говорит такой красноречивый факт.

Труднейшей технологической операцией в фасонно-литейном

цехе долгое время признавалась очистка литья от формовочного материала и заусениц. На очистку одной тонны литья тратились десятки часов. Теперь такая операция производится в минуты. Новая технология проста и эффективна: стальные тяжелые детали погружают в воду и обрабатывают искусственной молнией с напряжением в пятьдесят тысяч вольт. Очистка образцовая. Деталь сразу идет в производство. Производительность труда и качество продукции повысилось в несколько раз.

И мы снова вспомнили Сатпаева, умершего в январе 1964 года и оставившего большое наследие — триста научных работ. Невольно вспомнился нам и друг Сатпаева — казахский ученый гидрогеолог академик Уфа Мендыбаевич Ахметсафин. Мальчишкой он пас байских овец и твердо усвоил слова старых пастухов: «Где растет чий, там ищи воду».

Революция открыла ему двери школы. Как степняк, он знал, что такое вода для опаленной солнцем пустыни, где даже трава сгорает, не успев достигнуть полного роста. Став ученым, он всю жизнь посвятил поискам живительной влаги. Тысячи километров исколесил в экспедициях по пустыням Казахстана. Он первым из казахов защитил кандидатскую диссертацию по гидрогеологии и выдвинул гипотезу, что под горячими песками залегает пресная холодная вода. Он составил «прогнозную карту» подземных морей Казахстана. Из пятидесяти скважин, заложенных в Кзылкумах по прогнозам Ахмедсафина и его учеников, зафонтанировало сорок восемь.

Институтом гидрогеологии и геофизики, которым руководит Ахмедсафин, открыто в Казахстане семьдесят подземных бассейнов площадью более двух миллионов квадратных километров. Запас воды в них равен примерно двадцати пяти Азовским морям.

Караганда, Актюбинск, Балхаш, Джезказган, Кентау и еще многие города, аулы, поселки пьют воду подземных пресных морей Ахмедсафина.

А вот научное диво в области животноводства.

В казахских горах водится дикий баран — архар. Красавец! Круторог, строен, мускулист. Рост — что надо! Не боится ни бурана, ни стужи. Лазит по горам, как кошка. Не одно поколение казахских овцепасов мечтало: вот бы архарову силу, ловкость и рост нашим баранам! За дело взялся ученый Бутарин. Ему помогли пастухи Туленды Каюпов, Жамал Мананбаева, колхозный председатель Молдахмет Мусралиев. Общими стараниями вывели новую породу. Потомство дикого архара и овцы из отары мериносов образовало новую породу архаромериносов.

А другой ученый — академик Бальмонт сумел вывести новую, драгоценную породу овец — казахскую тонкорунную. Из шерсти

этих бальмонтовских овец уже не войлок, не грубошерстный чапан получишь, а нарядное сукно, трикотаж, шелковистые паласы.

В Институте химии Академии наук Казахстана есть электрифицированная карта республики. Щелкни выключатель — вспыхнут разноцветные лампочки, обозначающие предприятия большой химии. Они покажут химические цехи Казахстанской Магнитки, завод синтетического каучука Темиртау, Актюбинский химический комбинат, Джамбулский суперфосфатный завод, а Чимкент вспыхнет многоцветным созвездием: завод фосфорных солей, химико-фармацевтический, гидролизный. Некоторые расцветки обозначат строящиеся химические предприятия.

В Казахстане производится химическая продукция более восьмидесяти наименований. И все это неразрывно связано с наукой, с научно-технической революцией. Наука помогла открыть и освоить сырье для химической продукции: нефть, газ, уголь, руды, известь, соль, фосфориты.

Академик Абикен Бектуров посвятил себя Каратау, его сокровищам — фосфоритам. Много легенд было об этом «жемисти тас»— «камне плодородия».

Какой-то кедей — бедняк, говорится в легенде, натаскал этих камней на бесплодные солончаки, и вдруг на них заколосилась пшеница в рост человека и поспели сочные дыни и арбузы величиной с верблюжью голову.

Академик Бектуров верил не легендам, а фактам. Он знал, что в 1936 году советский геолог И. И. Машкара обнаружил в Каратау залежи фосфоритов. Прикинули, и оказалось, что залежи простираются на 120 километров, а по запасам нет им равных на планете. В 1941 году Советское правительство постановило воздвигнуть в Каратау горнохимический комбинат. Абикен Бектуров, идущий в химии путем гениального Менделеева, поехал в Каратау, чтоб своими глазами убедиться в наличии открытых сокровищ. Он исследовал пласт в разрезе. Это была геологическая радуга: золотисто-желтые тона чередовались с молочно-белыми, переходили в бурые, потом в ржаво-красные, кончались зелеными.

Каждая краска открывала академику драгоценнейшие свойства и качества «камня плодородия». У знаменитых северных Хибин появился соперник. Академик Бектуров вернулся в Алма-Ату, в свой Институт химии с десятками мешков минеральных проб, и закипела работа: анализы, опыты, эксперименты, догадки, поиски. И работа дала результаты: обрабатывать фосфориты по-бектуровски, это значит плавить их в специальных циклонных печах при очень высокой температуре.

Получаются первосортные удобрения для полей и плантаций и добавки в корм для скота.

Горнохимический комбинат близ города Джамбула рассчитан не только на снабжение Казахстана, имеется ввиду вся Средняя Азия, Сибирь, да и Поволжье не забыто.

Сын Абикена Бектурова — Есен Абикенович тоже ученый, кандидат химических наук. Он занят получением самого дешевого и совершенного пенопласта.

Ученые Казахстана — это целая армия, штурмующая знания во всех областях от космоса до атомного ядра.

В ботанических садах изучается более трех тысяч растений всех материков. В горах возле Алма-Аты ведется систематическое изучение солнечной короны. В Заилийском Алатау, где ясных дней больше чем на Кавказе и в Крыму, работает астрономическая обсерватория с мощнейшим телескопом.

Казахстанские ученые сказали свое новое, весомое слово в физике атомного ядра, в изучении космических лучей, в практике применения радиоактивных изотопов, в выведении новых пород животных, в получении ускоряющих рост препаратов, в исследовании законов кровообращения, в философии, истории, литературоведении, и других областях знания.

Весомый вклад внесли казахстанские ученые в издающуюся впервые в истории казахского народа Казахскую Советскую энциклопедию.

Академия наук Казахстана располагает собственной типографией.

Научные связи Академии наук Казахстана осуществляются с сотнями научных учреждений и обществ СССР и зарубежных стран. Казахстанские ученые принимают участие в международных научных конгрессах и конференциях. Академик Г. А. Тихов участвовал в работе всемирного конгресса астрономического союза в Риме. В работе Всемирного конгресса востоковедов в Лондоне Казахстан был представлен академиком Сауранбаевым. Профессор Каракулов возглавлял медицинскую делегацию на сессии медицинской ассоциации в Пакистане. В работе конгресса хирургов Индии участвовал профессор Сызганов. На съезде польских врачей-педиатров советскую делегацию возглавлял врач А. Бисенова.

В Лондоне вышла книга «Видные люди атомной физики». Там помещена большая статья об исследователе атомного ядра казахе Жаукене Такибаеве.

Говоря о Казахстане, нельзя обойти молчанием Байконурский космодром. Это ведь, по сути дела, крупнейший всесоюзный научный центр на переднем крае мировой науки XX века.

«Байконур — это земля моих предков,— с волнением говорит казахский писатель Ануар Алимжанов,— мечтавших о счастье, о высотах, о крыльях для полета. Их мечты осуществили наши отцы.

Байконур сегодня — космический порт в казахской степи». Отец космонавтики К. Э. Циолковский, в свое время мечтавший о путешествии по земле казахов, словно предчувствовал, что первый космодром в мире, откуда взлетит в космос межпланетная ракета, будет на земле казахов, в степном Байконуре.

12 апреля 1961 года с космодрома Байконур на космическом корабле «Восток» вырвался в космос первый человек Юрий Гагарин.

14 января 1969 года на орбиту искусственного спутника Земли вышел космический корабль «Союз-4», пилотируемый уроженцем Казахстана подполковником Владимиром Александровичем Шаталовым.

...Все в снегу, в инее. Шаталов с дублером приезжает на космодром в голубом автобусе. На космонавте, как на полярнике, меховая куртка, ушанка, унты. Наступает его звездный час. Вот он, уроженец Казахстана, идет по казахской земле к космическому кораблю, броня и приборы которого содержат много цветных, редких и редчайших металлов, добытых из недр Казахстана. У лифта перед ракетой Шаталов останавливается и, прощаясь, поднимает руку.

— Зажигание!

— Старт!

Ракета уходит в космос. Еще один космический рейс с земли казахов.

Прошло немного времени, и казахстанец Шаталов вторично на корабле «Союз-8» поднялся в космос и затем мягко приземлился недалеко от Караганды.

Командир группового полета трех космических кораблей Шаталов на первой после этого полета пресс-конференции сказал:

— Рад, что я в Казахстане. Ведь здесь я родился, на эту землю я вернулся в трудные годы из Ленинграда, здесь учился летать. С земли Казахстана два раза стартовал в космос, дважды опускался на вашу гостеприимную степь. Комсомольцы Казахстана попросили нас взять с собой в космический полет эти два маленьких мешочка с пшеницей и рисом. Они проделали вместе с нами весь долгий космический путь. И вот мы привезли их вам. Желаем новых успехов трудящимся республики, желаем хлеборобам и рисоводам Казахстана отличных урожаев.

Это говорил не только космонавт, но и ученый, потому что каждый космонавт всегда в какой-то мере ученый.

Наука в Казахстане развивается безостановочно. Сегодня в канун 60-летия Октября, эпоху научно-технической революции, в Казахстане успешно работает целая научная армия.

В научных учреждениях республики насчитываются тысячи

научных работников, из которых шестьсот докторов наук и девять тысяч кандидатов наук.

В республике открыто Восточное отделение Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Институты Академии наук Казахстана, недавно награжденные орденом Дружбы народов, разрабатывают около пятисот актуально-прикладных тем.

В практику, в производство всех областей республики в девятую пятилетку было внедрено вдвое больше научных работ, чем в предыдущую пятилетку, а их экономический эффект возрос втрое. И попрежнему впереди геологи.

В наши дни геологическая наука сомкнулась, как это предвидел и предсказывал Сатпаев, с космонавтикой. Теперь исследование земных недр ведется не только с поверхности земли, но и из глубин космоса. Недавно космонавты Борис Волынов и Виталий Жолобов с борта орбитальной станции «Салют-5» произвели аэрофотосъемку структурного строения земной коры в районах Мангышлака, озера Балхаш, северного Каспия и других мест Казахстана. А это неоценимая помощь геологам, разведчикам драгоценных кладов в недрах земли казахов.





ЖИВАЯ ВОДА

Казахский поэт Олжас Сулейменов, оглядываясь на прошлое своего народа, с горечью говорит: «История наша — несколько вспышек в ночной степи. У костров ты напета, на развалинах Семиречья, у коварной обиженной Сырдарьи. Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку».

Предки нынешних казахов, о чем мы рассказывали в предшествующих главах, имели прекрасные по тем временам города и среди них легендарный Отрар с его уникальными книгохранилищами, полями и садами, каналами, архитектурой и, вероятнее всего, самобытные формы искусства, отражаемые в книгах, сожженных ордами Чингис-хана.

Завоеватели (а их было много) уничтожали закладывающиеся очаги государственности, и ближайшие предки казахов превратились в кочевников, сплошь (или почти сплошь) неграмотных, забывших свою цивилизацию, не имевших ни письменности, ни городов, ни таких видов искусства, как живопись, скульптура, архитектура, книжная литература, театр... Но потребность любого народа в духовном мире неистребима, и казахский народ создал и сохранил в своей глубинной памяти прежде всего искусство слова — песни, легенды, эпические поэмы, изустно передавая их из поколения в поколение.

Это ценнейшее духовное богатство именуется фольклором. Народ выразил себя и в декоративно-прикладном искусстве, создав незабываемо прекрасные орнаменты, узоры ковров, символические и бытовые изображения на кожаных ведрах, на седлах и конской сбруе, вышивки на кошмах. Менее всего у казахов сохранились архитектурные формы. Позднейшие города, воздвигнутые на их земле, вроде Семипалатинска или Петропавловска строили русские

или иные переселенцы и не удивительно, что в них не отразилось ни ранние, ни поздние представления казахов о зодчестве. Национальное искусство казахов к моменту исторического перелома в жизни народа — Октябрьской революции, за исключением богатейшей устной лирики и эпики,— сохранилось лишь в древней, зачаточной его форме, оно говорило о прошлом, а не о настоящем казахского народа.

И одной из причин более позднего отторжения казахов от всего, что связано с искусством, было насильственное, под угрозой огня и меча, обращение их в мусульманство. Ну как, к примеру, можно было ждать от казахов успехов в живописи, если ислам категорически запрещал изображение человека и животных. Что можно было ждать от казахов в зодчестве, если они не имели своих городов, а модель мечетей навязали им арабы и татары.

С победой Октября, с установлением в Казахии советского строя возрожденный народ потянулся к культуре и искусству и в кратчайший срок выразил себя во всех формах искусства. «После столетий тяжкого мертвящего гнета,— писала газета «Правда»,— казахский народ... в баснословно короткий срок, в новой свободной обстановке дал прекрасные образцы своих успехов. Точно на песчаные степи и пустыни пролилась свежая, живая вода — и пустыня вдруг превратилась в цветущий луг».

Да, литература и искусство — это живая вода, оплодотворяющая жизнетворчество любого народа. Начнем с искусства слова, с художественной литературы.

Веками у казахов существовало богатейшее устное творчество, к нему можно и должно отнести не только могучий героический эпос, песни-импровизации буквально всех видов — от колыбельных до погребальных, но и легенды, сказки, поговорки, пословицы. Два великих мастера слова стояли на перевале от устной к письменной казахской литературе — Абай Кунанбаев и Джамбул Джабаев, кстати, они были почти ровесники (Абай был всего на семь месяцев старше Джамбула). Абай — основоположник письменной казахской литературы, хотя и писал пером свои стихи и философские назидания, но при жизни его не было напечатано ни одной книги.

Джамбул же, доживший до Октября и более четверти века творивший при советском строе, увидел изданными все свои книги, и творения его были переведены почти на все языки народов Советского Союза и на двадцать шесть языков всех континентов мира.

Абай был первым, кто пером на бумаге написал стихи и прозу, а Джамбул последним, кто, не умея читать и писать, импровизировал песни и поэмы изустно, и его записывали.

По одним сведениям, за всю историю казахского народа до революции вышло всего навсего сто сорок казахских книг, по дру-

гим — чуть более двухсот книг, да и то за неимением казахской письменности, две трети этих книг вышли на татарском, старо-чагатайском и арабском языках с применением арабского алфавита.

Казахским писателям — зачинателям рождаемой Октябрем советской казахской литературы С. Сейфуллину, И. Джансугурову, Б. Майлину, М. Ауэзову, С. Муканову, Г. Мусрепову, Г. Мустафину, А. Токмагамбетову и другим,— в сущности говоря, кучке бойцов пришлось начинать от нулевого показателя, начинать сотворение литературного мира Казахстана почти на голом месте.

Каждый из них работал во всех видах и жанрах (стихи, проза, пьесы, критика, публицистика), работал самозабвенно, с полной отдачей сил.

Стали появляться книга за книгой. В трехтомной «Истории казахской литературы», написанной большим коллективом писателей и литературоведов, изданной в Алма-Ате издательством «Наука», подробно прослежен процесс создания профессиональной, многожанровой литературы социалистического Казахстана.

Это литература не камерная, не кабинетная, а народная, созданная для миллионов. Не была обойдена вниманием и поэзия акынов. Впервые в истории казахов песни и поэмы, бытовавшие как произведения устные, передававшиеся из уст в уста, появились в печати. Это прежде всего произведения акына Джамбула и его учеников: Кенена, Саядиля, Умбетали, Орымбая, Утепа и многих других. Вышел в печати капитальный труд «Акыны» Е. Исмаилова. Изданы избранные песни тридцати восьми акынов «Степь поет...»

Успехи литературы казахов так заметны и общезначимы, что лучшие отдельные произведения давным-давно стали достоянием не только всеказахстанской читательской аудитории, но стали известны во всем Советском Союзе и во многих странах за рубежом.

В настоящее время Союз писателей Казахстана объединяет более четырехсот человек, работающих во всех жанрах. Всемирно известен стал своими песнями и эпосом великан народной поэзии Джамбул, сын Джабая, широко известна четырехтомная эпопея Мухтара Ауэзова «Путь Абая», большую популярность получила книга Габита Мусрепова «Пробужденный край», далеко за пределами Казахстана с большим успехом переиздаются и читаются трилогия Абдижамила Нурпеисова «Кровь и пот», романы и повести Ануара Алимжанова, стихи и поэмы Олжаса Сулейменова.

Театральное искусство в Казахстане возникло и расцвело только лишь в советскую эпоху — до революции казахи не имели театров. Создателем первой казахской пьесы и первого (разумеется, на первых порах самодеятельного) казахского театра был Мухтар Ауэзов. Он написал около десяти пьес, кроме того, осуществил переводы на казахский язык пьес «Отелло» и «Укрощение стропти-

вой» В. Шекспира, «Ревизор» Н. Гоголя, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Аристократы» Н. Погодина.

Первая пьеса Мухтара Ауэзова «Энлик-Кебек» была создана им в двадцатых годах. Ауэзов стал и режиссером-постановщиком своей пьесы, и художником-оформителем, и организатором спектакля в ауле, в юртах. Пьеса его имела успех, много раз ставилась на аульной, клубной, школьной сценах силами самодеятельности. Казахский профессиональный театр в 1926 году творчески вырос именно на этих первых постановках первой казахской пьесы.

Мухтар Ауэзов в своей новаторской деятельности по созданию казахской драматургии и казахского национального театра нашел последователей. В тридцатых годах на основе народных сказаний Г. Мусреповым были созданы пьесы «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш — Баян-Слу», а С. Камаловым пьеса «Ер-Таргын».

Б. Майлин выступил с драмами и комедиями «Амангельды», «Жалбыр», «Наши джигиты», «Фронт», «Правило Талтанбая». Из-под пера Ауэзова вышли новые пьесы «Зарницы», «Айман-Шолпан», «Схватка», «Каменное оперение», «На границе», «Каракыпчак Кобланды».

Была в Казахстане женщина-акын Магида, которую все звали Майрой. Она прославилась своей песней «Бахаша». В начале тридцатых годов ее песни были записаны на магнитофонную пленку. Казахский поэт и драматург Абдильда Тажибаев написал пьесу «Майра». Народный театр степного аула с большим успехом показал спектакль «Майра» в Москве, на сцене Кремлевского театра.

Росла драматургия, росло и театральное дело в Казахстане. Позже стало развиваться и входить в силу киноискусство.

Создание советской казахской музыки было процессом не менее бурным и плодотворным. Как и литература, музыка Советского Казахстана создалась на основе богатейшей народной музыки — песен и кюев — инструментальных пьес.

Александр Викторович Затаевич, первый народный артист Казахстана, в тридцатых годах записал тексты и мелодии народных песен и издал их отдельной книгой.

«Передо мною сборник и тысяча казахских-киргизских песен,— писал А. М. Горький о сборнике Затаевича.— Они изложены на ноты, оригинальнейшие их мелодии — богатый материал для Моцартов, Шопенов, Мусоргских и Григов будущего». «Прекрасная эта музыка,— писал Затаевичу великий французский писатель Ромен Роллан,— действует на меня освежащим образом. Я восхищен новыми сериями казахско-киргизских пьес...»

Веками существовали в Казахстане три главных национальных музыкальных инструмента — домбра, кобыз и сыбызгы. Но на этих

трех древних инструментах казахские музыканты, выдвинувшие из своей среды великого композитора Курмангазы, творили чудеса.

«Я не музыкант,— говорил поэт Ильяс Джансугуров,— но всей душой люблю музыку. Если некоторые слышат в казахских кюях лишь мелодию, «когда полет пальцев щемит сердце», то я с волнением ясно представляю себе целые картины кочевий по былинным степям, битв, скачек, романтической любви джигитов и девушек, свадеб, похорон. Возьмем такие древние кюи, как «Адай», «Корамсак», «Калмыцкая дева». Разве не рисуют они мрачную и скорбную эпоху, объятую душным дымом пожарищ, разве не слышит ухо гром походных барабанов, звон мечей, свист летящих стрел, тяжелый топот боевых коней? Они живо рисуют звуками историю народа. Степная музыка — это волшебный клад. Вспомним нашего неумирающего земляка аль-Фараби. Он ведь не только выдающийся философ, математик и энциклопедист Востока, которого называли вторым Аристотелем. Он — крупный композитор и виртуозный исполнитель. Всему миру хорошо известен его мудрый и проникновенный «Большой трактат о музыке», его музыка управляла чувствами людей. Однажды, приехав в Персию на состязание, прославленный Фараби своей поистине колдовской игрой заставил огромные сборища людей сначала смеяться, потом плакать, а в завершение убаюкал их».

Из фольклорной, незаписанной на ноты, казахской музыки выросли первые казахские оперы.

В советское время три музыкальных инструмента казахов — домбра, кобыз и сыбызгы были впервые в истории объединены и с добавлением барабана и некоторых музыкальнх инструментов, близких к национально-казахским, составили оркестр, способный исполнять все музыкальные произведения до оперы и симфоний включительно.

Это была революция в казахской музыке, вышедшей на необозримый простор. Путь от кюя, сыгранного на двухструнной домбре, до оркестрового исполнения симфонии — большой путь, приведший казахскую музыку к мировому признанию.

Очень важно отметить, что в наследии А. К. Жубанова Казахстан обрел не только композитора, создавшего песни и романсы, музыку к драматическим спектаклям и кинофильмам, камерно-инструментальные и хоровые сочинения, симфонии и оперы, но и ученого-исследователя и теоретика казахской музыки.

Его книги от «Азбуки музыкальной грамоты» до монументальных исследований «Струны столетий» и «Соловьи столетий» являются теоретической основой музыкальной культуры казахов, энциклопедией ее. А. К. Жубанов создал первый в республике оркестр

казахских инструментов и первую в Казахстане филармонию, носящую ныне имя Джамбула.

Писатель Сабит Муканов так характеризует Жубанова: «Если М. Ауэзов создал в художественной литературе образ великого Абая, то аналогичное место в создании образа великого кюйши и композитора Курмангазы принадлежит академику А. К. Жубанову. Он является первооткрывателем имени и музыкального творчества Курмангазы, а кюи выдающегося композитора Жубанов собирал, издавал, пропагандировал в живом исполнении оркестра имени Курмангазы».

Иногда гости из-за рубежа, ознакомившись с достопримечательностями нашей республики, спрашивают, почему у нас такими особенными почестями пользуется имя украинского поэта и художника Тараса Шевченко.

— Потому,— отвечают им,— что судьба великого кобзаря тесно связана с судьбой нашего народа, с его культурой. Царь сослал в казахскую степь революционного демократа Шевченко, запретив ему писать и рисовать. Но Тарас Григорьевич вопреки запрету царя создал ряд превосходных полотен, изобразив природу и людей Казахстана.

Посмотрите на эти полотна. Как живая, вот-вот заговорит о своем безысходном горе «Казашка над ступой». Без прикрас, реалистически передан рабский быт на холсте художинка «Казахская семья в юрте»; хватают за сердце, вызывают сострадание «Казахские дети-байгуши». И наконец шевченковский шедевр «Казашка Катя». Когда-то умирающую от голода, круглую сироту казашку Ботагоз приютил добрый русский человек Ираклий Кусков. Увидел ее Шевченко и залюбовался. Самобытная степная красота! Казахская мадонна! В русской семье девушку звали на русский манер Катей. В прекрасных карих глазах — безысходная тоска, обреченность раненого джейрана. Такой и обессмертила ее кисть Шевченко.

Позднее русские художники Верещагин и Хлудов, каждый посвоему, отобразили жизнь Казахстана.

Старейший из художников Казахстана Абильхан Кастеев говорил о себе так: «Октябрь уже пришел в нашу степь, но старое было еще сильным и жилось нелегко. Я батрачил, но меня не покидало стремление изображать то, что меня окружало — природу, людей, животных. С трудом я доставал бумагу. А когда ее не было, я выбивал фигурки на камнях. Узнав, что из Сибири в Алма-Ату прокладывают железные рельсы, я приехал на стройку Турксиба. Среди рабочих были и русские и казахи. Их объединили идеи Ленина. Продолжая работать как все, я в свободное время брал зубило, резец, молоток и поднимался на скалу, нависшую над по-

лотном дороги. И вот прошел первый поезд, и люди, ехавшие в нем, увидели на скале дорогие черты нашего Ильича. Тогда я по-настоящему познал радость творчества».

Человек из народа, неутомимо, год за годом стал говорить о Казахстане голосом красок. Его кисти принадлежит портрет тургайского военкома Амангельды Иманова, чем-то напоминающего батыров Кобланды и Ер-Таргына. Горячие цельные краски, рождающие сотни и тысячи оттенков, изображают новую жизнь Казахстана. Буйно играют, сверкают, полнозвучно поют краски. «Колхозный той», «Колхозная молочная ферма», «Колхозный ток». Полотна «Чабан», «В родном ауле», «Свежий хлеб», «Председатель» художника-казаха Камиля Шаяхметова — это гимн раскрепощенному труду.

Бывший беспризорник Сахи русскую фамилию — Романов получил в детдоме, где он и научился рисовать. Какие мягкие, чуть приглушенные тона нашел он для своей картины «Беседа». Юрта, оседланная лошадь, казашка у очага — и все это залито зеленовато-серебристым светом; прелесть вечера, неторопливость задушевной беседы.

А вот картина казаха-художника Молдахмета Кенбаева: едут два всадника по нагретым солнцем жемчужно-черным ковылям. Они едут по своей родной земле, вчера еще мечтавшие о народном счастье, а ныне обретшие свою Жидели-Байсын, землю счастья.

...Сорок лет тому назад, когда Советский Казахстан отметил свое пятнадцатилетие, литературе и искусству казахов пришлось держать строгий экзамен в Москве.

Мы, авторы этой книги, были живыми свидетелями первой декады литературы и искусства Казахстана, проведенной с 17 по 26 мая 1936 года. В солнечный, безоблачный день к московскому перрону подошел специальный поезд, в котором приехало триста деятелей культуры Казахстана. Москва встретила посланцев казахских степей флагами, живыми цветами, оркестрами.

Одетый в зеленый халат девяностолетний акын Джамбул открыл декаду посещением Мавзолея Ленина и сложил песню «В Мавзолее Ленина». Первый профессиональный театр Казахстана показал в Москве оперы «Кыз-Жибек» и «Жалбыр». Мы хорошо помним, как ария из оперы «Кыз-Жибек» «Гак-ку», блестяще исполненная двадцатичетырехлетней казахской оперной солисткой Куляш Байсеитовой, была сразу подхвачена, ее пела вся Москва. Оркестр, состоящий из казахских народных инструментов (ныне — оркестр имени Курмангазы), под талантливым управлением композитора Ахмета Куановича Жубанова, впервые продемонстрировал свое мастерство, музыкальную культуру, многообразный репертуар.

С огромным успехом выступил в концертных программах коллектив Казахской Государственной филармонии (ныне филармония имени Джамбула).

Триумфально выступила танцовщица Шара. На литературных вечерах выступили акыны Джамбул, Кенен и Тайжан, писатели Сейфуллин, Джансугуров, Майлин, Жароков, Тажибаев, Токмагамбетов, Тогузаков.

Писатели Казахстана положили на стенды выставки более четырехсот книг (за первые пятнадцать советских лет книг вышло более чем вдвое больше, чем за предыдущие пятьсот лет).

Декада закончилась прекрасным концертом, в котором были заняты все участники декады. Гимн «Жасасын» исполнялся всеми тремястами посланцами Казахстана в сопровождении оркестра национальных инструментов. Джамбул вывел всех участников концерта на авансцену, откуда они приветствовали присутствующих на концерте руководителей партии и правительства СССР. Большая группа деятелей искусства Казахстана была награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

«Ни в одной стране мира,— писала в передовой статье «Правда»,— вопросы искусства не волнуют так народные массы, как в нашей стране. Ни одно государство не уделяет искусству столько внимания и средств, сколько наше Советское государство. Не требуется более разительного примера этому, чем пример казахского народа, молодое искусство которого с таким успехом и блеском было только что продемонстрировано в Москве».

Первая декада литературы и искусства Казахстана оказала огромное влияние на дальнейший рост казахской литературы и искусства — они стали расти не только вширь, но и вглубь. Вскоре была создана замечательная опера М. Тулебаева «Биржан и Сара», удостоенная Государственной премии СССР.

Композиторы А. Жубанов и Л. Хамиди создали монументальную, классическую оперу «Абай». Эти две оперы стали этапными в развитии оперного искусства Казахстана. Выросло театральное искусство, написано много драматических произведений, и по ним осуществлено много талантливых спектаклей. Ныне в Казахстане работает двадцать восемь театров и двадцать четыре концертных организации. Филармонии открыты во всех областях Казахстана.

В девятой пятилетке впервые подняли занавесы над сценами вновь открытые Тургайский и Талды-Курганский драматические театры, в шахтерской Караганде открыт театр музыкальной комедии. Новые здания театров возведены в Северо-Казахстанской и Гурьевской областях. Создана и работает казахстанская киностудия.

За творческие достижения Алма-Атинский театр драмы имени

М. Ю. Лермонтова получил звание академического. В Алма-Ате создан цирк.

На сценах казахстанских театров с успехом идут (одновременно с Москвой и Ленинградом) новейшие пьесы —«Парторг» Мукашева, «Протокол одного заседания» Гольмана, «Энергичные люди» Шукшина, «Вечерний свет» Арбузова — идут не только на русском, но и на казахском языках. Созданы новые оперы и балеты «Жумбак-Кыз» и «Айсулу» С. Мухамеджанова, «Алпамыс» Е. Рахмадиева, «Энлик-Кебек» Г. Жубановой, «Козы-Корпеш — Баян-Слу» Е. Брусиловского, «Аксак-Кулан» А. Серкебаева.

Более чем на сорок новых произведений расширены программы оркестра имени Курмангазы, хоровой капеллы и симфонического оркестра. За девятую пятилетку театрами и филармониями осуществлено более семисот постановок и двухсот тысяч представлений.

Общее число зрителей составило астрономическую цифру — шестьдесят миллионов человек. Искусство из города смело шагнуло в аулы. Театральные, музыкальные, концертные коллективы все чаще выступают не только на сельской сцене, но и гастролируют в Москве, в городах братских республик, а отдельные исполнители и за рубежом.

Накануне XXV съезда КПСС в Алма-Ате была продемонстрирована республиканская художественная выставка «Слава труду». Отбор произведений на эту выставку был строгим и взыскательным, ей предшествовали вернисажи во всех девятнадцати областях республики.

Казахстанские живописцы, графики и скульпторы создали произведения, обращенные к современности, к грандиозным свершениям в Казахстане, героям нашего времени — батырам труда.

В жанровых полотнах художников К. Тельжанова, Л. Леонтьева, К. Шаяхметова, У. Ажиева, А. Степанова, Т. Тогусбаева открывались романтические будни, характерные сцены, героическая повседневность преображенного революцией, возрожденного для творческой жизни Казахстана, его рядовых людей, наделенных качествами творцов и преобразователей.

Пожалуй, самое сильное и неизгладимое впечатление производила на выставке портретная галерея не выдуманных, не вымышленных, вполне реальных, ныне здравствующих советских людей, мастеров своего дела, героев страны — трактористки К. Доненбаевой, механизаторов М. Картаузова, Ж. Демеева, работницы кондитерской фабрики З. Тулендиновой, академика У. Ахмедсафина, председателя колхоза Н. Головацкого, шахтера Я. Мусагалиева, рыбака Т. Алимбетова, строителя И. Макаренко... Не ханы, не баи, не губернаторы, не князья, а трактористы, шахтеры, рыбаки — вот герои наших дней.

Художниками-портретистами явились С. Романов, Н. Нурмухамедов, А. Школьный, К. Шаяхметов, Н. Гаев, В. Крылов, Т. Досмагамбетов.

Такую же портретную галерею — плоды многолетнего труда и творческих исканий выставил народный художник Казахстана скульптор Х. Наурызбаев. Его портреты не на полотне, не в красках, а в скульптурном исполнении.

Даже в пейзажной живописи отразилась новая эпоха: на выставке (особенно в работах карагандинских художников) преобладал индустриальный пейзаж, в который пейзажисты сумели вдохнуть сегодняшний пафос заводов, фабрик и строек Казахстана.

Живописцы, скульпторы, графики Казахстана готовятся к алмаатинской и московской выставкам 1977 года, посвященным 60-летию Октябрьской революции. На подступах к этому смотру алмаатинский художник М. Хитахунов выставил в Москве, в залах Академии художеств СССР свою картину «Родина-мать зовет»,— полотно это обратило на себя внимание свежестью и цельностью красок, глубиной патриотического чувства, эмоциональной насыщенностью, жизненной правдой.

В книге отзывов о произведениях молодых художников СССР М. Хитахунов отмечается как один из многообещающих мастеров кисти.

С трибуны XXV съезда КПСС Д. А. Кунаев имел все основания заявить, что «сегодня многожанровая литература и искусство казахского народа вступают в самые активные взаимоотношения с жизнью, еще более обогащаются в благотворном процессе интенсивного взаимодействия с лучшими достижениями русской, мировой культуры, всех народов нашей большой Советской Родины».





ДОБРОЕ СЛОВО О КАЗАШКАХ

Перед нами две картины, созданные кистью казахских художников, и нам кажется, что в них правдиво, убедительно, проникновенно показана историческая судьба многих поколений казахских женщин.

Одна из них художника Абильхана Кастеева «Купленная невеста», переносящая нас в прошлое земли казахов, когда был незыблем обычай, унижавший в женщине человеческое достоинство, позволявший ее купить и низводящий женщину до положения овцы, верблюдицы, телки...

Хозяева степи, пользуясь нуждой бедняков, покупали у них красивых девочек за бесценок. Мы не ошибаемся, говоря вместо «девушка»—«девочка». Пользуясь разрешением мусульманской религии иметь четырех жен одновременно, баи покупали у бедняков малолетних девочек.

Перепись 1897 года в Семиречье выявила тысячу сто восемьдесят семь байских жен в возрасте от восьми до двенадцати лет. Сорок девять девочек от десяти до четырнадцати лет успели стать вдовами, потому что купившие их баи были настолько дряхлыми стариками, что не дожили до совершеннолетия своих юных жен.

Таким страшным было прошлое казашек. Казахский поэт Ильяс Джансугуров волнующими словами передал в поэме «Степь» плач проданной девушки. Перед тем, как повеситься на дубу, она пела:

Лебедушкой белой я была,
По светлому озеру я плыла.
Родня из боязни меня продала —
Женой кабана-атамана я стала.
За все надругательства надо мной
Примите,— хочу по заслугам воздать я,—
Родня, толмач, мулла, волостной,
От бывшей жены кабана проклятье!

Порхала я бабочкою степной
Средь маков желтых и алых.
Судьба, как жук многолапый, весной
Крылышки мне обломала.
Я гибну, гибну с лунным лицом
Девочкой-полуребенком.
Люди! Я жертвенным стала яйцом,
Заколотым в жертву козленком.
Пусть аллах повелит, чтобы горько, как мне,
Никому, никогда
не заплакать на свете...

Художник Кастеев на своем полотне сумел передать трагедию проданной за калым невесты. Седой, злой старикашка увозит на сытом коне купленную им по дешевке полудевушку-полудевочку, тонкую, как камышинка, с глазами затравленного джейрана, испуганную до полусмерти, обреченную на позор. Нельзя без душевного содрогания смотреть на эту картину-быль, картину-правду.

А вот другое полотно художника Камиля Шаяхметова — портрет Героя Социалистического Труда Камшат Доненбаевой. Какая полная противоложность кастеевской «Проданной невесте»! Другие краски, тона, настроение. Сразу видно, что это портрет казашки, встречающей утро в Жидели-Байсын, в счастливом Казахстане. Трактористка изображена в рабочем комбинезоне, в скромной косынке, без Золотой Звезды. Руки ее свободно подпирают бока. Голова слегка приподнята. Глаза устремлены вдаль, где, вероятно, занимается теплая утренняя заря. Глаза и губы тронула улыбка. И столько достоинства, вольной воли, заслуженной гордости, счастья в ее лице и фигуре, что и без атрибутов, без добавочных штрихов ясно, что это новая женщина индустриально-аграрного Казахстана. Кастеевская казашка и шаяхметовская казашка — это два века, две не повторяющих одна другую эпохи.

Только Октябрьская революция освободила казашек (как и женщин других братских народов) от векового рабства. «Наш закон,— писал В. И. Ленин,— первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными».

В 1920 году в Декларации прав трудящихся Казахстана было сказано: «Исходя из того, что общество не может считать себя освобожденным, пока женщина остается порабощенной, киргизскую (казахскую) женщину, доныне рабыню в общественной и семейной жизни и в то же время безропотную работницу в хозяйстве, считать отныне равноправным членом общества с распространением на нее всех без изъятия политических и гражданских прав, являющихся завоеванием и достоянием всей массы трудящихся».

Но многовековые устои и традиции одним росчерком пера сразу не ликвидируешь. И большевики хорошо это понимали. Издав де-

крет, они развернули массовую работу среди населения по его внедрению в жизнь. Нет нужды пояснять, насколько эта работа сложна и длительна, поэтому даже в наше время в Казахстане можно встретить среди казашек старшего поколения женщин, знавших калым не понаслышке. В связи с этим нам хотелось бы рассказать об одной нашей общей знакомой казашке Нуржамал Саналиевой. В детстве она была продана за калым. Родилась в черной дымной юрте байского батрака, имевшего при восьми детишках одного верблюда и трех коз. Маленькая Нуржамал была в семье любимицей. Мать сшила ей платьице из цветных лоскутков, и в нем девочка играла у степной дороги со сверстницами. Однажды увидел ее бай Сарбай и, узнав чья она дочь, приехал к ее болевшему чахоткой отцу и уплатил ему за маленькую девочку калым (в данном случае — задаток) — старую кобылицу и несколько серебряных монеток. Об этом четырнадцатилетняя Нуржамал узнала после смерти отца от матери, к которой заявился бай Сарбай и потребовал купленную им девочку. Был 1920 год. Шла гражданская война, в которую погиб брат проданной невесты красноармеец Мерей. Сирота Нуржамал так испугалась старика Сарбая, что решила утопиться. К счастью, об этом узнала одна из первых большевичек Казахстана Алма Уразбаева. Она надежно спрятала Нуржамал, а потом заменила ей умершую мать. Вместе с Алмой Нуржамал попала в Москву на Всесоюзное совещание женщин Востока. Там Уразбаева произнесла такую содержательную и душевную речь, что Клара Цеткин и Крупская обняли ее; а она, в свою очередь, познакомила их с приемной дочкой. Вскоре по их рекомендации Нуржамал получила путевку в трехгодичную совпартшколу. Окончив школу, она приехала в Карсакпай и стала вести среди женщин большую общественную работу: обучила всех женщин грамоте, создала ясли, детский сад, клуб.

Мы познакомились с Нуржамал Саналиевой в Алма-Ате, когда она была уже заместителем министра социального обеспечения. Через нее мы узнали многие имена замечательных казашек.

После Октябрьской революции казашки проявили себя везде — в школе, в искусстве, на производстве, в сельском хозяйстве, в науке, в общественной жизни.

На весь мир прославилась дочь сапожника Куляш Байсеитова, ставшая певицей. Вначалае она и нот-то не знала и пела на слух. Весной 1936 года в дни первой декады казахской литературы и искусства в Москве она выступила в первой казахской опере «Кыз-Жибек» и была восторженно встречена москвичами. Ей первой из казашек было присвоено звание народной артистки СССР и вручен орден. Почти четверть века она была солисткой казахской оперы и исполняла труднейшие партии русского, казахского и зарубежно-

го репертуара. Народ прозвал ее «соловьем Казахстана». Это народное звание утвердилось, как наследственное. «Соловьем Казахстана» зовут в наши дни замечательную певицу, народную артистку СССР Бибигуль Тулегенову, тоже солистку оперы и исполнительницу множества номеров в концертах. Ее хрустально-чистое, колоратурное сопрано слышали не только Алма-Ата и другие города Казахстана, но и Париж, Монреаль, Каир, Варшава. Ее, общественницу, народ выбрал депутатом Верховного Совета Казахстана.

Известна не только в Казахстане, но и за его пределами эстрадная певица-казашка Роза Багланова. В дни Великой Отечественной войны она пела на фронтах. Много раз гастролировала за границей. Уезжая в очередное турне в Чехословакию, народная артистка СССР Роза Багланова сказала обступавшим ее журналистам: «Всегда красива наша Алма-Ата, а в эти дни особенно. И с грустью в канун Первомая, я уже который раз, покидаю свой любимой город. На этот раз гастроли в Чехословакии. В красавице Праге и других городах братской Чехословакии я буду петь русские, казахские, украинские, чешские, словацкие и песни других народов. В песне — душа народа».

Культурный и творческий рост казашек в искусстве вызывает изумление не только самих казахов, но и всех наших гостей из братских республик и далеко за рубежом.

С огромным мастерством играет народная артистка СССР Хадиша Букеева роль Дездемоны в трагедии Шекспира «Отелло». Казахская танцовщица Шара Жиенкулова объехала полмира, всюду встречала теплый прием, имела неизменный успех. Всюду, где она бывала, ей, как правило, удавалось не только посмотреть, но изучить тот или иной национальный танец, и она «увозила» его с собой и, подобно знаменитой певице Ирме Аунзен, расширяла свой интернациональный репертуар.

Все экраны страны, да и во многих странах за рубежом, обошел фильм «Сказ о матери», в котором казашка Амина Умурзакова создала человеческий, волнующий, незабываемый образ матери.

Когда в Алма-Ате открылась республиканская художественная выставка «Слава труду», посвященная XXV съезду КПСС, то квалифицированный, вдумчивый, научно-оценочный обзор ее сделала казашка, кандидат искусствоведения, заместитель министра культуры Казахстана, ныне заместитель председателя Госкомиздата Казахской ССР У. Садыкова, а ряд полотен этой выставки был посвящен женщинам-казашкам. Первым профессиональным композитором из казашек является Газиза Жубанова. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина она создала ораторию «Ленин».

Мария Егоровна Рекина по национальности русская, но она так сроднилась с казахами, что и говорить стала по-казахски, и полю-

била казаха и создала о нем полную поэзии, ставшую в Казахстане народной песню «Дударай». Ей присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств Казахстана.

Образ Марии Егоровны лег в основу одноименной оперы «Дударай» Е. Г. Брусиловского, а также поэмы «Мария, дочь Егора» Х. Бекхожина.

В Алма-Ате Государственный женский педагогический институт за многие годы воспитал многие тысячи казашек-учительниц, составляющих не менее половины всего учительства Казахстана.

Мы знали и казашку Сындыбалу, свекловода из аула Кос-Тюбе. Более тридцати лет подряд со своим дружным звеном она выращивала сахарную свеклу, ежегодно добиваясь рекордного урожая. Член Всесоюзного общества «Знание» она выступала с лекциями по свекловодству. «Я часто думаю о том, как удивительно сложилась моя судьба, судьба моих односельчан,— в раздумье говорила Сындыбала.— Отец мой всю жизнь был байским пастухом, немало горя пришлось до революции и на мою долю. Разве я могла мечтать тогда о том, что стану Героем Социалистического Труда, что Советское правительство наградит меня четырьмя орденами Ленина!»

Недавно, в 1976 году знатный овцевод Мойынкумов дважды Герой Социалистического Труда Жазылбек Куанышбаев справил свой восьмидесятилетний юбилей. В селе Берлик — на родине аксакала овцеводства стоит его бронзовый бюст, и земляки охотно объясняют: «Дедушка овцеводства за одну только девятую пятилетку со своими учениками-последователями сдал государству четыреста пятьдесят восемь тысяч шестьсот шкурок первосортного каракуля».

Почти полмиллиона шкурок!

Приехал к Куанышбаеву вооруженный фотоаппаратом корреспондент «Казахстанской правды» Б. Масальский, глядит, а чудодей-овцевод занимается со своей любимой ученицей — старшим чабаном-казашкой Нуржамал Турганбаевой. Так они и были сфотографированы вместе.

Аксакал-овцевод, усмехаясь в ковыльную бороду, сказал:

— Есть у меня и совсем юная ученица — Аманкуль Султанова.

Позднее пришлось сделать и такой фотоснимок: на складе готовой продукции две зоркоглазые сортировщицы Вера Ерина и Карашаш Жолдыбаева готовят каракулевые шкурки к отправке.

Вот они какие казашки десятой пятилетки! Все им по плечу.

Вспомнилась нам и еще одна, известная многим в Казахстане, женщина-джигит Жумагуль Адилова.

В 1925 году скот богатейшего Ахмурзабая был передан колхозу «Бозарык», а имущество аульным кедеям-беднякам. Разъяренный бай исчез, словно растаял в песках Каракумов. Там он сколотил банду головорезов и начал делать налеты, грабя окрестные аулы.

Перепуганные бедняки выбросили из своих черных юрт отобранные у бая вещи. Одну из этих вещей — большой медный котел кто-то подбросил к жилью Жумагуль. Это произошло накануне выборов аульного Совета. Из волости приехал уполномоченный и очень удивился. На сходке возле дома Жумагуль ни один мужчина не давал согласия стать председателем аульного Совета из-за боязни быть убитым бандитами. А Жумагуль не струсила. Выбрали ее. Одноаульцы удивились: женщина-джигит! Волостной уполномоченный сказал ей:

— Покажись народу, Жумагуль!— и послал кого-то принести скамью или табуретку.

На сходке присутствовали тайные дружки бая. Они, чтобы поиздеваться, подкатили медный котел и перевернули его вверх дном. Жумагуль взгромоздилась на котел и произнесла свою первую председательскую речь. Узнав об этом, бай недобро рассмеялся:

— Не справится! Коза — не кобылица.

Вскоре о Жумагуль заговорили в степи, как о рассудительном, смелом и дальнозорком председателе аульного Совета. Дошел слух до главаря шайки:

— Ее хвалят в волости, во всей Кармакчинской степи. В Москву ездила. Выбрана членом ВЦИК.

Осатанел от злобы седой басмач:

— «Бозарык» разорю, а Жумагуль возьму живьем.

Басмачи окружили аул. Жумагуль отослала всех коммунистов и комсомольцев в районный центр, а сама замешкалась, опоздала. Пересчитала она патроны — мало. Да и что один наган против десятков винтовок? Аул был взят в басмаческое кольцо. Что делать? На глаза Жумагуль попался опрокинутый медный котел. Пришлось лезть под котел. Жарко. Душно. А басмачи уже в ауле. Слышен голос Ахмурзабая:

— Привяжу к лошадиному хвосту! Казню!

Бандиты перерыли весь аул, но Жумагуль так и не нашли. Вскорости из районного центра прискакал конный отряд и была спасена Жумагуль. Легенда о ней пошла по степи. А она работала, отдавая делу всю душу. При ее старании школа выросла, кооперативная лавка появилась, кинопередвижка стала приезжать. Много добрых дел свершила Жумагуль. Вызвали ее в Москву, училась в Коммунистическом университете трудящихся Востока и подружилась там с украинкой Зоей Кошкаровой. Подруга подарила ей несколько березовых саженцев, но вздохнула при этом:

— Вряд ли приживутся. Пески у вас, безводье.

Но Жумагуль все-таки посадила березки. Прижились.

Жумагуль выбрали секретарем райкома партии. В дни Великой

Отечественной войны она отдала на танковую колонну свои сбережения — десять тысяч рублей.

Посаженные Жумагуль березы разрослись в тенистую, свежую березовую рощу.

И в науку вошли казашки.

На Международном конгрессе по механике горных пород в Нью-Йорке ученые многих стран с большим вниманием слушали интересный доклад об использовании радиоактивных изотопов, чтобы следить, как на больших глубинах смещаются горные породы при добыче ископаемых.

Все признали: новый метод имеет мировое значение. Только многим не верилось, что новый метод открыт дочкой бывшего пастуха, ученицей академика Сатпаева, доктором физико-математических наук казашкой Жамал Қанлыбаевой.

Верь не верь, а это так!

Женщины в Қазахстане заняли во всех областях социалистического строительства подобающее им место, и их труд и творчество весомы, ощутимы и зримы.

За девятую пятилетку Қоммунистическая партия Қазахстана выросла более чем на восемьдесят тысяч членов и кандидатов в члены партии. Среди вновь вступивших в ҚПСС свыше тридцати процентов женщин.

В Советы депутатов трудящихся в Қазахстане избрано сто двадцать одна тысяча депутатов, среди них более пятидесяти семи тысяч женщин.

В Жидели-Байсын, в стране счастья, везде и всюду на переднем крае можно встретить женщин — на производстве, в науке, на полях и в искусстве, в школах и на космодроме — везде им широкий, свободный путь — навсегда раскрепощенным, равноправным, уважаемым и любимым.



КАНУН ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В лучшем здании Алма-Аты, в величавом Дворце имени Владимира Ильича Ленина, 4 февраля 1976 года открылся четырнадцатый съезд Коммунистической партии Казахстана.

Шестьсот шестьдесят тысяч казахстанских коммунистов послали делегатами на этот съезд, собравшийся накануне XXV съезда КПСС, лучших из лучших сыновей и дочерей партии Ленина. Над президиумом — монументальная статуя выступающего со страстной речью Ильича, а пьедестал ее в огненно-красных живых гвоздиках. Огромный, ослепительно-освещенный зал был полон. Если взглянуть на это множество делегатов со стороны сцены, установленной вазами с живыми цветами, то глазам представится великое обилие золотых звезд, орденов, эмалевых флажков депутатов Верховного Совета, лауреатских медалей. Это была большая семья героев, знатных людей, заслуженных деятелей всех отраслей жизнестроительства.

На трибуне, украшенной гербом Советского Союза,— член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев.

«Товарищи!— сказал он.— Наша партия и весь народ с исключительным политическим и трудовым подъемом идут навстречу великому форуму коммунистов —XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза...»

Мы, сидящие в зале, с большим вниманием слушали отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана, и, вероятно, каждый из нас невольно мысленно оглядывался в прошлое и сопоставлял старый, дореволюционный Казахстан с нынешним, вступающим в десятую пятилетку, гигантски выросшим, неузнаваемо изменившимся Казахстаном.

Мы вспомнили коллективное письмо трудящихся Казахстана в Кремль, где о прошлом было сказано так: «До Советской власти жизнь нашего народа была подобна весне без цветов, дню без солнца, реке без воды. В недрах земли скрывались драгоценные металлы, а человек поднимал степные залежи деревянным омачом. Привольные берега озер и рек переполнялись живительной водой горных ледников, а человек умирал от жажды. В зимнюю пору ледяной корой покрывались пастбища и от голода погибали кочевые стада — единственная опора жизни. Месяцы, годы нужны были, чтобы проехать неизведанную страну от края и до края. Человек рождался, жил, умирал, не ведал о большой жизни мира».

Д. А. Кунаев с трибуны приводил факты и цифры не о том, что было мечтой, а о том, что уже осуществлено, совершено, стало явью. За девятую пятилетку Казахстан ввел в народное хозяйство основных фондов на 30 миллиардов рублей, доведя их более чем до 70 миллиардов рублей,— это свершилось впервые за всю многовековую историю казахского народа. За пятилетие построено и введено 365 новых предприятий и таких крупных цехов, что их можно приравнять к заводам или фабрикам.

К началу десятой пятилетки Казахстан произвел промышленной продукции в 27 раз больше, чем в 1940 году. Менее чем за десять лет на одном Мангышлаке добыто более 100 миллионов тонн нефти. Там же начал работать новый газоперерабатывающий завод.

За последние годы резко возросло значение Экибастузского угольного месторождения, где добыча топлива в минувшем пятилетии возросла вдвое. Один из разрезов бассейна — «Богатырь» превосходит по мощности любой аналогичный разрез в стране. В начале девятой пятилетки здесь начал работать шагающий роторный комплекс производительностью 500 тонн топлива в час, изготовленный машиностроителями Краматорска. В десятой пятилетке на Экибастузском бассейне начнут работать еще два подобных агрегата. Угольная промышленность республики будет развиваться более высокими темпами, чем в целом по стране.

В десятой пятилетке планируется увеличить добычу экибастузских углей примерно в полтора раза и довести ее до 70—75 миллионов тонн.

Принято решение построить в районе Экибастуза и Балхаша несколько крупных тепловых электростанций, работающих на местном угле. Общая мощность их определена в 20 миллионов киловатт. Первый энергоблок Экибастузской ГРЭС-1 должен вступить в строй уже в нынешней пятилетке. Одновременно начнется строительство второй станции на четыре миллиона киловатт. Энергия Экибастуза пойдет в европейскую часть страны, на Урал, и конечно же, в Казахстан.

Имея буквально «под боком» столь мощную энергетическую базу, в Павлодар-Экибастузском территориально-производственном комплексе получат дальнейшее развитие энергоемкие производства. За пятилетие тут втрое увеличится выпуск ферросплавов, появятся новые химические производства, возрастет выпуск глинозема. Открывается перспектива для производства алюминия. Впервые в этом районе возникнет нефтеперерабатывающая промышленность.

Уверенно набирает силу ферросплавный завод. В строй действующих предприятий вступил Павлодарский картонно-рубероидный завод. Встал в строй Талды-Курганский аккумуляторный завод.

Когда-то Владимир Ильич Ленин мечтал о ста тысячах тракторов для всего Советского Союза. Ныне, в конце девятой пятилетки, с конвейера сошел стотысячный казахстанский трактор. В Темиртау завершается последняя очередь строительства гиганта черной металлургии — Казахстанской Магнитки.

В Джезказгане намного увеличены мощности горнометаллургического комбината. В Караганде введены в действие новые мощности по добыче угля, начали работать заводы резинотехнических изделий и Ново-Карагандинский цементный.

В Кустанайской области мощнее стали Соколовско-Сарбайский и Лисаковский горнообогатительные комбинаты. Значительно повысил мощность асбестовый комбинат. Там же начато строительство крупнейшего Качарского горнообогатительного комбината.

На юге Казахстана завершено строительство Чимкентского и Джамбулского гигантов большой химии. Начато сооружение Ново-Джамбулского и Каратауского фосфорных заводов. Добыча фосфорного сырья увеличена вдвое. Вступили в строй Ермаковская ГРЭС и Капчагайская ГЭС. Энергетики Джамбулской ГРЭС выполнили пятилетку за три года. В канун десятой пятилетки годовая выработка электроэнергии в Казахстане превысила довоенную выработку электроэнергии всего Советского Союза.

Девятая пятилетка ознаменована в Казахстане тем, что в республике положено начало самой молодой отрасли энергетики — атомной. В Казахстане вступил в строй крупнейший в мире реактор на быстрых нейтронах.

Был Казахстан страною мрака,
Стал Казахстан страною света.

Добыча нефти в Казахстане возросла за пятилетие в 1,8 раза, а газа — в 2,5.

Когда-то Казахстан ввозил с Урала все металлическое — от гвоздя и подковы до чугунного котла и рельсов. А ныне его Магнит-

ка — одна из крупнейших баз черной металлургии Советского Союза, дающая и чугун, и сталь, и прокат; в девятую пятилетку там пущены новая домна и аглофабрика, рост объема производства Магнитки поразительны: за девятую пятилетку она дала чугуна в 2,1 раза больше, стали — в 2,2 раза, проката — в 1,6 раза.

Заметно и ощутимо увеличился выпуск титана, меди, свинца, цинка, глинозема, благородных и редких металлов.

Особенно большие успехи в Казахстане сделали в девятой пятилетке машиностроение и металлообработка. Где когда-то не было никаких машин, станков, даже кустарных приспособлений, и люди были обречены на изнурительный труд, в Казахстане представлено теперь множества отраслей машиностроения и производится свыше двух тысяч различных типов машин, станков, приборов и оборудования. Среднегодовой прирост продукции в этой сложнейшей промышленности составил в девятой пятилетке 12 процентов, о чем не могут и мечтать даже высокоразвитые страны Запада.

Казахстанские геологи в девятой пятилетке работали героически и добились больших успехов: в Центральном Казахстане создана крупная сырьевая база свинцовой и цинковой промышленности; в Актюбинской области открыты колоссальные запасы фосфоритов; в Западном Казахстане и на полуострове Бузачи обнаружены нефтеносные зоны.

Крупно шагнула вперед отрасль производства товаров народного потребления: построено 70 крупных новых предприятий и заново расширено и переоборудовано 125 старых фабрик и заводов. Заново создано производство камвольно-суконных тканей. Вдвое увеличен выпуск хлопчатобумажных.

Как известно, лучшие из лучших предприятий в Советском Союзе за трудовую доблесть отмечаются присуждением им в виде почетной награды, переходящих Красных Знамен ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Д. А. Кунаев с гордостью сообщил съезду, что переходящие Красные Знамена страны Советов вручены 187 предприятиям Казахстана.

Около восьмидесяти тысяч казахстанцев получили в девятой пятилетке высокие награды Родины — ордена и медали, а сто восемь человек стали Героями Социалистического Труда. Д. А. Кунаев с сердечной теплотой назвал имена правофланговых трудового фронта, на груди у которых сверкает золотая звездочка — экскаваторщика Соколовско-Сарбайского комбината Евгения Порфирьевича Антошкина, плавильщика Усть-Каменогорского комбината Жапека Нургазиновича Алдабергенова, начальника участка шахты объединения «Карагандауголь» Касыма Нургалиевича Курпебаева и многих других.

Предвосхищая борьбу за качество продкуции, которая ляжет в основу десятой пятилетки, первыми из первых добились в Казахстане высшего качества продукции новатор-металлург Казахстанской Магнитки Тулеген Адам-Юсупов и буровой Северо-Казахстанского геологоуправления Владимир Сергеевич Бебердин.

Образцы рабочей доблести и коммунистического труда показали плавильщики Актюбинского завода ферросплавов Уразамет Нурмашев и Бахиджан Сембин, токарь Уральского арматурного завода Владимир Яковлевич Седов, ткачиха Алма-Атинского хлопчатобумажного комбината Лидия Васильевна Кочетова, швея Петропавловской швейной фабрики Сарвар Мухамединовна Байсарина и многие, многие другие.

Некоторые из тех, кого назвал Д. А. Кунаев в плеяде лучших людей Казахстана, сидели в зале дворца как делегаты съезда.

В древнем казахском эпосе прославлялись батыры военных походов, в новом советском эпосе славой венчаются батыры труда.

Это по их почину и их трудовой доблестью, подхваченной сотнями и тысячами последователей, Казахстан стал выпускать 562 вида изделий с государственным Знаком качества.

Треть капитальных вложений в девятой пятилетке была отдана сельскому хозяйству. Как известно, погода не благоприятствовала в эти годы хлеборобам. Но агрономическая наука и героический труд казахстанцев, освоивших сельскохозяйственную технику, с честью вышли победителями и в неурожайные годы.

Кто они? Их не назовешь просто земледельцами, пахарями, жнецами. Это мастера зерна, а 1864 совхоза и 404 укрупненных колхоза — это фабрики зерна и заодно фабрики и заводы овощей и фруктов, мяса и шерсти, молока и масла, яиц и меда, хлопка и каракуля.

За девятую пятилетку казахстанцы собрали 108,3 миллионов тонн зерна, почти на 5 миллионов тонн больше, чем в предыдущей восьмой пятилетке.

Животноводство — это вторая целина Казахстана. В девятой пятилетке оно развивалось высокими темпами. Народнохозяйственный план по заготовкам мяса, молока, яиц и каракуля, перевыполнен. По сравнению с восьмой пятилеткой государство получило от Казахстана больше скота и птицы на 32 процента, молока — на 12 процентов, шерсти — на 14 процентов, яиц — в 2,4 раза больше. Весь Казахстан гордится героическим трудом директора совхоза «Валихановский» Кокчетавской области Кабдуллы Нугманова, председателя колхоза «40 лет Октября» Талды-Курганской области Николая Никитовича Головацкого, председателя колхоза имени 30-летия Казахской ССР Павлодарской области Якова Германовича Геринга, бригадира тракторно-полеводческой бригады совхоза

«Шуйский» Целиноградской области Михаила Егоровича Довжика, звеньевого совхоза имени Ленинского комсомола Казахстана Кзыл-Ординской области Несипбая Апрезова, трактористки совхоза «Харьковский» Кустанайской области Камшат Доненбаевой, старшего чабана совхоза «Бугуньский» Чимкентской области Фатимы Катирбаевой, доярки совхоза «Каменский» Алма-Атинской области Антониды Семеновны Плахиной и многих, многих других.

Называя поименно казахстанских героев сельского хозяйства, Д. А. Кунаев напомнил, что ЦК КПСС ставит перед Казахстаном в десятой пятилетке новые ответственные задачи. Нам предстоит: увеличить среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства на 14—17 процентов.

Задача богатырская, но выполнимая, сверхтрудная, но одолимая.

Издавна Казахстан считался краем бездорожья, его степи и пустыни пересекали лишь караванные пути. Это безвозвратно ушло в прошлое.

Только за девятую пятилетку проложено почти полторы тысячи километров новых железнодорожных линий и вторых путей, около двух тысяч километров нефтяных и газовых трубопроводов, и основано более ста крупных автостанций.

На территории Казахстана выросли архитектурно строгие и красивые железнодорожные и авиационные вокзалы в Алма-Ате и Кустанае и аэровокзалы в Актюбинске, Джамбуле, Кокчетаве, Павлодаре.

Невольно вспоминается 1919 год.

В. И. Ленин послал срочную телеграмму Астраханскому реввоенкому: «Обсудите немедленно: нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная». И вот, в ответ на ленинский призыв, в пыльной степи идет верблюжий караван, погонщики верблюдов стерегут, как зеницу ока, подвешенные на верблюжьих спинах бочонки с драгоценной нефтью, первой нефтью, добытой для Советской страны.

Как изменилось время, как советские люди шагнули вперед!

Казахстанцы дают стране десятки миллионов тонн нефти, она несется в цистернах, по рельсовым путям, она течет подземной рекой по нефтепроводам.

За девятую пятилетку транспортные организации Казахстана перевезли сверх плана около ста миллионов тонн народнохозяйственных грузов. Транспорт всех видов связал меж собой не только все 19 областных центров, но и районные центры, и аулы, и села. Гражданская авиация стала привычным видом связи.

Разве это не удивительный факт: в 1975 году самолетами пользовалась половина населения многомиллионного Казахстана. Между Москвой и Алма-Атой совершает технические рейсы сверхзвуковой лайнер «Ту-144».

Телефон, телеграф, радио, телевидение — все это стало бытом не только в городах, но и в аулах, а понятие «глубинка» постепенно уходит в прошлое. Какая же это «глубинка», если там можно с голубого экрана телевизора видеть и слышать спектакль, даваемый Московским театром!

С тех пор как Казахстан по примеру и при содействии великого русского народа сменил кочевой образ жизни на оседлый, проблема жилья стала для него насущной. До революции основным жильем казаха-кочевника была переносная, легко разбираемая и собираемая юрта.

Абай Кунанбаев горестно говорил: «Нет у нас ни городов, ни людей, видящих мир».

Древние города сожгли и стерли с лица земли завоеватели и из них самый бессмысленно жестокий Чингиз-хан. За пять столетий исторического бытия казахов у них появилось только 17 городов. За пятьдесят лет при советском строе выросло 63 города.

Говоря о девятой пятилетке, Д. А. Кунаев отметил: «На необъятных казахстанских просторах образованы новые города и рабочие поселки, возникли новые промышленные узлы». Эти короткие, эпически-звучащие строки расшифровываются так.

За пять лет построен и заселен 31 миллион квадратных метров жилья. В столице республики Алма-Ате жилищная площадь увеличилась на два миллиона двести тысяч квадратных метров, которые как новоселы заняли двести тысяч человек, из них двадцать три тысячи переселились в благоустроенные квартиры со всеми удобствами из бараков, полуподвалов, времянок, допотопных саманных хибарок.

А всего за пятилетие получило хорошее жилье три с половиной миллиона человек. Алма-Атинский домостроительный комбинат явился застрельщиком конвейерного сооружения жилых домов, которое в десятой пятилетке будет внедрено в строительное дело по всей республике.

В Казахстане идет бурное строительство промышленных предприятий, а ведь каждое новое предприятие — это и новый рабочий поселок с перспективой превратиться в город.

Из доклада Д. А. Кунаева мы узнали, что за последнее пятилетие Коммунистическая партия Казахстана выросла более чем на 80 тысяч человек, в ней стало 657 тысяч членов и кандидатов в члены КПСС, а ее резерв — Ленинский комсомол насчитывает один миллион шестьсот тысяч юношей и девушек.

Десятая пятилетка в Казахстане надежно обеспечена идейно закаленным активом. На XIV съезде Коммунистической партии Казахстана присутствовали представители более ста народов и народностей, населяющих республику, живущих в ней в братстве и дружбе.

А через несколько дней в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, на XXV съезде Д. А. Кунаев выступил как делегат съезда от имени всего Казахстана.

«Делегация 660-тысячной армии коммунистов Казахстана,— сказал он,— целиком и полностью одобряет политическую линию и практическую деятельность ЦК, горячо поддерживает положения и выводы доклада, считает его научно выверенной основой действий во имя дальнейшего расцвета нашей страны и упрочения мирового социализма.

...Под мудрым руководством Центрального Комитета КПСС за эти годы большая работа по реализации решений XXIV съезда партии была проведена партийной организацией республики. Именно поэтому и прежде обладавший немалой экономической мощью и духовной красотой Казахстан словно обновился в минувшей пятилетке, действительно самой лучшей в истории нашей страны.

...Сейчас в Казахстане нет области, района, города, села или аула, где бы не произошли удивительные перемены по воле Коммунистической партии, ставшие явью на земле целинного и космического подвига всего советского народа».

Д. А. Кунаев вкратце изложил факты и цифры свершений Казахстана в девятой пятилетке и заверил съезд, что «проект Основных направлений развития страны на пятилетку полностью одобрен и казахстанцами. Перед нами задачи немалые. Но большие цели вызывают гигантскую энергию».

Как государственный деятель, Д. А. Кунаев проанализировал важнейшие народнохозяйственные проблемы, стоящие перед Казахстаном в десятой пятилетке и особо подчеркнул проблему мелиорации и водоснабжения целины и всего Казахстана:

«Возможности наших земель велики. Жизнь настоятельно требует форсированного строительства канала Волга — Урал, новых групповых водоводов на целине, использования запасов подземных вод. Настало время, товарищи, рассмотреть и проблему Арала, пополнения питающих его рек. Все это окупится сполна, обеспечит бурное индустриально-аграрное развитие новых, исключительно перспективных зон в интересах всей Советской страны».

Свою краткую, но глубокую по содержанию, речь Д. А. Кунаев закончил взволнованно и горячо:

«Коммунистическая партия Казахстана — один из боевых отрядов КПСС — заверяет XXV съезд, ленинский ЦК и Политбюро, что казахстанцы будут и впредь неустанно трудиться на благо Родины, всего социалистического содружества, с честью выполнят задания новой пятилетки, внесут достойный вклад в строительство коммунизма».

Съезд выслушал его с величайшим вниманием и двадцать пять раз прерывал аплодисментами, выражавшими согласие и одобрение.





С ВЫСОКОЙ ТРИБУНЫ

Звонкий голос, подхваченный сотнями радиоустановок, деловито произнес:

— Слово предоставляется делегату съезда товарищу Камшат Доненбаевой, трактористке совхоза «Харьковский» Кустанайской области Казахстана.

Камшат сжала в руке листочки с заготовленной речью, хотя заранее знала, что читать написанное не будет, а скажет слова, вынутые из глубины сердца.

Она шла к самой высокой трибуне Советской страны, на груди у нее сверкали орден Ленина, звезда Героя Социалистического Труда и эмалевый флажок депутата Верховного Совета СССР. Она поняла, что говорить будет не только от лица 660 тысяч казахстанских коммунистов, пославших ее на XXV съезд КПСС, но от имени всего многомиллионного родного Казахстана.

Она на одно мгновение взглянула на президиум и успела заметить, что Леонид Ильич Брежнев смотрит на нее, как отец на дочку,— ободряюще и добро.

На трибуну она взошла с достоинством, без суетливости и торопливости. Тысячи глаз смотрели на нее, кареглазую, со смуглым румянцем на чуть скуластом лице с тонкими бровями, со скромно зачесанными волосами.

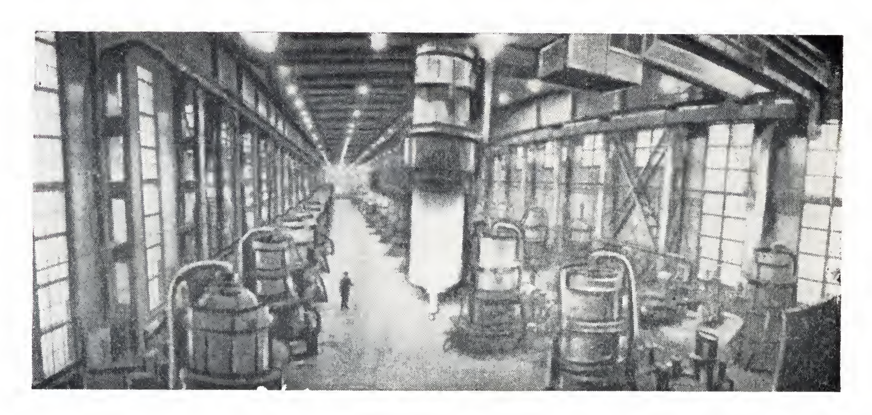
— Дорогие товарищи! — волнуясь, начала она свою речь. — Позвольте мне прежде всего выразить сердечную благодарность Коммунистической партии, ее ленинскому Центральному Комитету, Политбюро ЦК КПСС и лично Вам, дорогой Леонид Ильич, за то, что я, рядовая труженица, смогла стать делегатом съезда и сейчас выступаю с этой высокой трибуны.

Рукоплескания, напоминающие всплески волн родной степной



Металл Казахстанской Магнитки.

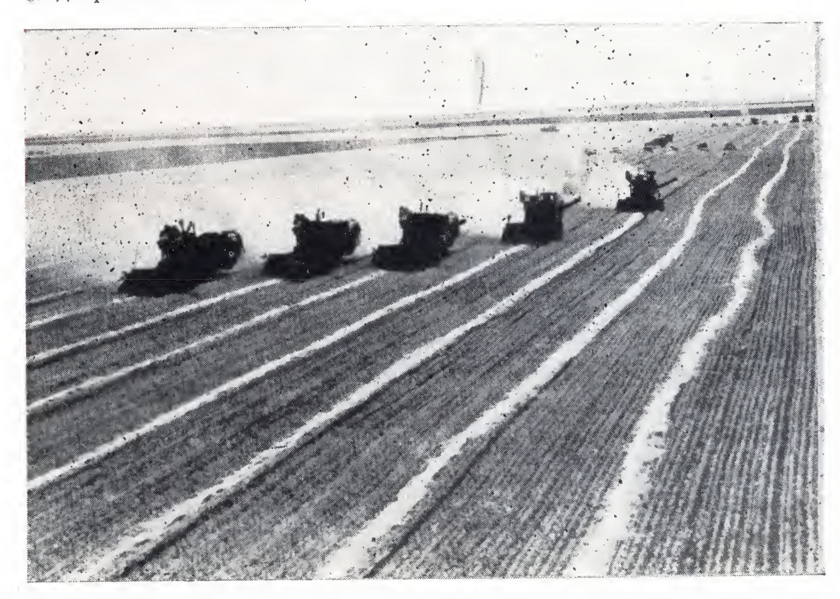
Усть-Каменогорский титано-магниевый комбинат.





Ночная уборка на целине.

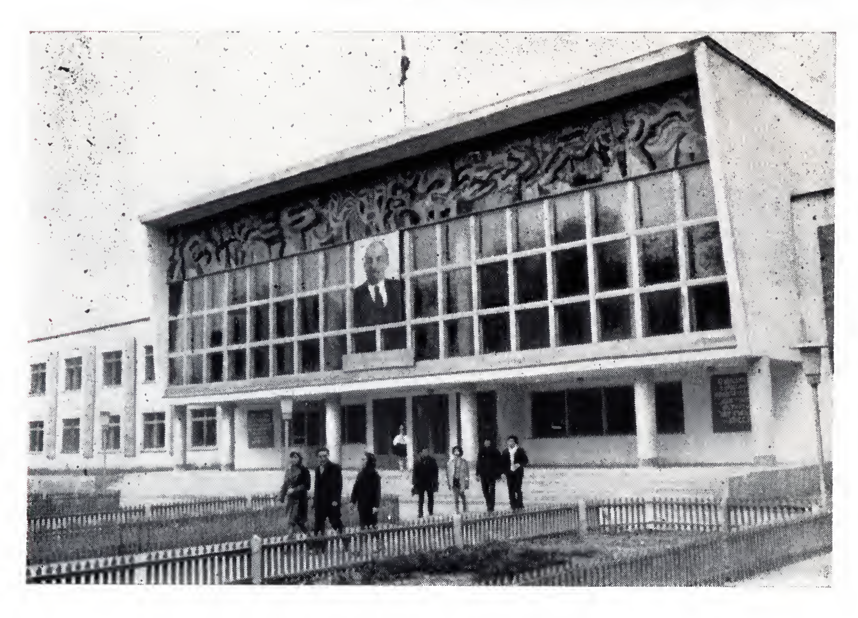
Подбор хлебных валков.





М. И. Калинин вручает акт на вечное пользование землей.

Колхоз имени Калинина, Алма-Атинская область.





Павлодарский тракторный завод.

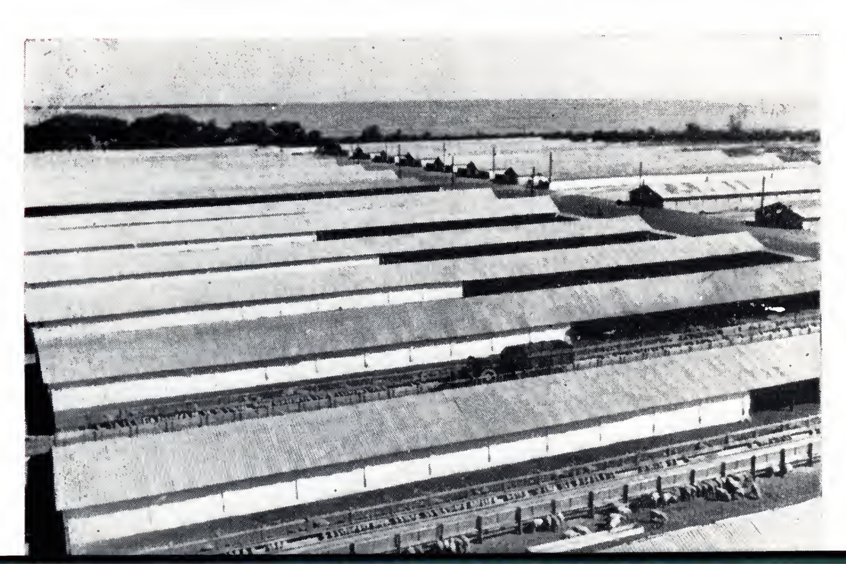
Медицина на участке отгонного животноводства.





Табун коней Луговского конного завода.

Овцеводческий откормочный комплекс
(колхоз «40 лет Октября», Талды-Курганская область).





Машинист угледобывающего роторного экскаватора Владимир Мукишев.

Угледобывающий гигант — роторный экскаватор в Экибастузе.

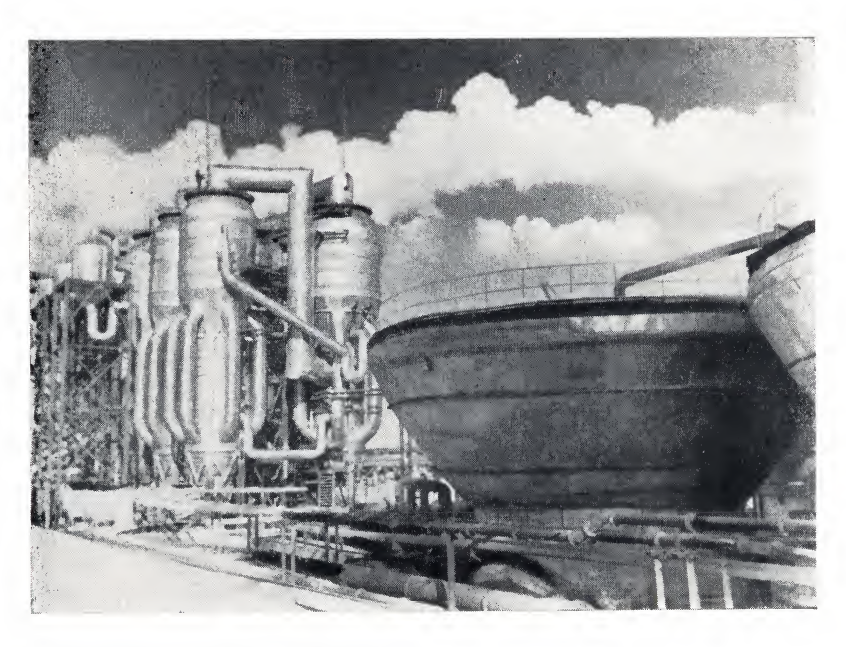




Ермаковская ГРЭС. Начальник котлотурбинного цеха Анатолий Мокшин и старший машинист энергоблоков Муратбек Куандыков.

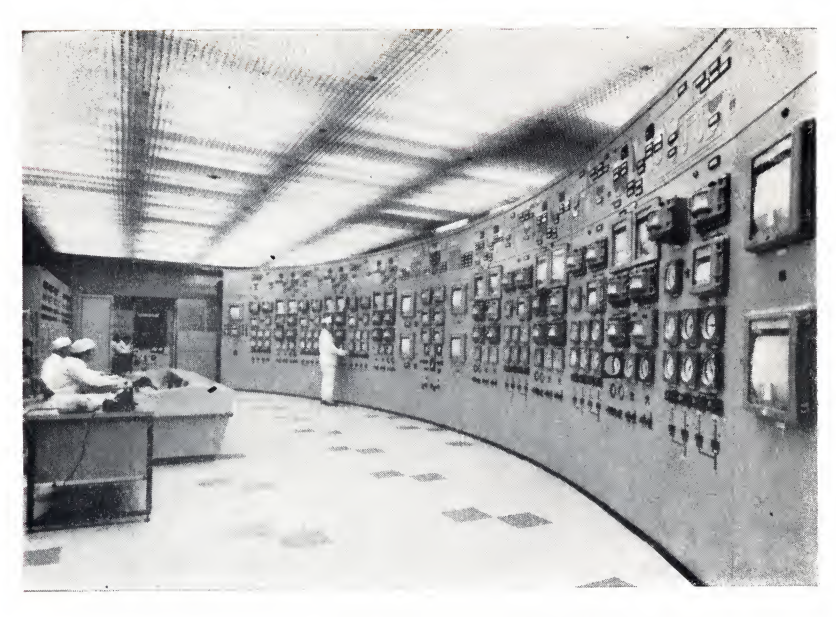
Машинный зал Ермаковской ГРЭС.





Атомный опреснитель г. Шевченко.

Город Шевченко.

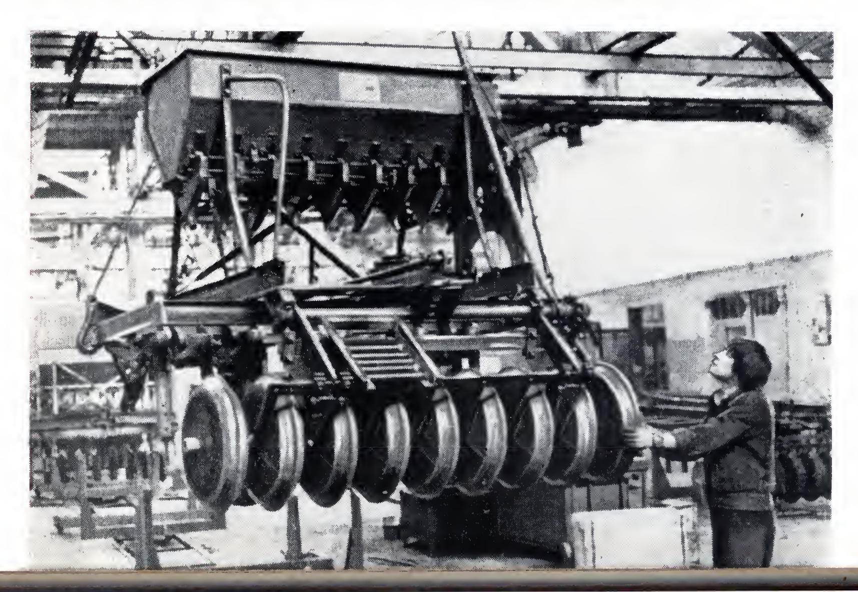


Пульт управления атомной электростанции на быстрых нейтронах.



АХБК. Ткачиха-наставница Мария Макарова со своей ученицей.

Завод противоэрозийной техники «Казсельмаш», г. Целиноград.



Народная художница КазССР Айша Галимбаева.

Универмаг в селе Мерке Джамбулской области.



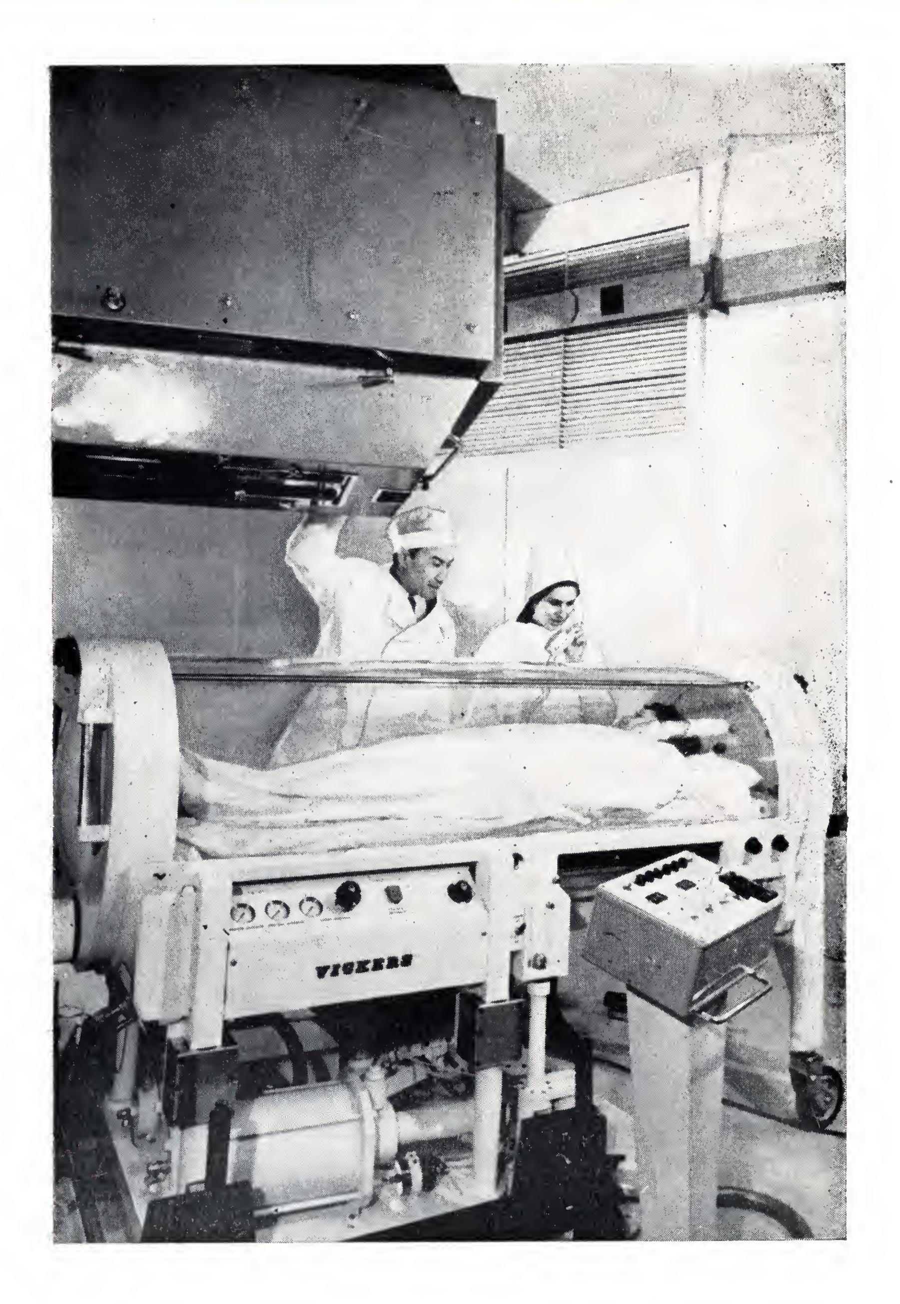


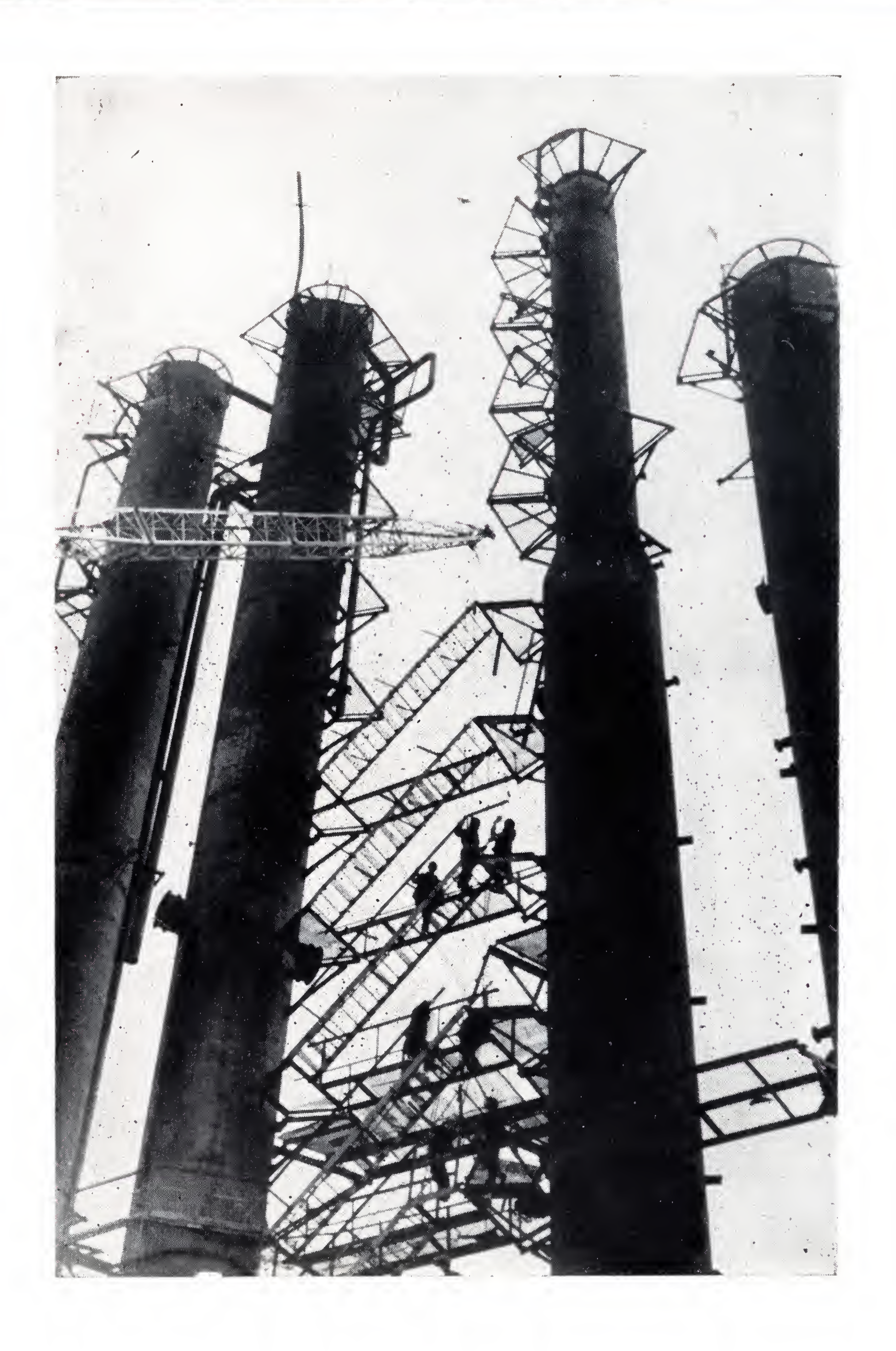
Караганда. Проспект Советский.

Бетатрон в лучевом отделении
Института онкологии и радиологии.

Музыкальная школа в колхозе «30 лет Казахстана»
(Павлодарская область). Преподаватель Борис Рогачев.




VICKERS



Кустанайский комбинат костюмных тканей.

Монтаж колонн на Павлодарском нефтеперерабатывающем заводе.

Лаборатория биофизики КазГУ.





Строительство высотной гостиницы в Алма-Ате.

реки Тобола, пробежали по многолюдному залу. «Понимают меня!»— обрадовалась она и, не глядя на листочки, продолжала:

— Я, как и все, кто присутствует в этом зале, нахожусь под впечатлением доклада Генерального секретаря ЦК нашей партии Леонида Ильича Брежнева. Каждая строка доклада пронизана заботой о советском человеке, о его благе, каждое положение его звучит убедительно, обо всем сказано языком партийной, ленинской правды. Именно такой правдой наша партия завоевала доверие и любовь всего народа. Правда — ее политика, ее оружие, ее знамя!— Снова аплодисменты — из конца в конец зала. Это уже, пожалуй, не Тобол, а красавица Нура, несущая в пору весеннего паводка громады драгоценной в степях воды. «Правде аплодируют»,— подумала Камшат и вспомнила своих четырех детей. «Вот бы они послушали, как в Москве говорит их мать». И тут же заторопилась — ведь так много надо сказать.— Это победоносное знамя сегодня гордо реет над Кремлевским Дворцом, где продолжает свою работу XXV съезд родной Коммунистической партии Советского Союза. И каждый из нас ощущает потребность сделать еще что-то очень большое, необыкновенно хорошее для нашей любимой Отчизны, для партии, для всего советского народа.

Шум аплодисментов снова прервал ее. Что это — гром над целинными Кустанайскими нивами? Ну да, весенний гром, обещающий теплый благодатный дождь, который напоит хорошо вспаханную землю и даст земле силу родить золотое, полновесное зерно.

— Моя судьба — это судьба многих. Она не исключение. Но скажу откровенно: я безмерно счастлива тем, что дала мне, простой женщине-казашке, Советская власть. Мой дед и прадед на чужой земле пасли чужой скот. Они всю жизнь трудились на ней, но так и не познали, что такое радость свободного труда. Я не говорю уже о женщине, уделом которой был только семейный очаг. И разве прежде можно было поверить в то, что я, внучка подневольного пастуха, буду в обновленной степи водить могучий трактор, что меня изберут в высший орган власти — Верховный Совет СССР...

Опять пришлось остановиться. Весенние громы аплодисментов были единодушны во всем многолюдном зале. Зорким взглядом степнячки она обвела зал и не могла не заметить, что воодушевленней всех били в ладоши женщины — русские, таджички, азербайджанки, бурятки, татарки... Это понятно: ведь ее, Камшат, судьба более всего походила на их женскую судьбу...

«Меня же прервали, надо закончить начатую фразу»,— и выдохнула из себя:

— А за мой скромный труд я была удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда.

Опять буря аплодисментов. Начинали бить в ладоши женщины, ее сестры по партии, труду и женской обновленной доли. Их поддерживал весь зал. Камшат заговорила, прерывая шум:

— Это стало возможным благодаря неустанной заботе родной партии о каждом человеке, какой бы национальности он ни был и где бы ни жил в советском краю. В нашей стране над нами одно небо и солнце тоже одно!

— Она — поэт! — выкрикнул кто-то из первых рядов. И тотчас вспыхнули с новой силой аплодисменты. Камшат на секунду зажмурилась, ей вспомнилось знойное, золотое, без пятен на нем, азиатское солнце над кустанайскими пшеничными просторами. Она воодушевленно продолжала:

— И все же мне кажется, что ярче это солнце светит на нашей, казахстанской целине, которую по праву называют землей великого подвига всего советского народа. Это сюда по зову партии, по велению своих сердец прибыли посланцы всех братских республик и своим трудом преобразили огромные целинные просторы.— Аплодисменты взорвались с новой силой,— так шумят весной ручьи и потоки, сбегая в балки и овраги. Камшат благодарно наклонила голову, кланяясь добрым людям от лица поднятой целины. И, разволновавшись, не сдержала чувств, охвативших ее:— Первым всегда труднее. Вы, дорогой Леонид Ильич, в те памятные годы руководили партийной организацией нашей республики. Казахский народ, вся наша многонациональная семья, в которой насчитывается более ста национальностей и народностей, знают, сколько вы отдали труда, сколько отдали энергии покорению целины, всестороннему развитию экономики и культуры Казахстана. Вы постоянно бывали в наших хозяйствах, вместе с нами делили и радость побед, и горечь невзгод. Примите же, дорогой Леонид Ильич, от нас, от всех целинников Казахстана, самое сердечное, хлеборобское спасибо за ваш огромный личный вклад в освоение целинных и залежных земель.

Ее прервал обвал аплодисментов. Это уже бушевал не Тобол, не Нура, а многоводная, утроенная весною Сырдарья, бушевала долго, продолжительно, не сдерживая своих чувств, вызванных словами женщины из народа. Стенографистки отметили в своих скорописных записях: «Продолжительные аплодисменты».

— Наша Кустанайская область,— продолжала с просветлевшим лицом Камшат,— за трудовые подвиги дважды удостоена высокой правительственной награды — ордена Ленина. Но у нас, у целинников, есть еще одна награда, которая не сияет на знамени, не сверкает на груди, а неугасимым теплом согревает наши сердца,

вдохновляет на новые подвиги во имя Родины. Это, товарищи, чувство постоянного внимания к нам со стороны Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, лично Леонида Ильича Брежнева.

Дождавшись, когда отгремят очередные аплодисменты, Камшат заговорила быстрее, деловитее, и все сидящие в зале, верно почувствовали, что перед ними выступает женщина с государственным масштабом мышления, глубоко и проникновенно.

— За годы освоения целины только один наш совхоз «Харьковский» засыпал в государственные закрома почти четверть миллиона тонн целинного хлеба, страна получила от нас тысячи тонн мяса, молока, немало другой продукции.

Целина сегодня — это красивые и благоустроенные поселки с газом, электричеством, водопроводом. В каждом совхозе — средняя школа, Дом культуры, торговый центр с бытовыми мастерскими, столовая, детсад, необходимые производственные здания и сооружения. С каждым годом крепнет и расширяется материально-техническая база совхозов. На смену имеющимся машинам идут более производительные тракторы и комбайны, больше становится ремонтных предприятий, создаются пункты и станции технического обслуживания. Теперь мы как о привычном и будничном говорим о таких специальностях на животноводческих фермах, как оператор, механик по трудоемким процессам, мастер-наладчик. Тяжелый физический труд и здесь все больше перекладывается на плечи механизмов. И как же не радоваться таким переменам, и как же не гордиться ими!

Мы, целинники, с гордостью чувствуем свою полную сопричастность к большим и малым делам нашей великой социалистической Отчизны, перед которой в новой пятилетке открываются захватывающие перспективы.

Жизнь не стоит на месте, и чтобы не отстать от нее, учиться надо всем, тут исключений, пожалуй, никому нет.

Тут она светло и мягко улыбнулась, должно быть вспомнив золотые слова Джамбула: «Когда я пел о народе — я пел и о себе». И добавила, скромно потупив глаза:

— И я тоже стала заочницей сельскохозяйственного техникума, хотя у меня четверо детей.

Женщины-делегаты съезда не сдержались и зааплодировали. Их дружно поддержал весь зал. Камшат, горячая патриотка Казахстана не могла не вспомнить, что колыбель Октябрьской революции, город на Неве — Ленинград — давний, добрый шеф Казахстана. Многие казахские ученые, писатели, композиторы, артисты, художники, инженеры учились и совершенствовались в

Ленинграде. А разве в героическую пору освоения целины Ленинград стоял в стороне? Нет, он внес свой весомый вклад в это великое дело. Да и сама она, Камшат, это чувствовала всем сердцем. Она встряхнула головой и сказала:

— Радость не бывает одна, ее еще раз я испытала, когда по инициативе кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Ленинградского обкома партии товарища Романова Григория Васильевича получила с берегов далекой от Казахстана Невы именной трактор — красавец «К-701».— Не дослушав аплодисментов, поклонилась:

— От всей души казахский рахмет вам, братья-ленинградцы, рабочие Кировского завода, за такой прекрасный подарок!— И снова стенографисткам пришлось внести в свои записи слово «аплодисменты».

Съезд слушал Камшат с глубочайшим вниманием, отдавая должное широте ее взглядов, государственности ее мышления, умению подметить в жизненных явлениях самое существенное, самое главное.

Вот она получила почетный подарок ленинградцев «К-701». Большая честь! Народное уважение! Но она думала не только о себе, но и о своем совхозе «Харьковский», о своей родной Кустанайщине, о всей целине. И судила по государственному, по общенародному счету и уровню:

— Надо сказать, что все целинные совхозы имеют хорошую отечественную технику. Но теперь, чтобы целина давала еще больше зерна, нашим совхозам нужно больше тракторов «К-701» и другой мощной техники. И за это бесконечно будут благодарны все труженики преображенной казахстанской степи, где в память о главных героических делах братских народов страны созданы совхозы «Московский», «Ленинградский», «Киевский», «Минский», «Краснопресненский», «Черниговский», «Харьковский». Последний основали рабочие Харьковского тракторного завода, мои первые учителя и наставники.

И все до единого делегаты съезда — члены Политбюро ЦК КПСС, министры, философы, ученые, писатели, новаторы единодушно аплодировали ей. Трактористка с высокой трибуны разговаривала на равных с целыми министерствами в полном убеждении, что и министры, и госплановцы, и начальники главков не пропустят мимо ушей ее по-хозяйски насущных советов:

— Есть у нас большая просьба и к Министерству тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. Базовые модели тракторов меняются каждые 5—8 лет. Были «ДТ-54», «С-80», те-

перь идут «ДТ-75», «К-700», «К-701», «Т-4». А где же к ним постоянно обновляющийся полный набор прицепных орудий для безотвальной обработки почвы? Так необходимы широкозахватные механизмы — и их не хватает. Поэтому такие первоклассные машины используются явно не на полную мощность, что снижает эффективность их применения. Мы ждем от конструкторов и машиностроителей ответа конкретными делами.

Товарищи! Вдумываясь в каждое положение Отчетного доклада ЦК КПСС, зримо представляешь, какую грандиозную по своим масштабам работу проделали наша партия и весь советский народ, каких замечательных успехов добилась наша страна, каких высот мы достигли за годы девятой пятилетки! А десятая пятилетка еще более грандиозна, и мы, казахстанцы, как и все советские люди, твердо уверены, что ее задания будут также успешно выполнены.

Кому же адресовались новые одобрительные аплодисменты всего съезда? Ей, трактористке Камшат Доненбаевой? И ей. И миллионам казахстанцев. Всему многонациональному Казахстану. Она выразила мысли, чувства, волю всего пославшего ее на съезд Казахстана. В этом наше счастье, в этом суть ленинской демократии.

Все было естественно, красиво, человечно, гражданственно в этой милой казашке, матери четырех детей, герое целинного труда, государственном деятеле новой советской формации. Потому-то высший форум большевиков огромной страны слушал ее с затаенным дыханием, словно боясь пропустить хотя бы одно ее весомое, как зерно целинной пшеницы, слово.

А она делилась своими мыслями, не боясь коснуться и мелочей, памятуя ленинские слова о том, что даже самое большое складывается из мелочей:

— Я рада доложить съезду, что личную пятилетку выполнила за три с половиной года. Большие у меня планы и на эту пятилетку. Решила на своем «Кировце» выработать не менее 20 тысяч условных эталонных гектаров. Наметили высокие рубежи для себя и другие женщины-механизаторы нашей области. Среди них Герой Социалистического Труда комбайнер совхоза «Буревестник» Мария Ивановна Дьяченко, трактористка Кундузай Ибраева, с которой я соревнуюсь не первый год. И совсем юная, ставшая чемпионкой области среди молодых пахарей Лиза Вайднер. Нас, женщин-механизаторов, в Казахстане с каждым годом становится все больше и больше. По уровню образованности и культуры тружеников, по социальным условиям труда и жизни современное село сегодня во

многом сравнялось с городом. Теперь дело за тем, чтобы укреплять и совершенствовать сферу обслуживания сельских тружеников. Больше строить современного жилья, школ, дошкольных учреждений, улучшать работу предприятий общественного питания и бытового обслуживания. Считаем немаловажным и такой вопрос: для нас, женщин, не только механизаторов, нужна удобная, красивая сезонная рабочая одежда, но зачастую мы ее видим лишь в журналах мод, иногда по телевизору, на выставках.

Не успели стенографистки дважды написать (в который раз за минуты выступления Камшат!) слово «аплодисменты», как Доненбаева, набрав воздуха в легкие, с подъемом, с воодушевлением, с волнением подошла к окончанию своего великолепного выступления:

— Товарищи! В эти дни в нашей области, как и во всей стране, ширится социалистическое соревнование. Трудовые коллективы с чувством высокого удовлетворения рапортовали о досрочном выполнении принятых обязательств в честь XXV съезда КПСС. Многое сделали и труженики села, закладывая основу нового урожая — первого урожая десятой пятилетки. В каждом колхозе и совхозе республики с целинным упорством разворачивается борьба за большой казахстанский хлеб. В нашем совхозе единой семьей трудятся представители многих национальностей. Но у нас был, есть, будет общий язык — язык братства и дружбы. Нас, всех, более 250 миллионов сынов и дочерей у одной матери — нашей социалистической Родины. Все мы — единый советский народ, тесно сплоченный вокруг родной Коммунистической партии, и в мире нет силы, способной поколебать наше свободное, великое братство. Оно нерушимо, оно непобедимо. И сколько бы ни злобствовали наши зарубежные недруги, факел дружбы, братства всех наших народов будет гореть вечно, ибо его неустанно бережет великая Коммунистическая партия Советского Союза.

В 1975 году в Алма-Ате состоялся Международный семинар женщин Азии, Африки и Латинской Америки. Его участницы с горечью говорили о бесправии женщин, безрадостном детстве в условиях капитала. Они с огромным удовлетворением отмечали, какой большой государственной заботой окружены материнство и детство в нашей стране. Мы, советские женщины, материнской любовью отвечаем на эту заботу родной партии, горячо, всем сердцем поддерживаем и одобряем ее политику мира, интернационализма, братства народов. Мы выражаем искреннюю благодарность Политбюро ЦК, лично Леониду Ильичу Брежневу за счастье наших детей, за их светлое будущее, и за наш мирный труд.

Эгу концовку речи Доненбаевой съезд четырежды прерывал аплодисментами, но она поднимала руку и этим жестом просила дослушать ее. Собрав силы, она произнесла клятву от имени всего Казахстана:

— Позвольте мне от имени всех хлеборобов Казахстана заверить делегатов XXV съезда КПСС в том, что мы приложим все свои силы, знания и опыт для претворения в жизнь всех величественных предначертаний Коммунистической партии.

Секунду-две длилось молчание, а потом ударил шквал рукоплесканий. Это была овация всего съезда. Уже не плеск Тобола и Нуры, не бушевание полноводной Сырдарьи услышала Камшат Доненбаева, а штормовой гул зелено-синего Арала, бьющего в берега громадами волн.





ЗДРАВСТВУЙ, АЛМА-АТА!

Так уже повелось на планете Земля, что о любой стране, о каждом народе судят по их столичному городу, по столице. Такой подход к оценке народа и страны правилен и закономерен.

По Парижу можно составить представление обо всей Франции, как по Лондону угадать всю Англию. По Дели люди судят обо всей Индии. Побывав в Софии, мы можем безошибочно представить себе всю Болгарию, как, посетив Злату Прагу, узнать лучшие черты всей Чехословакии. Берлин поможет нам понять и оценить всю Германскую Демократическую Республику, как Рим откроет глаза на всю Италию. Варшава — это образ всей Польши, а Гавана — образ всего острова Свободы, всей Кубы. Достаточно вглядеться и вслушаться в Будапешт, чтобы понять самое существенное в Венгрии, и Бухарест даст понимание всей Румынии.

Нам возразят: судить о США по их официальной столице — Вашингтону нельзя, эту страну с бóльшим успехом представит Нью-Йорк. Это так. Но это только исключение, а исключения, как известно, лишь подтверждают правила.

Мы бывали в столицах всех братских республик Советского Союза и можем засвидетельствовать, что каждая столица — будь то армянский Ереван, туркменский Ашхабад, украинский Киев, белорусский Минск, эстонский Таллин,— каждая столица союзной республики очень ярко, отчетливо и выпукло выражает национальный характер, богатства, экономический потенциал, природу и дела той или иной республики.

Душанбе не спутаешь с Тбилиси, а Фрунзе не похож на Кишинев. Даже города-братья, города-соседи — Ташкент и Алма-Ата

не похожи друг на друга, каждый из них неповторимо своеобразен, у каждого свое сердцебиение, свои краски, своя музыка.

Алма-Ата не сразу стала столицей социалистического Казахстана. Первые советские годы столицей Казахстана была, как известно, Кзыл-Орда. Лишь в 1929 году свою столицу казахи перенесли в исконно казахский, древний город Алма-Ату, бесспорно один из самых красивых и своеобразных городов всего Советского Союза.

Часто нас спрашивают:

— Это действительно так, что Алма-Ата выросла из русского города Верного и ей всего немногим более ста лет?

— Нет,— отвечаем мы.— Алма-Ате никак не менее тысячелетия. Название казахстанской столицы переводится обычно на русский язык так: «алма»— яблоко, «ата»— отец. «Алма-Ата»— отец яблок.

Но так ли это? Казахи называют свою столицу «Алматы», что означает: «Яблочная местность». Город этот древний и был основан приблизительно десять веков тому назад, о чем свидетельствуют и научные изыскания.

Русский академик Бартольд еще в прошлом веке обнаружил остатки древнего городища Алмату. Город стоял тут с незапамятных времен и был разрушен дикими конниками Чингис-хана. «Алмату,— утверждал казахский ученый Чокан Валиханов,— был известен своей торговлей и служил станцией на большой дороге».

Городок Верный построен в XIX веке на пепелище, на развалинах древнего городища. До революции Верный был азиатским захолустьем Российской империи — с немощеными узкими улицами, с саманными, глинобитными хибарками, с тусклыми фонарями на столбах, укрепленных на старых мельничных жерновах. Летом городок задыхался от пыли, осенью утопал в грязи. Базар был местом, пропахшим нечистотами, над ним вились мириады мух. Над глинобитными домишками возвышались только губернаторский дом, городская управа, церквушки, острог. Насчитывал город всего шесть тысяч жителей и славился кабаками.

От старого Верного Алма-Ата унаследовала только одну достопримечательность — сплошь деревянный кафедральный собор, где ныне помещается краеведческий музей. Этот собор является одним из немногих на свете зданий, возведенных без единой металлической конструкции.

Кроме этого собора, да еще вклинившейся в город рощи, от старого Верного ничего не осталось.

В 1929 году Алма-Ата стала столицей Казахстана. За последние сорок восемь лет Алма-Ата, по сути дела, воздвигнута заново. Уже через три десятилетия было построено как бы три новых Алма-Аты,

а строительство и по сей день ничуть не уменьшилось, а, наоборот, увеличивается.

Красоту новой социалистической Алма-Аты определяют такие три слагаемые, как окружающая ее величавая природа, главным образом, владычествующие над городом жемчужные, покрытые нетающим снегом, вершины Алатау; необычайная щедрость зелени — деревья, кустарники, цветники, клумбы, позволяющие назвать Алма-Ату городом-садом, городом-парком; великолепие архитектурных ансамблей — простых, строгих, спокойных в своем изяществе и новизне,— без аляповатых «красивостей», без излишнего украшательства, но с проявлением художественного вкуса, с достоинством, бережностью призвавших в зодческое творчество неувядаемую красу национальных форм и особенно орнамента.

Конечно, Алма-Ата лучший, красивейший и самый благоустроенный город Казахстана. Новый генеральный план застройки Алма-Аты был принят после всестороннего конкурса. Победителями в конкурсе стали архитекторы Ленинграда, города, давно уже взявшего культурное шефство над Казахстаном. Ленинградские зодчие сумели в своем архитектурном плане вписать большое количество новых зданий и целых ансамблей в сады, рощи, аллеи, в густой зеленый массив азиатской растительности, где есть карагачи, тополя, дубы, тяньшанские ели, лохи, акация, кизил и барбарис. Строгое, монументальное здание Дома правительства окружено фонтанами бело-голубой воды, коврами из маков, тюльпанов, каннов и других цветов с доброй сотней наименований.

Перед Домом правительства на гранитном постаменте — бронзовый памятник В. И. Ленину, который изваял выдающийся советский скульптор Евгений Вучетич. Монументальная художественная пропаганда — статуи, бюсты, мемориальные доски из камня и металла, скульптурные группы — это новое слово в национальном по форме, социалистическом по содержанию искусстве казахского народа.

Пятьсот предыдущих перед советскими лет казахи не имели скульптуры, да и живописи тоже: изобразительно-художественный гений народа выразил себя только в орнаменте, ковроткачестве, в вышивках на кошме, в резьбе и горячем тиснении на кожах.

А ныне Алма-Ату украшают памятники лучшим людям прошлого и современного Казахстана: Чокану Валиханову, Амангельды Иманову, Михаилу Фрунзе, Мухтару Ауэзову, Джамбулу Джабаеву, генералу Панфилову и другим. Монумент-памятник мудрого и вещего Кунанбаева стоит у самого истока широкого, двенадцатикилометрового проспекта, носящего имя великого поэта и философа казахского народа, которого народ с любовью и уважением называет кратко — Абай.

Здания здесь одно краше другого, весь проспект — это зеленая аллея, в которую вмонтированы цветники, клумбы, ромбы и четырехугольники декоративных кустарников.

Нам, помнящим кривые и тесные улочки городка Верного с их глинобитными и деревянными домишками, особенно радостно смотреть на бетон, камень, металл и стекло новых зданий Алма-Аты, столь естественно и волнующе гармонирующее со свежей зеленью. Трудно определить, что тут чуть получше или чуть похуже: большинство новых и новейших сооружений в Алма-Ате — это экзамен, сданный столицей по архитектуре, где искусство и наука слились нерасторжимо.

Вот, например, театр оперы и балета имени Абая — высокое, гордое и вместе с тем строгое здание, с четырьмя гранеными колоннами, с резьбой, барельефами орнамента на фронтоне. По вечерам этот театр-дворец переливается алмазными огнями.

Величаво гранитное, монументальное здание Академии наук Казахстана, подлинный дворец науки, построенный по проекту русского архитектора Щусева, где работают тысячи ученых: иначе и нельзя, таков размах, такова масштабность сегодняшнего Казахстана.

И тут зелень, много зелени.

В наши дни население Алма-Аты все ближе подступает к цифре — миллион человек. Несколько лет назад, когда население перевалило за шестьсот пятьдесят тысяч человек, зеленых деревьев в городе было вдвое больше, чем жителей. Прибавив к вековым дубам и карагачам кустарники, цветники и клумбы, ученые подсчитали, что на каждого алмаатинца приходится девяносто квадратных метров зеленых насаждений. Население Алма-Аты год от года растет, но вместе с ним увеличивается и число вновь посаженных деревьев, кустарников и площадь зеленых газонов. Зеленая норма на каждого алмаатинца не понижается.

Кинотеатр «Целинный»— это сама воздушность, невесомость. Ночью он кажется прошитым, пронизанным теплым и ярким светом. Одним из любимых зданий в Алма-Ате для алмаатинцев, да и для приезжих, давным-давно стало здание Дворца съездов имени В. И. Ленина. Конечно, оно менее грандиозно, чем Дворец съездов в Московском Кремле, но есть у них что-то родственное, словно они — старший и младший сыновья одного отца.

Не вызывает никакого удивления, что новые архитектурные сооружения в Алма-Ате зовут дворцами: Дворец спорта, Дворец бракосочетания. Они и в самом деле дворцы в прямом и точном смысле слова.

Воздвигается еще один дворец — Казахский академический театр.

Даже такие, казалось бы, чисто бытовые предприятия, как гостиница или столовая, выдерживая столичный стиль Алма-Аты, выглядят празднично, нарядно и по-казахски гостеприимно. Архитектурно строгий ресторан «Алма-Ата» не повторяет ни своих ташкентских, ни московских, ни душанбинских собратьев по служению народу. «Алма-Ата» не только внешне, но и наружно выглядит по-казахстански, по-алмаатински, и с национально-казахским радушием может принять тысячу гостей и предложить им вместе с русскими и европейскими блюдами национальную казахскую кухню: бесбармак, казы, куырдак, кумыс...

Сверкающий стеклом и металлом отель «Казахстан» комфортабелен, просторен, светел, украшен казахскими коврами, живописью казахских художников, творениями казахских скульпторов. По-столичному огромные магазины — Центральный универмаг и «Детский мир» всерьез соревнуются со своими московскими и ленинградскими тезками. Спортивный городок с гигантской чашей стадиона невольно заставляет вспомнить о московских Лужниках.

Когда-то, до революции, казахи знали только древние виды степного спорта: байгу, борьбу силачей-балуанов, кокпар-козлодранье. Среди казахов прославился до революции борец Хаджимухан Мунайтбасов. Этот силач привез в Алма-Ату из европейских столиц первые золотые медали. Он дожил до Великой Отечественной войны и, хотя был уже в летах, вышел на ковер. Боролся. Брал призы. А потом на свои сбережения купил самолет и передал его боевому летчику:

— Громи, сынок, фашистских захватчиков!

Теперь счет спортсменов идет в республике не на тысячи, не на сотни тысяч, а на миллионы. Открыт институт физкультуры. Около пятидесяти мировых рекордов установлено при непосредственном участии спортсменов Казахстана.

Неподалеку от Алма-Аты в горах Алатау оборудованы всемирно известные высокогорный каток «Медео», горнолыжная станция Чимбулак, альпинистские и туристские лагеря. Создатели «Медео» были удостоены Государственной премии СССР.

В VI летней Спартакиаде народов СССР спортсмены Казахстана (а в их рядах немало алмаатинцев) заняли шестое общекомандное место. Сильнейшие из казахстанских спортсменов стали участниками международных состязаний. Недавно в Алма-Ате построен цирк. Любители циркового искусства утверждают, что алмаатинский цирк немного уступает новому, московскому, но, конечно, больше и удобнее старого московского цирка.

Вечерами Алма-Ата вспыхивает гирляндами алмазных огней. По радио передается «Алмаатинский вальс».

Алма-Ата — крупный индустриальный центр Казахстана. Пол-

тораста предприятий — это давно пройденный этап. Все больше и больше изделий выходит с алмаатинской маркой. И каких изделий! Это не сыромять, не овечья шерсть, не клей из конских копыт, что было под силу производить полукустарным заведеньицам дореволюционного Казахстана.

Алма-Ата выпускает сложнейшее технологическое оборудование для электростанций, сверхточные станки, волочильные станы, новейшую аппаратуру связи, гидротехническое и коксохимическое оборудование, инструментарий для геологических работ, первоклассный текстиль, меховые изделия, первосортные полиграфические образцы... В десятки зарубежных стран экспортирует свою продукцию Алма-Ата.

В девятой пятилетке вступила в строй крупнейшая в стране Фабрика книги. В Алма-Ате начато издание Полного 55-томного собрания сочинений В. И. Ленина на казахском языке.

В столице Казахстана работают издательства «Жазушы», «Казахстан», «Наука», «Мектеп», «Кайнар», а с недавних пор детско-юношеское издательство «Жалын». За девятую пятилетку на казахском, русском, корейском, уйгурском, немецком языках в Алма-Ате вышло более ста миллионов экземпляров книг. Книжное издательство художественной литературы «Жазушы» выпускает в год по триста шестьдесят книг, значит, почти по одной книге в день!

Круглый год в Алма-Ате кипит строительство. Мы с большим интересом следим за стройкой учебного городка университета имени С. М. Кирова. Это будет комплекс зданий в стиле растущей из года в год Алма-Аты. Каждый факультет университета получит отдельный учебный корпус. В городке разместятся десять тысяч студентов.

В Алма-Ате большое, оживленное движение: бегут трамваи проносятся троллейбусы, вереницами движутся «Волги», «Жигули», «Запорожцы», машины с шашками на боку — такси, количество их давно превысило тысячу. К вокзалу то и дело подходят поезда, а ведь первый поезд пришел в Алма-Ату только после постройки Турксиба. А что было до этого транспортного праздника? Давнишняя картина: лошади, быки, ишаки, верблюды...

Ныне в алмаатинском небе все чаще и чаще летят серебряные птицы — воздушные лайнеры. С борта самолета открывается величественная панорама изумрудно-зеленой Алма-Аты.

В столице Казахстана нет башни, по высоте равной Останкинской, что стоит в Москве. Но для обозрения Алма-Аты достаточно подняться на гору Коктюбе, хотите — на такси, хотите — фуникулёром, и столица раскинет перед вами свои сады и дворцы, свои парки и взгорья, свое море, свои беспокойные горячие стройки.

Вот, например, заканчивающаяся стройка многоэтажного гос-

питаля клинической и экспериментальной медицины. Перед ним, этим, хочется сказать — Дворцом здоровья, столетние деревья кажутся кустарником.

А ведь до революции у казахов не было ни больниц, ни врачей. Врачевали бахсы́ — знахари. Оспа, холера, тиф, малярия косили людей, а теперь эти болезни забыты.

На фронте здравоохранения в Казахстане идет в наступление на болезни и недуги целая армия врачей и работников медицины всех рангов.

За девятую пятилетку количество врачей увеличилось по республике на одиннадцать тысяч и составило армию в тридцать девять тысяч человек.

Если городок Верный, стоявший до революции на месте сегодняшней Алма-Аты, был захолустьем, о котором знали немногие, то Алма-Ата известна во всем мире.

Алма-Ата посещается людьми всех стран света. Осенью 1969 года в Алма-Ате состоялся международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В нем приняли участие представители более пятидесяти стран.

В Алма-Ате состоялись пятая конференция писателей стран Азии и Африки, третья музыкальная Трибуна Азии, научно-технические конференции стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи, Международный семинар представителей женских организаций стран Азии, одиннадцатый Менделеевский съезд, чествование 1100-летия Абу Насра аль-Фараби и другие встречи и форумы.

Алма-Ата сумела собрать и воплотить в себе лучшие черты всего возрожденного Октябрьской революцией Казахстана, всех его девятнадцати областей, каждая из которых не только пространствами, но и своими делами, своими трудовыми подвигами равна иногда целой стране.

По Алма-Ате равняются все областные центры Казахстана. Народные акыны в своих песнях и поэмах выразили мечты и чаяния казахского народа о Жидели-Байсын, земле счастья. Жидели-Байсын — это и есть идущий ленинским путем советский социалистический счастливый Казахстан, а Алма-Ата, его столица, вобравшая в себя его мечты, его планы, его загляд в будущее и его решимость идти ленинским путем под руководством Коммунистической партии в еще более светлое будущее.

Здравствуй, зеленая, солнечная, любимая народом, Алма-Ата!

СОДЕРЖАНИЕ

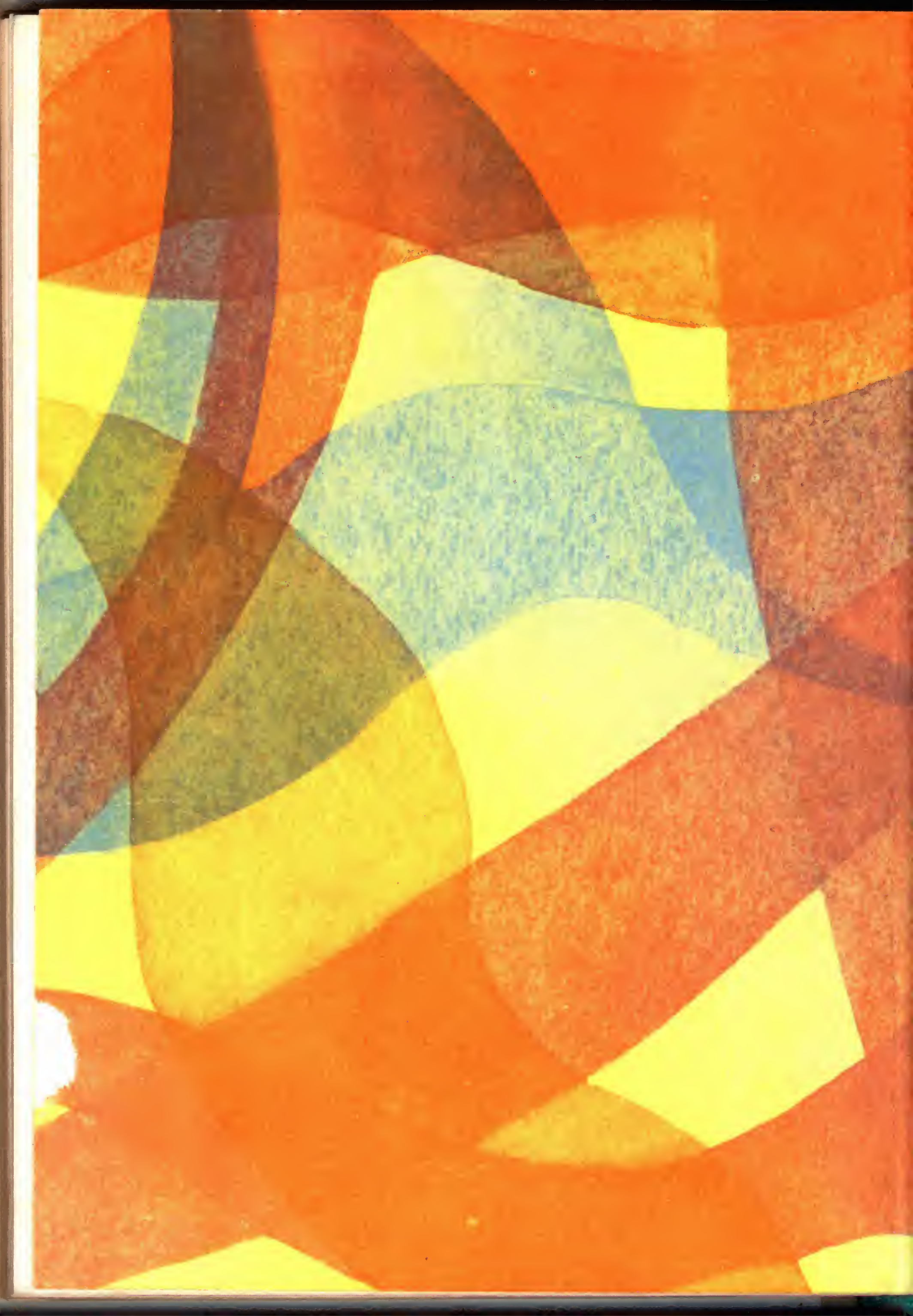
Мухамеджан Каратаев
Константин Алтайский

ЖИДЕЛИ-БАЙСЫН — ЗЕМЛЯ СЧАСТЬЯ

Редактор *Г. Байдер.*
Художник *Ю. Юрьев.* Худож. редактор *А. Сергеев.*
Техн. редактор *О. Пегова.* Корректор *Н. Григорьева.*

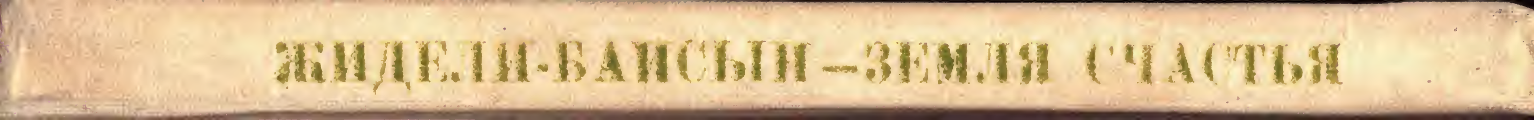
Сдано в набор 26/IV 1977 г. Подписано к печати 19/VIII 1977 г.
Бумага тип. № 1. Формат $60 \times 84^1/_{16}$—7,0+2,0 п. л. вкл.=8,37 усл. п. л.
(8,65 уч.-изд. л.). УГ06285. Тираж 24 000 экз. Цена 55 коп.
Издательство «Жалын», 480003, г. Алма-Ата, ул. Гоголя, 111.

Заказ № 545. Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
480016, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.






55к.


ЖИДЕЛИ-БАЙСЫН — ЗЕМЛЯ СЧАСТЬЯ